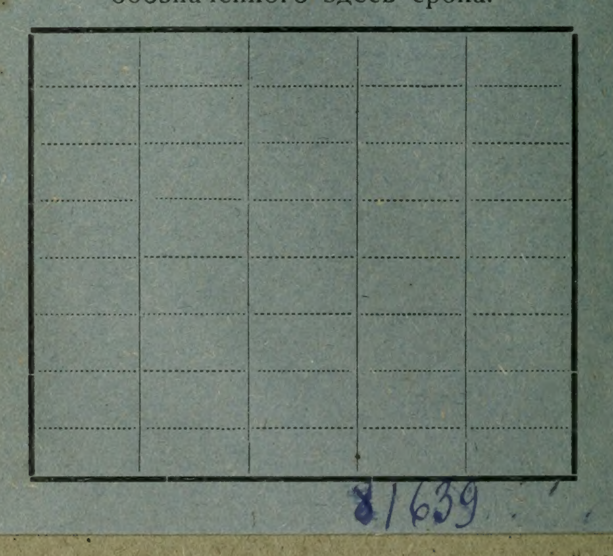
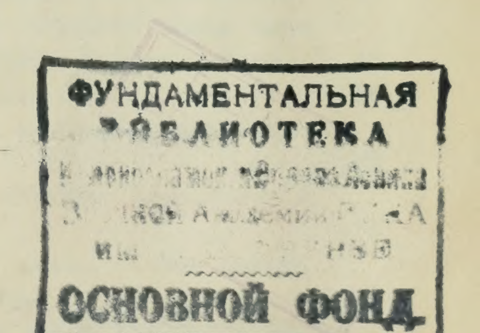

3 1761 07289347 2

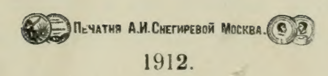

Д. Н. Логофетъ.

ВЪ ЗАБЫТОЙ СТРАНѢ.

Путевые очерки по Средней Азіи.

1912.

8192

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Глава I. Городъ Кермине, резиденція эмира. Бухарскія женщины. Эмирскій чиновникъ. Каризы 1

» II. Оригинальный судья. Караванъ съ деньгами. Таинственный случай 10

» III. Колодцы Тутли. Пѣснь о Садыкъ-Баѣ-Батырѣ. Степь Карнапъ-Чуль. Безводный переходъ 20

» IV. Древнія саргдобы. Авганская сказка. Испорченная жизнь. Прокаженные. Песчаный буранъ. Пустыня Сундукли . . 29

» V. Злой духъ Аллъ. Отъ Наразыма до Бурдалыка по Аму-Дарьинскому побережью. Старый аломанщикъ и его воспоминанія . 41

» VI. Отъ кишлака Макона до Сурхи. Страшныя забавы эмира Насрула-Хана. Смерть его. Миражи. Караванъ несчастья . 49

» VII. Охота туркменъ. Въ погонѣ за оленемъ 58

» VIII. Туземный базаръ. Живая сатира на бухарскій судъ. Старая поговорка 62

» IX. Горы Кугитангъ-Тау. Сѣрные источники Ходжа-Ипакъ и больные 70

» X. Долина рѣки Кугитангъ-Дарьи. Сказка о царѣ Салимѣ. Развалины крѣпостей. Залежи сѣры 75

» XI. Переправа черезъ Аму-Дарью на каюкѣ. Ковровый раіонъ. Авганскіе приграничные города 80

» XII. Авганскій сердаръ и его попытка произвести возстаніе въ Авганистанѣ. Исаакъ-Ханъ, эмиръ Авганистана. Новая рѣка въ пустынѣ 87

» XIII. Рѣка Бальхъ-Дарья и ея разливы. Неурядицы въ жизни туркменъ 95

Глава XIV. Укрѣпленіе Керки. Генералъ Христіани и его куплеты на флотилію. Пустыня Кара-Кумъ 102
» XV. Жизнь въ пустынѣ. Аломаны. Прежняя вольница. Казнь разбойниковъ 111
» XVI. Судъ въ пустынѣ. Бухарская сказка о предопредѣленіи. Лѣса саксаула. Анекдотъ о генер. Духовскомъ 119
» XVII. Туркмены и ихъ представленія о русской власти. Свадьба и разводъ по обычному праву 127
» XVIII. Русскій городъ Чарджуй и генералъ Анненковъ. Постройка стараго деревяннаго моста 132
» XIX. Флотилія. Курильщики опія. Сказка о гусяхъ Тамерлана . . 138
» XX. Новый мостъ черезъ Аму-Дарью. Преданія о пророкѣ Махмудѣ-Справедливомъ 146
» XXI. Пустыня Кумъ-Ирекъ-Кумъ. Божій судъ 152
» XXII. Поворотъ Аму-Дарьи въ Каспійское море. Русскій Акъ-падишахъ—надежда туркменъ. Заключеніе 159

Въ забытой странѣ.

(Путевые очерки по Средней Азіи).

I.

Будто громадный муравейникъ, казалась платформа желѣзнодорожной станціи Кермине. Огромная толпа бухарцевъ въ яркихъ халатахъ сновала взадъ и впередъ, входя и выходя изъ вагоновъ остановившагося поѣзда.

Степенно выступая, двигались сквозь толпу почтенные чиновные люди, пышно разодѣтые въ парчевые халаты съ широкими поясами, украшенными золотыми бляхами, за которыми виднѣются кривыя сабли въ бархатныхъ разноцвѣтныхъ ножнахъ. Услужливо расталкивая толпу, суетятся ихъ слуги, торопливо перетаскивая вещи и одновременно съ этимъ очищая дорогу въ этой сплошной толпѣ, почтительно разступающейся передъ важными бухарскими сановниками.

Русскіе костюмы пассажировъ тонутъ совершенно въ этомъ морѣ цвѣтныхъ халатовъ, придающихъ толпѣ какой-то праздничный, парадный видъ. Бѣлыя, красныя, зеленыя и синія чалмы бухарцевъ пестрѣютъ передъ глазами, смѣшиваясь съ огромными косматыми шапками туркменъ, рѣзко выдѣляющихся изъ толпы своими типичными лицами.

Красивыя, съ библейскимъ окладомъ, лица таджиковъ чередуются съ узбеками, а далѣе виднѣются огненно-красныя, покрашенныя особою краскою бороды персовъ, одѣтыхъ въ казакины и халаты преимущественно темныхъ цвѣтовъ.

Мавританскаго стиля вокзалъ вполнѣ гармонируетъ съ этою толпою, и лишь вывѣски на русскомъ языкѣ напоминаютъ о главенствѣ Россіи надъ этою чуждою по государственному устройству и управленію страною, имѣющей своего особаго повелителя—Бухарскаго Эмира.

Отъ линіи желѣзной дороги до города Кермине не болѣе трехъ верстъ по совершенно ровной мѣстности, безъ всякой растительности, и лишь около города начинается зеленая полоса древесныхъ насажденій, тянущихся по ирригаціонной системѣ, выведенной изъ рѣки Заравшана и создающей почти сказочное богатство во всѣхъ этихъ мѣстахъ, носящихъ названіе земель Міанкаля.

Солнце, поднявшееся надъ самою головою въ видѣ огненнаго раскаленнаго диска, шлетъ массу своихъ горячихъ лучей на землю, старательно сжигая всякую травку, не орошаемую водою. Мелкая пыль, поднятая копытами нашихъ лошадей, густымъ облакомъ носится въ воздухѣ, покрывая все сѣроватымъ ровнымъ налетомъ.

Узкія улицы Кермине почти пустынны, и только изрѣдка изъ закрытыхъ воротъ выглядываетъ голова туземной женщины, пугливо прячащаяся при видѣ цѣлой толпы мусульманъ, сопровождающихъ насъ.

— Вотъ обратите вниманіе,—нарушаетъ молчаніе мой спутникъ, отставной полковникъ К., старожилъ Туркестанскаго края, прослужившій въ немъ почти 40 лѣтъ, — если ѣдетъ русскій одинъ, то непремѣнно каждая женщина старается его разсмотрѣть, а если вдобавокъ хорошенькая, то откроетъ обязательно свое покрывало и покажетъ лицо; лишь старыя да уроды въ такихъ случаяхъ не поднимутъ паранджи [1]). Ну, а при сопровожденіи мусульманъ другое дѣло—тутъ ужъ надо прятаться, а то наговоритъ кто изъ нихъ отцу или мужу, тогда плохо.

[1]) Паранджа—покрывало на лицѣ.

Вѣдь вотъ подите, какъ ни крѣпко прячутъ они своихъ женщинъ, а все-таки наши солдаты ухитряются заводить съ ними не только знакомство, но и романы.

— Вотъ хотя бы Борисенко,—указалъ онъ на высокаго солдата, рысившаго сзади насъ,—страсть какой ходокъ по этой части.

Борисенко, услышавъ свое имя, широко усмѣхнулся и, конфузливо глядя въ сторону, медленно заговорилъ:

— Больно здѣшняя баба до сластей охоча, что твои мухи. Покажешь ей это кусокъ сахара да и скажешь „айда", ну и сама приведетъ тебя въ потаенное мѣсто...

Широкіе многоводные арыки были полны, неся массу воды, разливавшейся по всей ирригаціонной сѣти и съ глухимъ журчаніемъ протекавшей по улицамъ города, который весь, казалось, потонулъ въ густой зелени деревьевъ, начинавшихъ уже желтѣть.

Огромный дворъ караванъ-сарая былъ весь занятъ массою верблюдовъ, отдыхавшихъ, лежа на землѣ, отъ утомительнаго пути. Кипы различныхъ товаровъ виднѣлись сложенными невдалекѣ у входа. Подъ длиннымъ навѣсомъ сидѣли и лежали пріѣзжіе, устроившись на кошмахъ.

Запахъ кунжутнаго масла изъ котла съ варившимся пловомъ далеко разносился по окрестностямъ, смѣшиваясь съ букетомъ горѣлаго бараньяго сала и прѣющаго навоза.

Чайники съ кипяткомъ стояли цѣлымъ строемъ на угольяхъ мангала [1]). Тутъ же виднѣлись горы арбузовъ и дынь. Пучки лука и чесноку висѣли на стѣнахъ, издавая свой острый запахъ, соединявшійся съ ароматомъ персиковъ.

Остановившись у воротъ и передавъ лошадей, мы расположились тутъ же, чтобы, переночевавъ и запасясь проводникомъ-чиновникомъ отъ мѣстнаго Керминскаго бека, двинуться рано утромъ въ дорогу.

Заря уже догорала и косые лучи заходившаго солнца позолотили край горизонта, особенно рельефно освѣтивъ вершины горъ, виднѣвшихся въ отдаленіи за рѣкою Зарявшаномъ.

---

[1]) Мангалъ—печь, вырытая въ землѣ.

Надъ городомъ еще носился шумъ оканчивавшагося дня. Поднимая густую пыль, прошло по улицамъ огромное стадо рогатаго скота и козъ.

Струйки дыма отъ костровъ потянулись кверху — вездѣ приготовлялся пловъ.

Немного спустя, разомъ безъ сумерокъ наступила темная ночь и миріады яркихъ звѣздъ зажглись на небѣ, разсыпая свой мерцающій свѣтъ по окрестностямъ.

Гдѣ-то рядомъ послышалось треньканье сааза [1]), вдали отозвался другой, и скоро изъ разныхъ мѣстъ города понеслись звуки однообразныхъ бухарскихъ мелодій, которымъ вторилъ рокотъ бубновъ и визгливый плачъ туземныхъ скрипокъ.

Толстый, еще не старый бухарецъ въ яркомъ цвѣтномъ халатѣ въѣхалъ на дворъ и, бросивъ лошадь подбѣжавшему слугѣ, подошелъ къ намъ, отвѣшивая почтительные поклоны.

— Абду-Кадыръ мирза-баши [2]),—назвалъ онъ себя.

— Присланъ сопровождать тюрей [3]) до Бурдалыка и дальше, куда они собираются ѣхать. Лошади уже приготовлены и будутъ приведены рано утромъ.

— Нужно ли съ собой брать запасы для людей и лошадей?— забезпокоился докторъ, любившій основательно поѣсть.

— Нѣтъ, тюра можетъ быть покойнымъ, кое-что найдемъ по дорогѣ, и голодными не будемъ,—успокоилъ его мирза-баши.

— Палау, чурекъ, хлѣба, юмурта, яйца, тоукъ-курица по-узбекски и по-русски,—назвалъ онъ съѣстные припасы, которые будетъ возможно найти по дорогѣ.

Завернувшись въ бурки, мы легли на кошмахъ, и скоро густой храпъ сонныхъ раздавался на дворѣ, да порою собаки съ громкимъ лаемъ кидались къ воротамъ, запертымъ на засовы.

Рано утромъ весь нашъ маленькій караванъ былъ уже готовъ къ выступленію. Двѣ вьючныя лошади съ нашимъ имуществомъ были въ поводу у конвойныхъ. Верховые кони турк-

---

[1]) Саазъ—въ родѣ балалайки.
[2]) Мирза-баши—подпоручикъ.
[3]) Тюра—князь, начальникъ.

менской породы, красиво изгибая шеи и грызя удила, съ нетерпѣніемъ били землю копытами.

— Все забрали? Ничего не забыли?—на всякій случай задалъ я вопросъ, садясь на высокое туземное сѣдло.

— Ну, съ Богомъ!

Дробно застучали копыта коней по настилкѣ моста, переброшеннаго черезъ арыкъ, и мы вытянулись по главной улицѣ, свернувъ тотчасъ же въ другую и взявъ направленіе почти на югъ.

Солнце еще не всходило, и ровные тоны утренняго свѣта освѣтили весь городъ; на востокѣ же, быстро мѣняясь, бѣжали по небу новыя, болѣе свѣтлыя полосы, а затѣмъ и пурпурные оттѣнки—предвѣстники солнечнаго восхода.

Въ воздухѣ чувствовалась утренняя свѣжесть, и капли росы висѣли на листьяхъ кустарниковъ.

— Здѣсь вѣдь Эмиръ живетъ? — задалъ вопросъ докторъ чиновнику, молчаливо ѣхавшему позади.

— Да, тюра! только теперь Эмиръ въ отсутствіи,—вполголоса отвѣтилъ мирза-баши, боязливо посмотрѣвъ въ то же время по сторонамъ.

— Пусть тюра теперь это не спрашиваетъ,—добавилъ онъ, сдерживая свою лошадь... — Дорога еще длинная — про все можно будетъ вспомнить.

Перейдя линію желѣзной дороги и проѣхавъ нѣсколько верстъ, мы стали подниматься черезъ невысокія горы, составлявшія отроги заравшанскаго хребта и достигавшія высоты не болѣе полуторы тысячи футовъ; въ этихъ мѣстахъ, гдѣ пролегалъ уже самый конецъ хребта, онѣ переходили въ невысокіе холмы.

Растительность уже окончилась, и мѣстность имѣла пустынный видъ.

По дорогѣ встрѣчались одинокіе всадники и небольшіе караваны верблюдовъ, шедшихъ изъ города Каршей съ различными товарами.

Огромный дискъ восходящаго солнца, позолотивъ окрестности, быстро выплылъ изъ-за горизонта, разомъ пославъ тысячи лучей свѣта и тепла на землю. Все оживилось и на душѣ сдѣлалось какъ-то лучше.

— Сколько тюра думаетъ пройти сегодня?—спросилъ мирза-баши, подъѣзжая ко мнѣ ближе.—Если не торопясь ѣхать, то отдыхать можно на колодцахъ Тутни, а ночлегъ у Абдула-ханъ-робата. Здѣсь старая караванная дорога проходитъ на Карши. Вправо отъ насъ пустыня Карнапъ-Чуль лежитъ,—указалъ онъ на западъ.—Почти къ самой Старой Бухарѣ она подходитъ. Только баранта тамъ бываетъ да киргизскія кочевки встрѣчаются, а кишлаковъ [1]) и полей совсѣмъ нѣтъ, потому нѣтъ арыковъ, да и колодцевъ не очень много. Больше колодцы по дорогѣ устроены; старые люди говорятъ, что больше тысячи лѣтъ караваны по ней ходятъ и ту воду пьютъ, славя Аллаха. Эмиры Измаилъ, Тимуръ и Абдула-ханы много робатовъ [2]) и саргдобъ [3]) здѣсь по ней построили. Многіе уже разрушились отъ времени, а нѣкоторые до сихъ поръ стоятъ на пользу людей. Только теперь новыхъ колодцевъ никто не устраиваетъ, а прежніе во искупленіе грѣховъ чистятъ проѣзжающіе благочестивые правовѣрные—да пошлетъ миръ ихъ душамъ Аллахъ. Есть колодцы съ сладкой, а есть и съ соленой водою, но пить ее все-таки можно.

— Почему не хотѣлъ говорить въ Кермине про Эмира, мирза-баши?

— Ахъ, тюра, ты извини, но говорить нехорошо: кто услышитъ—донесетъ, а тамъ потомъ большая печаль можетъ прійти къ тому человѣку, который долгій языкъ имѣетъ и не держитъ своихъ мыслей у себя крѣпко въ головѣ.

Мѣстность между тѣмъ сдѣлалась холмистою, желтоватаго цвѣта почва состояла изъ лёса, который залегалъ въ этихъ мѣстахъ мощными пластами и лишь отсутствіе воды для орошенія дѣлало ихъ непригодными для земледѣлія.

Небольшіе аулы въ нѣсколько кибитокъ еще попадались, разнообразя дорожные виды.

У колодца въ Шуръ-Кудукъ видно было движеніе: цѣлое стадо барановъ и козловъ покрывало мѣстность, смѣшиваясь съ

---

[1]) Кишлакъ—селеніе.
[2]) Робатъ—укрѣпленный постоялый дворъ.
[3]) Саргдоба—водохранилище.

верблюдами, пасшимися на свободѣ и осторожно подбиравшими своими мягкими губами поросли колючекъ разныхъ видовъ, разросшихся по окрестнымъ холмамъ и долинамъ.

Влѣво на горизонтѣ виднѣлись небольшіе холмы, а дальше за ними поднимались еще выше мрачныя громады отроговъ заравшанскаго хребта, сливавшіяся на горизонтѣ съ голубою синевою неба, на которомъ не было видно ни одной тучки. Изумительная прозрачность воздуха давала возможность видѣть на огромное пространство, и поэтому вся необъятная ширь равнины, разстилавшаяся вправо, открывала своеобразную панораму.

Кое-гдѣ среди густыхъ зарослей колючекъ попадались цѣлыя стада дрофъ и стрепетовъ, совершенно безбоязненно сидѣвшихъ невдалекѣ отъ дороги, и лишь куропатки поднимались съ громкимъ хлопаньемъ крыльевъ, когда лошади почти наступали на нихъ. Голубыя сизоворонки и зеленые щуры красиво выдѣлялись на желтоватомъ фонѣ полусожженой растительности.

— За Юлганъ-Каризомъ будетъ кишлакъ Карнакъ,—тамъ отдыхать можно...

— Далеко еще ѣхать?

— Нѣтъ, тюра, полтора таша[1]—больше не будетъ,—утѣшалъ насъ мирза-баши.

— Что значитъ Юлганъ-Каризъ; почему такъ мѣсто называется, не знаешь ли ты?

— Тамъ каризъ, тюра, колодецъ такой особенный. Вода выведена издалека по трубамъ подъ землею изъ горъ. Роютъ мастера такія трубы подъ землею на глубинѣ 2—3 саженъ, а чтобы воздухъ и свѣтъ въ нихъ былъ, то сажени черезъ три, четыре наружу особые колодцы выводятъ и такъ ведутъ воду изъ горъ, пока она наружу не выйдетъ. Хороша въ нихъ вода бываетъ—свѣжая какъ слеза и холодная какъ ледъ. И воды цѣлый ручей выходитъ, такъ что на поливку хорошаго участка достаетъ, а иногда и больше. Тутъ въ горахъ воды много подъ землею, а наружу она не выходитъ, поэтому каризы

---

[1]) Ташъ—верста.

надо дѣлать, чтобы вывести ее на долину. Большая это работа и много она денегъ стоитъ; прежде Эмиры на такіе каризы деньги давали, тогда ихъ и устраивали, а теперь уже давно не строятъ. Только тамъ, гдѣ старые есть, ихъ какъ зѣницу ока берегутъ и постоянно расчищаютъ, чтобы глиною и пескомъ не заносило. Есть каризы, что все дно камнемъ или кирпичемъ выложено; при Абдулъ - ханѣ да при Тимуръ-ханѣ много ихъ строили. По этой самой дорогѣ тогда караваны съ товарами безпрерывно шли. Теперь же дорогу забросили—по новой ѣздятъ: на Самаркандъ-Шахризябсъ-Чиракчи въ Карши. Тамъ русскіе ее строили; хорошая дорога и спокойная, никто не тронетъ...

— А здѣсь по дорогѣ развѣ не спокойно?

— Не всегда, тюра, иногда и разбойники на проѣзжихъ нападаютъ: глухія мѣста, людей мало—никто не увидитъ и не услышитъ...

II.

У кишлака Карнапа керминская дорога соединяется съ зіаэтдинскою и далѣе уже до Каршей она дѣлается немного болѣе протоптанная караванами. Отъ этого же кишлака черезъ горы пролегаетъ дорога въ Самаркандскую область на Зерабулакъ и Катта-Курганъ.

Широкій дворъ караванъ-сарая привѣтливо манилъ къ себѣ, и лошади невольно прибавили шагу, завидя гостепріимно открытыя ворота, у входа въ которыя виднѣлись зеленые снопы клевера, поставленные рядами у стѣнъ.

Въ небольшомъ помѣщеніи безъ оконъ, съ сильно закопченнымъ потолкомъ и устланными кошмой полами, было прохладно, зато на серединѣ двора лучи солнца, несмотря на осень, отражаясь отъ стѣнъ, создавали нестерпимо жаркую температуру. Миріады мухъ носились въ воздухѣ, страшно безпокоя лошадей, стоявшихъ закутанными попонами подъ навѣсомъ.

Чайники съ зеленымъ кокъ-чаемъ быстро были поставлены передъ нами, и, лежа на кошмѣ, мы съ большимъ наслажденіемъ стали утолять томившую насъ жажду.

Нѣсколько человѣкъ бухарцевъ, прибывшихъ съ большимъ караваномъ верблюдовъ, сидѣли невдалекѣ отъ насъ подъ навѣсомъ и, занимаясь также чаепитіемъ, степенно вели бесѣду вполголоса. Лишь порою взрывы сдержаннаго смѣха доносились изъ-подъ воротъ, гдѣ съ десятокъ лаучей (погонщиковъ) сидѣли и лежали на цыновкахъ, слушая разсказы одного изъ своихъ товарищей.

— Что это онъ разсказываетъ, мирза-баши,—спросилъ я?

— Да такъ, тюра, не хорошее, а народъ глупый смѣется, и самъ не знаетъ почему. Они всегда, когда сыты, всему радуются, а голодные – какъ волки смотрятъ.

— Но все-таки что же онъ разсказываетъ, переведи пожалуйста, мирза-баши?

Но старикъ-полковникъ также началъ вслушиваться и сейчасъ же переводить.

— Это разсказы изъ жизни Ходжи-Насръ-Эдина...

— Былъ, видите, во время Тамерлана или по ихнему Тимуръ-Хана такой мулла. Видно веселый человѣкъ по характеру и очень остроумный, поэтому про него существуетъ масса разсказовъ, есть цѣлые сборники. Нѣкоторые довольно остроумны, а главное прекрасно характеризуетъ эпоху и отношенія людскія.

Полковникъ на мгновеніе задумался, что-то вспоминая...

— Да вотъ, напримѣръ, одинъ изъ случаевъ его жизни. Ходжа-Насръ-Эдинъ былъ почтенный человѣкъ и исполнялъ должность казія въ Самаркандѣ, хотя онъ повидимому никогда особымъ умомъ не отличался, но видимо былъ человѣкъ ловкій. Однажды къ нему пришли двое купцовъ-сосѣдей на судъ. Одинъ жаловался на другого, что тотъ укусилъ его за ухо. На вопросъ казія другой въ свое оправданіе отвѣтилъ, что онъ вовсе не кусалъ, а что сосѣдъ самъ вѣроятно себя укусилъ за ухо и показываетъ на него напраслину. Свидѣтелей происшествія не было... Ходжа не могъ сразу рѣшить такое дѣло, считая нужнымъ его провѣрить или же хоть какъ-нибудь его выяснить. Задумался онъ надъ вопросомъ, можетъ ли человѣкъ самъ себя укусить за ухо. Выслалъ тогда Ходжа всѣхъ изъ своего помѣщенія, остался одинъ и рѣшилъ продѣлать опытъ—

можно ли самого себя укусить за ухо. Измучился онъ, прыгая и вертясь по помѣщенію, но никакъ не удавалось ему ничего сдѣлать. Наконецъ, разсерженный неудачею, онъ сдѣлалъ послѣднюю отчаянную попытку: вывернулся весь, прыгнулъ, но зацѣпившись за коверъ, со стономъ упалъ на землю, разбивъ себѣ о стѣну голову.

Пролежалъ немного бѣдный Ходжа и, когда боль утихла, позвалъ онъ обоихъ тяжущихся и важно имъ сказалъ:

— О, правовѣрные, знайте, что не только человѣкъ можетъ самъ себя укусить за ухо, но сверхъ того, дѣлая это, легко можетъ свалиться и ушибить себѣ сильно голову. И постановилъ взыскать съ перваго купца за оклеветаніе второго большой штрафъ, который и взялъ въ свою пользу...

Солнечные лучи, падая внутрь двора караванъ-сарая, создавали жаркую, удушливую атмосферу и, отражаясь отъ стѣнъ, положительно обжигали, дѣлая внутренность двора похожею на устье раскаленной огромной печи. Лошади, стоя подъ кошемными попонами, понуро наклонили головы. Верблюды, сбившись тѣсною кучею на середину двора, лежали изнывая отъ духоты, пережевывая жвачку и посматривая своими темными печальными глазами на людей, уже прекратившихъ всякіе разговоры и лежавшихъ въ повалку подъ навѣсами, изнемогая въ полудремотѣ.

Даже куры, опустивъ крылья, забились въ углы двора, гдѣ, вырывъ ямки, искали прохлады въ разрыхленной ими почвѣ.

Разговоры не клеились, и скоро густой храпъ спящихъ раздавался изъ полутемныхъ помѣщеній.

Весь въ поту, мокрый какъ мышь, проснулся я, разбуженный полковникомъ, уже сидѣвшимъ съ чашкою чая въ рукахъ.

— Неужели поздно?

— Да, ужъ скоро время трогаться, пятый часъ въ началѣ; пока напьемся чаю—пора и ѣхать...

Освѣжившись немного умываніемъ, мы тронулись въ путь, двигаясь крупной иноходью и встрѣчая безконечные караваны верблюдовъ, медленно выступавшихъ подъ тяжелыми вьюками. Картины знакомыя, уже не привлекавшія нашего вниманія.

Вдали виднѣлся длинный рядъ всадниковъ, то появлявшійся изъ-за холмовъ, то снова скрывавшійся въ лощинахъ. Большое число вооруженнаго конвоя, ѣхавшаго по сторонамъ, невольно заставило пристальнѣе въ нихъ вглядѣться. Стволы винтовокъ за плечами людей блестѣли на солнцѣ.

— Что это такое, мирза-баши, — остановилъ я коня на пригоркѣ?

— Это, тюра, деньги везутъ изъ Гиссарскаго бекства: подать бекъ Эмиру посылаетъ. Вонъ и Ходжа-Бій—есаулъ-баши гиссарскаго бека ѣдетъ впереди,—указалъ онъ на красиваго, чернобороваго чиновника, одѣтаго въ простой ситцевый халатъ, на которомъ рѣзко выдѣлялся широкій поясъ, украшенный огромными золотыми бляхами съ рѣзьбой и эмалевыми узорами. Кривая шашка въ ярко зеленыхъ ножнахъ дополняла костюмъ.

Мы размѣнялись поклонами при встрѣчѣ и невольно осмотрѣли другъ друга.

— Большой конвой—много должно быть денегъ Бій везетъ?— спросилъ полковникъ мирза-баши.

— Много, тюра: на каждой лошади 10,000 тенегъ [1]), на русскія деньги 1500 руб., теньги серебряныя, тяжелыя. Навѣрно и золото, и русскія бумажки, и ковры есть, не меньше какъ 500,000 руб. везетъ.

— Большія деньги, что и говорить,—замѣтилъ полковникъ...

— Только тяжелыя деньги—слезой народа политы; какъ только вспомнишь—какъ у нихъ въ Бухарѣ подати собираются, прямо страшно за людей становится. Это ужъ дѣйствительное выбиваніе денегъ, да и злоупотребленія при этомъ огромныя.

Недаромъ при сборѣ податей заурядны явленія, когда населеніе, видя злоупотребленія, расправляется съ чиновниками, избивая ихъ безпощадно. Но беки, боясь за свое положеніе, такіе случаи скрываютъ, расправляясь въ свою очередь съ виновными изъ населенія своею властью. Бываетъ, что и убьютъ кое-кого. Но съ этимъ вѣдь здѣсь не считаются: все судьба— кысметъ!

---

[1]) Теньга—серебряная монета.

— Да пожалуй они и правы,—задумался старикъ.

— А вы вѣрите въ судьбу?—черезъ минуту спросилъ онъ, подъѣзжая ближе и заставляя своего коня итти совсѣмъ рядомъ съ моимъ.

— Въ чудесное, таинственное? Нѣтъ!..

— Я тоже не особенно вѣрю,—но все-таки въ молодости со мной былъ случай... Почти что въ этихъ мѣстахъ. Недалеко отсюда... я разскажу его вамъ.

Полковникъ на минуту замолкъ, вспоминая давно прошедшее.

— Это было во время войны съ Бухарою и наши войска въ то время только-что укрѣпились въ Самаркандѣ. Мы—вся зеленая молодежь—скучали отъ бездѣлья въ этой еще недавно старой столицѣ Бухары, мечтая о новомъ походѣ. Жизнь въ крѣпости была убійственно однообразна, и особенно съ наступленіемъ вечера дѣлалось такъ тоскливо на душѣ.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ я прогуливался по крѣпостнымъ стѣнамъ, всматриваясь въ покрытое яркими звѣздами небо, и, глубоко задумавшись, не замѣтилъ какъ изъ темноты выдвинулась и стала передо мною какая-то фигура.

— Полковникъ требуютъ,—почти придвинувшись ко мнѣ вплотную, тихо заговорилъ подошедшій:—да наказывали, чтобы скорѣича пожаловали—потому дѣло экстра.

По голосу я узналъ урядника нашей сотни.

— Не знаешь ли, Серюгинъ, въ чемъ дѣло?—разомъ оживился я.

— Не могу доложить,—а только денщикъ ихъ вечеромъ прибѣгалъ, сказывалъ съ Ташкента почта пришла. Командиръ какъ получили, такъ и заперлись и въ одиночествѣ читали.— Надо думать бумаги государственныя.

Узнавъ изъ этихъ словъ, что пришло какое-то приказаніе отъ главнаго начальства, я быстро направился къ квартирѣ полковника, находившейся почти въ центрѣ крѣпости, въ старомъ ханскомъ дворцѣ. Вѣстовые дремали на широкой террасѣ. И лишь часовой-казакъ, съ шашкой на-голо, медленно расхаживалъ по двору, нарушая тишину стукомъ своихъ шаговъ о каменистыя плиты двора.

Отворивъ старинную массивную дверь, я вошелъ въ комнату.

Пожилой, но энергичный полковникъ сидѣлъ за столомъ, сколоченнымъ изъ какихъ-то досокъ и ящиковъ, и быстро что-то писалъ.

— Здравствуйте, дорогой,—заговорилъ онъ, увидѣвъ меня.— Вы все жаловались на скуку. Вотъ и вамъ дѣло нашлось. Въ Бухарѣ началось что-то такое; надо думать, что мы наканунѣ большихъ событій, поэтому нужно быть въ курсѣ и все знать, что дѣлается. А такъ какъ вы говорите по ихнему и все мечтали объ опасномъ порученіи, то я и выбралъ васъ, но только помните, во-первыхъ, порученіе секретное, а во-вторыхъ, вамъ придется немедленно выѣхать. Разумѣется не въ формѣ, а переодѣвшись въ туземный костюмъ. Здѣсь,—указалъ онъ на запечатанный пакетъ,—ваша инструкція: прочтите ее выѣхавши изъ крѣпости на первомъ привалѣ, потомъ уничтожьте, чтобы никто, кромѣ васъ и меня, не зналъ объ этомъ. Да не забудьте, что если выѣдете изъ назначеннаго мѣста слишкомъ рано, такъ все дѣло испортите, а если поздно, то рискуете своей головой. Ну, поѣзжайте. Впрочемъ,—остановилъ онъ меня,—чтобы точно знать, когда вамъ слѣдуетъ назадъ возвращаться, я вамъ дамъ знать, пришлю съ кѣмъ-нибудь вотъ такую гемму,— и онъ вынулъ изъ ящика, гдѣ лежали собранныя имъ рѣдкости, двѣ совершенно одинаковыхъ плитки съ вырѣзанными на нихъ головками,—кстати геммы эти рѣдкія и такихъ другихъ надо думать и на свѣтѣ больше не найдешь.—Спрячьте одну изъ нихъ въ карманъ и помните, какъ только кто-либо вамъ передастъ такую же, то сейчасъ же возвращайтесь и во что бы то ни стало старайтесь добраться до отряда.—Сравнивъ обѣ геммы и невольно полюбовавшись художественной работою этихъ древнихъ вещицъ, сдѣланныхъ на рубинѣ ярко-кроваваго цвѣта, я спряталъ одну въ кошелекъ и, простившись съ полковникомъ, хотѣлъ уже уйти, какъ онъ, задержавъ меня на минуту, перекрестилъ и, крѣпко обнявъ, сказалъ:

„Ну, храни васъ Богъ, авось еще увидимся“.

Съ стѣсненнымъ сердцемъ я вышелъ отъ него и направился въ конецъ двора, гдѣ была моя комната. Сборы въ дорогу

были невелики. Приказавъ осѣдлать одну изъ моихъ лошадей, сильнаго выносливаго туркмена, я быстро уложилъ въ хуржумы нѣсколько лепешекъ и ячменя для лошади, а затѣмъ, сбросивъ военную форму, переодѣлся въ туземный халатъ, сапоги съ острыми носками и, нахлобучивъ на голову косматую туркменскую папаху, разомъ принялъ видъ кровнаго азіата. Револьверъ за поясомъ и винтовка за спиной составляли мое вооруженіе.

Не больше какъ черезъ полчаса подъ копытами моего коня застучала настилка крѣпостного моста. Широкія крѣпостныя ворота, выпустивъ меня, захлопнулись, а вмѣстѣ съ ними прервалась всякая связь со своими.

Оправивъ сѣдельный уборъ и сдерживая горячившагося коня, я направился по лощинѣ, огибавшей крѣпость, и, пройдя по дну ручья, выбрался за городъ, избѣгнувъ такимъ образомъ проѣзда по городскимъ улицамъ, хотя и покорившагося, но еще сильно враждебнаго къ намъ, города.

Холодъ ночи давалъ себя чувствовать, темнота казалась непроглядною, но несмотря на это черезъ короткое время я оставилъ городъ за собою, идя все время крупною рысью. Звѣзды тускло свѣтили, указывая на близость разсвѣта. Гдѣ-то далеко на краю горизонта заря позолотила верхушки горъ, отливавшихъ огненно-пурпурнымъ свѣтомъ.

Пройдя до разсвѣта огромный кусокъ дороги, верстъ съ сорокъ, я рѣшилъ, что пора дать коню отдыхъ. Вѣтерокъ тихо шелестѣлъ верхушками камышей, широкой полосою разросшихся около небольшого болота. Сворачивая въ сторону и объѣзжая кишлаки, я нашелъ глубокую лощину, какъ нельзя болѣе удобную для отдыха. Введя коня въ заросли, я привязалъ его къ приколу и, срѣзавъ охапку камыша, далъ ему этотъ кормъ, а самъ, устроившись подлѣ и закусивъ слегка, вскрылъ пакетъ и принялся за чтеніе инструкціи.

Порученіе было не изъ легкихъ: часть бухарскаго ханства была нами только что завоевана и, проигравъ нѣсколько сраженій, бухарцы притаились, а разбойничьи шайки разныхъ батырей бродили вездѣ по окрестностямъ, подходя къ самымъ

стѣнамъ Самаркандской крѣпости. Внутри ханства начались волненія. Фанатически настроенное духовенство примкнуло къ наслѣднику престола Катта-Тюрѣ Абду-Маликъ-Хану, поднявшему знамя возстанія и противъ Эмира и противъ русскихъ. Скопища туркменъ и киргизъ все увеличивались, и шайки этихъ кровожадныхъ волковъ пустыни все прибывали, образовавъ около Катта-Тюры порядочныя силы, но направленіе его дальнѣйшихъ дѣйствій было неизвѣстно: онъ гдѣ-то былъ вотъ на этой же самой дорогѣ, гдѣ мы теперь съ вами ѣдемъ, въ силу чего требовалось во что бы то ни стало узнать о его появленіи въ окрестностяхъ Хатырчей и своевременно увѣдомить отрядъ для принятія нужныхъ мѣръ на случай движенія къ Самарканду въ наши предѣлы. Мнѣ поручалось сдѣлать развѣдку въ самыхъ Хатырчахъ. Порученіе было рискованное, на территоріи враждебнаго намъ государства, да еще вдобавокъ среди хатырчинцевъ были сторонники Катта-Тюры.

Отдохнувъ нѣсколько часовъ, я двинулся дальше и уже къ вечеру добрался до города Хатырчей, гдѣ остановился въ караванъ-сараѣ на базарѣ. Мой монгольскій обликъ и чистый туркменскій выговоръ сослужили хорошую службу, не навлекши на меня никакихъ подозрѣній. Народу въ то время всякаго много шаталось и никто на пріѣзжихъ особаго вниманія не обращалъ. Да и врядъ ли было возможно опредѣлить кто и откуда, а еще меньше—чью сторону держитъ.

Устроившись въ углу чай-хане подальше отъ свѣта, я имѣлъ возможность наблюдать за всѣмъ происходящимъ и слышать самыя свѣжія базарныя новости. Но въ душѣ шевелилось жуткое чувство полной оторванности отъ своихъ. Каждый пристальный взглядъ, обращенный въ мою сторону, приводилъ меня въ смущеніе.

Рѣшивъ скрыть себя отъ этихъ взглядовъ, я замѣтилъ небольшое помѣщеніе, дверь котораго выходила въ чай-хане, и, сказавъ хозяину, что чувствую себя не совсѣмъ здоровымъ, улегся въ немъ на кошму, притворивъ изнутри двери, и такимъ образомъ, слыша каждое слово, сказанное посѣтителями, оставался для нихъ невидимымъ.

Уже къ концу второго дня я зналъ, что шайки Абду-Маликъ-Хана бродили гдѣ-то по окрестностямъ, но окончательно все же не было извѣстно куда направляются его главныя силы: то сообщали, что онъ идетъ на Бухару, то высказывали, что видѣли его около Каршей.

Порою пріѣзжали туркмены и, поставивъ своихъ коней на приколы, устраивались на отдыхъ, укладывая одного, двухъ своихъ раненыхъ тутъ же подъ навѣсомъ. Иногда какой-нибудь изъ нихъ подъ одобрительные возгласы толпы вытряхивалъ изъ своихъ хуржумовъ отрѣзанную голову—трофей набѣга, загадочно смотрѣвшую своими стеклянными мертвыми полуоткрытыми глазами.

Брань, проклятія кефирамъ, обѣщаніе перерѣзать всѣхъ невѣрныхъ—русскихъ собакъ, какъ погребальный звонъ отзывались въ моихъ ушахъ, заставляя сжиматься мое сердце.

И невольная дрожь пробѣгала по тѣлу. Несмотря на все это, я держалъ себя въ рукахъ; находя полученныя свѣдѣнія недостаточными и ожидая послѣдней минуты, я былъ увѣренъ, что мнѣ будетъ данъ знакъ о необходимости скрыться въ нужную, но послѣднюю минуту.

Такъ прошло три долгихъ дня, которые показались мнѣ мѣсяцами—годами. Лишь подъ покровомъ ночи я поднимался, поилъ и кормилъ своего коня и съѣдалъ, что находилъ изъ остатковъ пищи. Хозяинъ караванъ-сарая посматривалъ на меня подозрительно, но молчалъ.

О Катта-Тюрѣ новыхъ свѣдѣній не было... И я начиналъ отчаиваться...

Ночи были темныя и лишь огонь костра освѣщалъ небольшую часть двора, заглядывая и въ мое помѣщеніе сквозь широкую щель въ окнахъ. Утомленный напряженнымъ ожиданіемъ, я задремалъ.

Мнѣ снилась далекая малороссійская деревушка, вся занесенная сугробами снѣга. Милыя дорогія лица какъ живыя вставали передо мною. И эти сновидѣнія были настолько пріятны, что я хотѣлъ бы, чтобы они продолжались вѣчно.

Совершенно неожиданно кто-то, внеся съ собою холодъ ночи, взошелъ въ мое помѣщеніе, но я проснулся лишь тогда,

когда какой-то тяжелый сверток съ шумомъ упалъ на землю, придавивъ даже мои ноги. Открывъ глаза, я увидѣлъ рослаго киргиза, уже выходившаго изъ дверей помѣщенія. Отодвинувшись немного въ сторону, я взглянулъ на свертокъ и вдругъ въ лучахъ свѣта замѣтилъ, что на кошмѣ почти около меня лежитъ, блестя красноватымъ пятномъ, старинная гемма.

Едва не вскрикнувъ, я быстро вскочилъ на ноги.

Знакъ приближенія времени наступающей опасности былъ данъ, очевидно, принесшимъ его мнѣ киргизомъ. Надо было спасаться.

Взявъ гемму, я пристально взглянулъ на красивый овалъ лица. Внѣ сомнѣнія это была она—двойникъ данной мнѣ полковникомъ. Положивъ гемму въ кошелекъ съ большими предосторожностями, я пробрался на дворъ и, отвязавъ своего коня, вывелъ его за ворота.

Кругомъ царствовала полная тишина и даже собаки нигдѣ не лаяли въ городѣ. Тогда мнѣ показалось, что я ошибся, и у меня мелькнула мысль, не введенъ ли я въ заблужденіе. Но въ тотъ же моментъ яркое зарево пожара вспыхнуло за бекской колой и послышались крики и выстрѣлы. Я вскочилъ въ сѣдло и вынулъ револьверъ; еще минуту спустя мимо меня, какъ испуганное стадо, пробѣжала толпа людей. Крики „Катта-Тюра" не оставляли сомнѣнія, что Абду-Маликъ-Ханъ вступилъ со своими войсками въ городъ.

Давъ нагайку своему коню, я полнымъ карьеромъ вынесся изъ темноты и направился по дорогѣ. Сзади послышалась громкая дробь выстрѣловъ, и пули съ пронзительнымъ свистомъ засвистѣли вокругъ моей головы. Меня замѣтили... Но иноходецъ въ нѣсколько прыжковъ оставилъ городъ за собою, и я уже летѣлъ по равнинѣ. Отчаянные крики истязуемыхъ и убиваемыхъ жителей неслись за мною слѣдомъ. Въ Хатырчахъ началась рѣзня. Лишь къ вечеру другого дня, почти загнавъ своего коня, добрался я совершенно измученный до Самарканда, наткнувшись на цѣлый рядъ шаекъ и, уйдя отъ нихъ благополучно, доложилъ о движеніи Катта-Тюры.

Полковникъ съ большимъ изумленіемъ встрѣтилъ меня.

— Вы живы, говоритъ, а мы за васъ уже собирались панихиды пѣть. Шарипа, котораго я послалъ къ Миру, какъ мнѣ донесли лазутчики, убили. Значитъ дать вамъ знать, что пора возвращаться, было некому.

— Но какъ же гемма? Какимъ образомъ мнѣ доставили ее?—задалъ я вопросъ, совершенно не понимая.

— Гемму?—переспросилъ полковникъ, — я все время думалъ съ кѣмъ ее вамъ переслать, да боялся открыть васъ и она поэтому такъ и осталась лежать около чернильницы, куда вы ее положили, сравнивая со своей.

Я быстро вынулъ кошелекъ и открывъ увидѣлъ, что на днѣ его лежитъ лишь одна гемма.

— А гдѣ же другая? Да не самъ ли я какъ-нибудь выронилъ гемму изъ кошелька въ Хатырчахъ; но я былъ увѣренъ, что не вынималъ ее ни разу, какъ же она могла выпасть изъ кармана.

— Ну разумѣется могла, отчего же нѣтъ.

— Но какое странное стеченіе обстоятельствъ.

— Какъ вы думаете?

Съ большимъ вниманіемъ слушая разсказъ полковника, я подтвердилъ эту возможность. Но старикъ съ сомнѣніемъ покачалъ своею сѣдою головою, очевидно не согласившись со мною.

— Какъ видите случай странный, но все же онъ заставляетъ вѣрить, что есть что-то необъяснимое; тридцать слишкомъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а я вижу все какъ вчера, но прежде не вѣрилъ, а теперь вѣрю...

III.

Мы подвигались довольно быстро впередъ и, заслушавшись разсказа, я не замѣтилъ какъ проѣхали большой конецъ дороги, миновавъ колодцы Тутли.

Порою влѣво отъ насъ, постепенно повышаясь, поднималась горная цѣпь, переходившая въ холмистую равнину, которая, еще болѣе понижаясь, образовала унылую картину степи Карнапъ-Чуль, подходящую почти къ самому городу Бухарѣ.

— Намъ придется ѣхать черезъ степь, свернувъ съ караванной дороги?—спросилъ я мирзу-баши.

— Да, если тюра минуетъ городъ Карши и хочетъ ѣхать прямо въ Бурдалыкъ, мы свернемъ съ дороги около колодца Джидели и тогда пойдемъ черезъ степь Карнапъ-Чуль. Тамъ дорога будетъ тяжелая, потому что воды нигдѣ нѣтъ, а песку много. Коли вѣтеръ подуетъ, очень нехорошо бываетъ. Пока не дойдемъ до Кокыръ-Саргдобы, больше пятидесяти верстъ совсѣмъ воды нѣтъ—только соленая можетъ попасться, а сладкой, хорошей не будетъ.

Одинокая кочевка около небольшого колодца невольно привлекла наше вниманіе.

Двѣ-три кибитки, поставленныхъ около холма, составляли человѣческое жилье, близъ котораго виднѣлось нѣсколько лежавшихъ на землѣ верблюдовъ. Огромныя собаки съ сердитымъ лаемъ кинулись намъ навстрѣчу съ крайне враждебными намѣреніями. Нѣсколько дѣтей различнаго возраста, игравшихъ на землѣ, сжались въ живописную кучу, изъ которой блестѣли любопытные живые глазки, съ большимъ вниманіемъ слѣдившіе за приближеніемъ рѣдко видимыхъ урусовъ.

— Саламъ-маликомъ!—дружелюбно обратился старикъ полковникъ къ этой группѣ, изъ которой послышалось отвѣтное привѣтствіе:

— Маликомъ-саламъ! Маликомъ-саламъ!..

И будто стая испуганныхъ воробьевъ, разомъ бросилась дѣтвора въ бѣгство, прячась за кибитки, увидѣвъ что мы, подъѣхавъ совсѣмъ близко, стали слѣзать съ лошадей. Старикъ киргизъ и нѣсколько молодыхъ киргизокъ выглянули изъ кибитокъ, разсматривая посланныхъ судьбою гостей.

— Айранъ[1])-баръ, ата[2])?—спросилъ всегда важный мирза-баши.

— Есть, есть! —заторопился старый киргизъ, исчезая въ кибиткѣ и тотчасъ же появляясь съ кошмою въ рукахъ, кото-

---

[1]) Напитокъ изъ кислаго молока.
[2]) Айранъ есть, отецъ?

рую онъ тутъ же разостлалъ на землѣ, предложивъ намъ отдохнуть отъ дороги.

Огромная чашка айрана съ свѣжими лепешками представляла собою прекрасное угощеніе, утолявшее и голодъ и жажду одновременно. Кисловатое питье напоминало собою по вкусу малороссійскій варенецъ, возбуждая аппетитъ своимъ пріятнымъ запахомъ.

Между тѣмъ все населеніе аула собралось около. Старики-баи присѣли на землѣ невдалекѣ отъ насъ. Молодыя дѣвушки пестрой толпою сгруппировались у входа въ одну изъ кибитокъ. Появился саазъ, бубенъ, и заунывная дикая пѣсня полилась волною, оглашая окрестности и уносясь легкимъ вѣтромъ дальше въ глубину пустыни.

— Кажется, что здѣсь намъ ночевать будетъ лучше, чѣмъ гдѣ-либо?—задалъ вопросъ полковникъ.

Я выразилъ согласіе.

Солнце уже стояло низко. Въ воздухѣ чувствовалась вечерняя прохлада и лишь изрѣдка вѣтеръ, прорѣзая ее, приносилъ изъ раскаленныхъ дневнымъ зноемъ песковъ пустыни горячій воздухъ. Постепенно зажглись костры, на которыхъ началось приготовленіе плова для ужина. Запахло горѣлымъ кизякомъ, и дымъ тонкою струйкою потянулся вверхъ, расползаясь затѣмъ въ вышинѣ и уносясь воздушнымъ теченіемъ въ сторону.

Ночная темнота покрыла землю, и разомъ засіяли на темномъ небѣ звѣзды.

Конецъ горизонта вспыхнулъ багровымъ заревомъ и черезъ нѣсколько минутъ показался край мѣдно-красной луны, постепенно поднимавшейся все выше и выше, мѣняя свой цвѣтъ на мягко-серебристый.

Почти все населеніе аула собралось невдалекѣ отъ насъ. Треньканье домры[1]) послышалось изъ толпы, звонкіе переборы струнъ зарокотали подъ искусною рукою и глухой голосъ затянулъ какую-то безконечную пѣсню, то заунывно разливаясь красивой фразой, то, переходя на страшно высокіе тоны, оканчи-

---

[1]) Домра—въ родѣ гитары.

вался какими-то гортанно дикими выкрикиваніями. Огромнымъ кружкомъ окружила толпа пѣвца, съ вниманіемъ прислушиваясь къ его дикой пѣснѣ, въ которой пѣлась слава храбрымъ, хвала быстрымъ конямъ, имъ помогавшимъ въ набѣгахъ, печаль по погибшимъ и восхваленіе красавицъ, черными ясными глазами, какъ путеводными огоньками, освѣщавшими жизнь молодцовъ-джигитовъ, готовыхъ за ласковый взглядъ, брошенный украдкою красавицею, отдать свою молодую жизнь.

„Прошла моя жизнь“, пѣлъ голосъ пѣвца.

„Длинная жизнь пролетѣла какъ мигъ, и я ее не замѣтилъ, но я ярко вижу зарю моей жизни, мою юность. Были тогда смѣлые батыри[1]) съ твердымъ сердцемъ...

„Грозенъ былъ Эмиръ-Музаферъ-Ханъ. Молніями блистали его очи на непокорныхъ, но ласково глядѣлъ онъ на своихъ киргизскихъ батырей.

„Широки наши пустыни, рѣзвы киргизскіе кони, тверды сердца храбрецовъ, среди которыхъ храбрымъ изъ храбрыхъ былъ батырь Садыкъ-Бай.

„Какъ вольный вѣтеръ носился онъ со своими молодцами, то на полночь, то на полдень направляя свой путь. Съ тяжело нагруженными товарами караванами возвращался онъ изъ своихъ набѣговъ, ведя длинную вереницу рабовъ на арканахъ. Красавицы персіанки были лучшей долей добычи.

„Богатъ и знатенъ Садыкъ-Бай, и не было ему равныхъ среди киргизскихъ баевъ.

„На зовъ его сбиралась вся молодежь-батыри, и вольно и весело жилось въ то время, когда лихіе набѣги услаждали жизнь всѣхъ любящихъ веселье.

„Но грозная туча поднялась съ сѣвера.

„Снѣга и мятели понеслись отъ далекаго Арала, а вмѣстѣ съ ними пришли стада страшныхъ сѣрыхъ волковъ, рыскавшихъ у границъ Бухары благородной.

„Загудѣли трубы въ Старой Бухарѣ. Забили барабаны на Регистанѣ—Эмиръ-Музаферъ-Ханъ свои войска собираетъ—на сѣ-

[1]) Батырь—храбрецъ-наѣздникъ.

веръ посылаетъ Полетѣли гонцы въ степи звать всѣхъ храбрыхъ батырей на бой съ врагомъ.

„Первымъ пришелъ Садыкъ-Бай со своими батырями. Много воевалъ онъ, много досталъ славы и почестей, много рабовъ привелъ и продалъ на бухарскихъ базарахъ.

„Но судьба сказала уже свое слово—запѣли вражескія пули предсмертныя пѣсни и впился рой ихъ въ бѣлую грудь батыря изъ батырей Садыкъ-Бая.

„Пали вмѣстѣ съ нимъ на кровавомъ полѣ его люди—лучшіе батыри киргизскіе. Рѣки слезъ пролили красавицы, оплакивая удальцовъ.

„Съ тѣхъ поръ заплыли жиромъ сердца батырей. Отекли ноги у быстрыхъ коней. Сдѣлались и тѣ и другіе неподвижными, тяжелыми—много ѣдятъ, много спятъ, потеряли память и даже не помнятъ батыря изъ батырей Садыкъ-Бая.

„Лишь въ далекомъ Семирѣчьи есть еще люди, со смѣлымъ сердцемъ, любящіе звукъ сабель и пѣнье пуль, но и тамъ урусами поставлены преграды ихъ доблести и нельзя быть вольными, какъ вѣтеръ пустыни“...

Заунывными переборами затренькали струны домры будто жалуясь, что измѣнилась вольная жизнь вольнаго киргизскаго народа. Нѣтъ простора, чтобы разгуляться молодежи; со всѣхъ сторонъ на стражѣ стоятъ мѣстныя власти, не терпящія безпорядковъ, уже многіе баи взялись за плуги и, забывъ прелести кочевой жизни, поселились въ кишлакахъ.

Огромный подносъ съ жирнымъ пловомъ былъ очищенъ собравшимися около него киргизами, отлично справлявшимися съ кушаньемъ безъ помощи ложекъ, прямо руками.

Разговоры и пѣсни смолкали, слышались лишь вздохи наѣвшихся людей, которыхъ клонило ко сну. Порою громкая икота, указывавшая, что гость сытъ, вызывала привѣтливую улыбку на лицѣ довольнаго хозяина.

Мы легли на кошмахъ и, завернувшись въ ватныя одѣяла, долго еще лежали, всматриваясь въ усѣянное звѣздами темное небо и, порою перебрасываясь словами, дѣлились своими впечатлѣніями.

Пригнанные ближе верблюды лежали невдалекѣ, пережевывая жвачку и распространяя вокругъ свой тяжелый специфическій запахъ. Стоявшіе на приколахъ кони порою поднимали шумъ.

Гдѣ-то невдалекѣ послышался вой шакаловъ, имъ отозвались гіены, и скоро ночной концертъ обитателей пустыни былъ въ полномъ разгарѣ, мѣшая нашему сну.

———

На другое утро степь Карнапъ-Чуль открывалась передъ нашими глазами, разстилаясь какимъ-то безбрежнымъ моремъ.

Холмистая равнина казалась мертвою. Нигдѣ ни признака человѣческаго жилья. Лишь кусты селина—особый видъ степного ковыля,—да различнаго вида солянокъ являлись представителями степной растительности въ это время года. Кое-гдѣ во впадинахъ виднѣлись кусты гребенщика, чахлаго, покрытаго иногда блестками соли, будто брилліанты сіявшей на солнцѣ.

— Вы не смотрите, что теперь здѣсь все уныло,—заговорилъ полковникъ.—Это только въ это время года; жаль, что мы съ вами не попали сюда весною, тогда картина какъ по волшебству мѣняется, и вы не узнали бы эту пустыню, когда въ ней пробуждается жизнь. Вѣдь здѣсь бываетъ такъ все красиво, что глазъ не оторвать отъ этой яркой зелени, отъ ковра цвѣтовъ и прелестныхъ картинъ степной жизни. Такого количества цвѣтовъ я никогда и нигдѣ не встрѣчалъ. Все такъ свѣжо, ярко, такъ сильны ароматы травъ и цвѣтовъ, что просто вся степь кажется раемъ, и при томъ тогда лишь въ этихъ мѣстахъ начинается жизнь.

Масса киргизъ и туркменъ со своими стадами барановъ выходятъ въ степи и вездѣ на каждомъ шагу можно встрѣтить кочевку, юрты или кибитки. Продолжается это апрѣль и до половины мая, а затѣмъ, когда солнце безжалостно выжжетъ растительность, снова пустѣетъ степь и замираетъ въ ней жизнь.

И лишь до конца іюня можно еще встрѣтить кое-гдѣ одинокія кочевки, а затѣмъ и онѣ уходятъ и тогда долгое время почти не заглядываютъ сюда люди. Питаніе для барановъ до-

вольно скудное, есть только илакъ—мелкая зеленая трава, селинъ — степной ковыль, да юшань — родъ полыни. Верблюды еще могутъ кормиться, благодаря своей неприхотливости, ну а для коней плохо, а главное чего здѣсь мало, это воды. По линіямъ дороги еще встрѣчается много колодцевъ, а въ степи они крайне рѣдки.

Кое-гдѣ попадаются озерки, но вода въ нихъ горько-соленая и даже верблюды ее не пьютъ, а про людей и говорить нечего.

Къ самой Бухарѣ степь переходитъ въ песчаную пустыню Маликъ, а невдалекѣ отъ Наразыма уже начинается песчаная же пустыня Сундукли, мало чѣмъ отличающаяся отъ песковъ Кара-Кумскихъ и Кизилъ-Кумскихъ.

Мирза-баши все время ѣхалъ молча, прислушиваясь къ нашему разговору.

— Тюра можетъ быть переведетъ мнѣ, что въ этой бумагѣ написано,—нарушилъ онъ молчаніе, протягивая какой-то листъ.

— Нукеръ мнѣ передалъ: просилъ Беку въ Бурдалыкѣ отдать, сказалъ—отъ русскаго начальника важная бумага.

Развернувъ протянутый мнѣ листъ, къ моему удивленію я увидѣлъ раньше всего большое клеймо компаніи Зингеръ, ниже котораго было изображено слѣдующее.

„Его степенству Бурдалыкскому Беку.

Обращаюсь къ вашему степенству, надѣясь, что вы будете удовлетворять просьбу русскихъ народовъ, какъ связанныхъ дружескою связью съ территоріей благородной Бухары. Первымъ прошу оказать дружеское содѣйствіе объ распоряженіи нашей торговли, при поѣздкѣ меня по ввѣреннымъ вамъ, вашему бекству, съ этою цѣлью, а также въ продажѣ швейныхъ машинъ довѣренному компаніи Зингеръ, 2) прошу прилагаемыхъ 5 объявленій прибить въ самыхъ публичныхъ мѣстахъ города. Съ пріѣздомъ имѣемъ честь быть въ послѣднихъ числахъ сентября, почему и прошу ваше степенство не оставить нашей просьбы безъ успѣшно, съ почтеніемъ за комп. Зингеръ агентъ N“.

— Ну и грамота,—разсмѣялся полковникъ.

— Понять еще можно, а если начать переводить на туземный языкъ, Богъ знаетъ, что выйдетъ...

Колодецъ Сахъ-Оба виднѣлся уже издали.

Кожаное ведро сомнительной чистоты валялось невдалекѣ. Привязавъ его къ длинному волосяному аркану, наши солдаты долго выкачивали воду сильно затхлаго вкуса, пока не достали наконецъ относительно сносную, но все же съ изрядно соленымъ привкусомъ.

— Теперь больше пятидесяти верстъ безъ воды пойдемъ,— сообщилъ мирза-баши.

— Надо коней напоить и съ собой бурдюки съ водою взять.

Нашъ караванъ окружилъ колодецъ, и, торопясь, мы стали вычерпывать воду.

Кони, какъ-будто предчувствуя большой безводный переходъ, пили охотно.

Холмы, длинныя лощины и огромныя равнины чередовались передъ нами, утомляя поразительнымъ однообразіемъ картины, все время открывавшейся передъ нашими глазами. Огромное количество сусликовъ и полевыхъ мышей виднѣлось вокругъ, по всѣмъ направленіямъ, разноцвѣтныя ящерицы сновали подъ ногами лошадей, то испуганныя шумомъ убѣгая прочь, то, останавливаясь, любопытными глазами слѣдили за нами. Рытвины, крысиныя норы, корни какихъ-то растеній затрудняли движеніе. Мѣстами приходилось итти сплошнымъ сыпучимъ пескомъ, разстилавшимся на значительное пространство. Полевыя куропатки, туртушки съ громкимъ кудахтаньемъ вырывались изъ-подъ самыхъ ногъ лошадей.

— Грусть, а не дорога,—заворчалъ полковникъ, любившій природу и скучавшій однообразіемъ.

— Все это было когда-то въ сѣдую древность, на зарѣ человѣческаго бытія, морскимъ дномъ Великаго Средне-Азіатскаго моря, отъ котораго осталось нынѣшнія Каспійское и Аральское, все же остальное пересохло и лишь по отложеніямъ можно теперь опредѣлить его прежнія границы. Въ болѣе позднѣйшую эпоху цѣлая масса озеръ и болотъ, частью съ горько-соленою водою, отмѣчены арабскими географами среднихъ вѣковъ. а еще

позднѣе наше горячее солнце высушило здѣсь все, и лишь старыя названія различныхъ мѣстъ напоминаютъ о ихъ существованіи.

— Здѣсь передъ нами скоро будетъ мѣсто, носящее названіе Магіанъ-Куль, т. е. Магіанское озеро: когда-то оно было очень велико, а теперь лишь впадина съ илисто-песчанымъ дномъ указываютъ это мѣсто, на которомъ двѣ слишкомъ тысячи лѣтъ тому назадъ стояли войска Великаго Македонца во время его движенія за Даріемъ.

— Теперь все - таки здѣсь самыя разбойничьи мѣста, народъ по Аму-Дарьѣ—туркмены, по старой памяти нѣтъ-нѣтъ да и пошалятъ въ степи, угнавъ нѣсколько барановъ или же пощипавъ проѣзжающихъ по большой дорогѣ купцовъ съ товарами.

Заросли гребенщика затрудняли движеніе, и порою мы въѣзжали въ этотъ кустарниковый лѣсъ, зеленѣвшій несмотря на отсутствіе влаги и искрящійся при свѣтѣ солнца своими осыпанными кристаллами соли вѣтвями.

— Второй разъ по этимъ мѣстамъ ѣду: тридцать лѣтъ тому назадъ въ отрядѣ генерала Абрамова былъ, когда Карши брали—мнѣ довелось съ разъѣздомъ отъ Каршей въ сторону Бухары перехода два сдѣлать. Все также и ничего здѣсь не измѣнилось, да и измѣниться по внѣшности не могло. Только развѣ что съ большой опаскою тогда шли.

Впереди вырисовывалась темная постройка Кокыръ-Саргдобы.

Солнце уже стояло низко и уставшіе кони, какъ будто чуя воду, прибавили шагу; утомившіеся долгимъ движеніемъ шагомъ, мы подбодрились.

Около саргдобы виднѣлся довольно значительный караванъ. Нѣсколько бухарскихъ купцовъ расположились на разостланномъ коврѣ въ тѣни у одного изъ входовъ.

Верблюды паслись вокругъ, съ любопытствомъ поднявъ головы и разсматривая насъ своими черными печальными глазами, въ которыхъ какъ-будто свѣтилась какая-то мысль.

Мы слѣзли съ коней и, обмѣнявшись привѣтствіемъ, устроились по сосѣдству.

Лошади весело фыркали, освѣжившись водою. Большой мѣдный чайникъ для чая скоро забурлилъ на кострѣ. До насъ долетали отрывочные разговоры купцовъ.

IV.

Живой, общительный полковникъ быстро завязалъ разговоръ, закидавъ проѣзжихъ вопросами.

Старикъ афганецъ, съ бѣлой какъ снѣгъ бородою, крайне охотно отозвался на наше приглашеніе, и черезъ нѣсколько минутъ мы уже сидѣли вмѣстѣ.

— Откуда путь держишь, аксакалъ [1])? По виду каравана полагаю, что издалека.

— Ты не ошибся, тюра, мы изъ афганскаго города Андхоя и, переправившись черезъ широкую Аму, доставили свой товаръ въ Карши, а теперь, уже купивъ Каршинскихъ товаровъ, веземъ ихъ въ Бухару. День за днемъ прошла вся жизнь въ путешествіяхъ по торговымъ дѣламъ.

— Ты много видѣлъ, старикъ, на своемъ вѣку. Есть что разсказать своимъ дѣтямъ и внукамъ.

— Да, ты правъ, тюра, передъ моими старыми теперь глазами прошла жизнь людская на пространствѣ почти 80 зимъ, убѣлившихъ снѣгомъ мою голову и бороду.

— Что дѣлается въ Афганистанѣ, старикъ?

— Ахъ, тюра, ты какъ и всѣ урусы интересуешься этою далекою страною. Тамъ люди такъ же живутъ, какъ и здѣсь, но они боятся и инглизовъ и урусовъ, которые хотятъ завладѣть ихъ землями. Недаромъ мнѣ разсказывали, что самъ Эмиръ Афганистана, да пошлетъ ему Аллахъ благословеніе, любитъ вспоминать такую сказку, которую знаютъ всѣ афганскіе люди:

„По морю голубому плаваетъ лебедь бѣлоснѣжный, чудной, сказочной красоты.

„Нѣжный онъ, горделиво выгибаетъ свою длинную гибкую шею, плывя по серединѣ моря.

---

1) Старикъ, бѣлобородый.

„Но вѣтры морскіе, голодъ и жажда заставляютъ его иногда приближаться къ берегамъ, чтобы найти себѣ пищу. Довѣрчиво подплываетъ онъ къ прибрежнымъ камышамъ и радостнымъ крикомъ привѣтствуетъ онъ южную землю. Но непродолжительна его радость. Притаилась въ густыхъ камышахъ злая тигрица. Огнемъ зависти блестятъ ея лукавые глаза. Осторожно подкрадывается она къ ничего неподозрѣвающему лебедю и, сдѣлавъ огромный прыжокъ, почти захватываетъ царя водяной птицы въ свои лапы.

„Но судьба хранитъ царственную птицу, взмахиваетъ могучими крыльями бѣлоснѣжный лебедь и улетаетъ вновь на середину моря, оставивъ въ когтяхъ злой тигрицы пучки своихъ нѣжныхъ перьевъ.

„И снова лебедь, томимый голодомъ и жаждой, стремится найти воду и кормъ на сѣверномъ берегу моря. Но тамъ уже давно изъ сѣверныхъ холодныхъ странъ прибѣжали голодные сѣрые волки. Лежатъ они въ густыхъ камышахъ, не шелохнутся и зорко слѣдятъ ихъ огненные глаза за бѣлоснѣжнымъ лебедемъ. Чуть близко подплываетъ онъ къ берегу, какъ стая ихъ съ дикимъ воемъ кидается къ царственной птицѣ.

„И вновь судьба спасаетъ лебедя и снова онъ улетаетъ на середину моря, гдѣ только и можетъ считать себя въ безопасности.

„Но не впадаютъ рѣки въ это море, неся въ него новыя воды. Горячее солнце высушиваетъ его, превращая въ болото. Все дальше и дальше къ серединѣ подвигаются берега и меньше и меньше дѣлается морская поверхность. Уже теперь волки видятъ тигрицу, а зоркіе глаза тигрицы замѣтили волковъ. Щелкаютъ они зубами другъ на друга и уже перестали слѣдить за бѣлоснѣжнымъ лебедемъ.

„Скоро настанетъ время, когда море совсѣмъ высохнетъ, и тогда съ обѣихъ сторонъ бросятся враги другъ на друга. Растерзаютъ они бѣлаго лебедя—царственную птицу, полетятъ его бѣлоснѣжныя перья и мелкій пухъ на югъ и на сѣверъ, подхваченные вѣтромъ пустыни. Но тогда начнется бой на смерть между злой тигрицей и голодными волками.

„И одолѣютъ волки. Такъ скажетъ свое послѣднее слово судьба"...

— Недурно обрисовано положеніе Афганистана между Россіей и Англіей,—замѣтилъ внимательно слушавшій полковникъ.

Отдохнувъ немного, мы начали осматривать саргдобу, представляющую собою крайне интересное сооруженіе, самая конструкція котораго выработана опытомъ въ глубокую старину.

Сводчатая куполообразная постройка изъ жженаго кирпича имѣла двѣ входныхъ арки съ покатымъ внутрь поломъ, выложеннымъ плитами, по серединѣ котораго зіяло темное круглое отверстіе огромнаго колодца; стѣны его также обложены были кирпичною кладкою на известковомъ растворѣ. Подъ сводомъ находилась широкая площадка вокругъ колодца, на которой свободно могъ помѣститься большой караванъ. Саргдоба была поставлена такимъ образомъ, что всѣ воды отъ таявшихъ снѣговъ и дождей, стекая съ окрестныхъ холмовъ по лощинѣ, попадали въ колодезь, являющійся благодаря этому водохранилищемъ, въ которомъ вода, закрытая сверху постройкою, отстаивалась, почти не испаряясь, обслуживая собою проходящіе караваны. Закопченныя черныя стѣны купола еще сохранили алебастровую штукатурку, осыпавшуюся снаружи. Своды, построенные лѣтъ пятьсотъ тому назадъ, поражали своею прочностью.

Нѣсколько человѣкъ погонщиковъ изъ каравана, сбросивъ халаты, столпились около отверстія колодца, разсматривая длинную веревку.

— Что это они собираются дѣлать,—спросилъ я, присматриваясь?

— Это, тюра, во славу Аллаха Милосерднаго и въ успокоеніе своей совѣсти они хотятъ почистить колодецъ. Сегодня почистятъ, вытянутъ илъ, а до завтра вода отстоится. Если у кого много грѣховъ, то лучше всего ихъ омыть при чисткѣ колодца въ колодезной водѣ. И людямъ на пользу, и душа очистится.

Долго возились лаучи, вытаскивая ведрами отвратительно пахнувшую темную грязь изъ колодца.

Массы улитокъ, червей и жучковъ различнаго вида закопошились въ вытащенномъ илѣ. Чего-чего тутъ не было.

— Пожалуй завтра и чай пить не захочется? — спросилъ я афганца, указывая на колодецъ.

— Нѣтъ, это ничего, тюра,—равнодушно сказалъ онъ.—Къ завтрему вода отстоится. Аллахъ послалъ ее людямъ на пользу, и вреда она никакого поэтому причинить не можетъ, такъ какъ она все очищаетъ и сама остается всегда чистою, — такъ сказано въ писаніи, которое я читалъ однажды.

Рѣзкій крикъ ребенка гдѣ-то за саргдобой прервалъ нашъ разговоръ.

— Что это такое? —съ удивленіемъ спросилъ я, заглядывая за широкій контрфорсъ.

Нѣсколько закутанныхъ женскихъ фигуръ тѣснымъ кружкомъ сидѣли на землѣ.

— Не очень-то присматривайтесь! Я уже видѣлъ — это прокаженные, — крикнулъ мнѣ полковникъ, продолжая свою бесѣду съ афганцемъ.

Несмотря на предупрежденіе, я все-таки подошелъ ближе къ этой группѣ.

Двѣ старухи съ открытыми лицами, на которыхъ ужасная болѣзнь оставила цѣлый рядъ слѣдовъ, въ видѣ страшныхъ язвъ, сидѣли, занимаясь перебираніемъ какихъ-то тряпокъ, среди которыхъ лежалъ ребенокъ. Молодая женщина съ красивыми черными глазами и лицомъ, полузакрытыми паранджою, стояла подлѣ. Нѣжное лицо было чрезвычайно красиво, и лишь струпья, покрывавшіе одну сторону подбородка, указывали на проказу.

Видя, что я слишкомъ долго занимаюсь разсматриваніемъ, полковникъ также подошелъ ближе и заглянулъ за контрфорсъ.

— А вѣдь дѣйствительно красива, — черезъ минуту заговорилъ онъ.

— Есть на что посмотрѣть,—это вѣрно, но только идемте-ка отъ грѣха. Пустыня имѣетъ свои права, а бѣсъ, сидящій въ человѣкѣ, силенъ,—взялъ онъ меня за руку.

— Пройдемтесь-ка по степи да на закатъ полюбуемся.

На горизонтѣ уже виднѣлся пурпуровый отблескъ солнца.

Полная тишина царствовала въ пустынѣ. Песокъ съ большою примѣсью соли хрустѣлъ подъ ногами, разсыпаясь бѣлоснѣжными песчинками.

— Въ первые годы службы пришлось мнѣ совершить поѣздку по Бухарѣ съ двумя молодыми офицерами, — тихо заговорилъ полковникъ, вспоминая что-то изъ прошлаго. — Молодости свойственно увлекаться, и мы, молодежь, все время въ каждомъ кишлакѣ, гдѣ только ни останавливались, все разыскивали женщинъ, млѣли и вздыхали, не находя нигдѣ таковыхъ. Ужъ что только ни дѣлали, а все поиски были неудачны. Языка не знали, обычаевъ тоже. Ну и бродили по кишлакамъ безъ толку чуть не два мѣсяца. Наконецъ добрались до Каршей. Городъ огромный, масса людей. Отвели намъ казенный садъ на краю города, мѣсто уединенное отъ всѣхъ. Да и прислуга на наружномъ дворѣ тоже далеко отъ насъ.

Мои сотоварищи въ этотъ вечеръ пошли бродить по улицамъ, а я остался; сижу въ саду на террасѣ да невольно мечтаю. Заря такая хорошая была. Въ воздухѣ какое-то томленіе. Слышу вдругъ шаги по саду, а садъ густой да огромный. Вскочилъ я и пошелъ на звукъ шаговъ,—смотрю на дорожкѣ женская фигура; лицо закрыто, а видно молодая, какъ по фигурѣ судить можно. Руки маленькія, красивыя.

Подошелъ ближе—не уходитъ. Взялъ за руку—тоже ничего. Теплая такая рука, какъ-будто теплота эта по мнѣ прошла. Обнялъ я ее, что-то нашептываю—вижу нѣтъ противодѣйствія, напротивъ, сама такъ вся ко мнѣ и прильнула. Ну, разумѣется, загорѣлась кровь...

Потомъ какъ очнулся, да и думаю — разсмотрю ее при свѣтѣ. Въ сумеркахъ видно молодая, глаза черные, а въ общемъ лица всего не видно—все отворачивалась отъ меня.

Вынулъ я спички, чиркнулъ и освѣтилъ лицо. А какъ взглянулъ, то спички уронилъ и чуть не закричалъ крикомъ—вѣрите, почти половина лица у нея въ огромнѣйшей язвѣ. Прокаженная!!

Волосы дыбомъ поднялись. Вотъ думаю влопался. На душѣ эдакій холодъ.

Ушла она, а я какъ пришибленный съ тѣхъ поръ ходилъ, и долго продолжалось такое состояніе. Думаю заразился. Спрашивалъ потомъ врачей—одинъ говоритъ заразительно, другой нѣтъ, третій утѣшалъ меня—черезъ 20—30 лѣтъ можетъ болѣзнь появиться, а кромѣ того даже и не у васъ, а вашихъ дѣтей.

Вѣдь правду вамъ сказать — я потомъ всю жизнь этимъ мучился. Боленъ я или здоровъ? Съ каждымъ прыщикомъ къ докторамъ бѣгалъ. Все меня безпокоило. И такъ всю жизнь.

И не женился я, откровенно сказать, все отъ того же страха,—а вдругъ у меня скрытая проказа, которая на дѣтей перейти можетъ... Мука!..

Огромная впадина, составлявшая дно озера Куль-Магіана разстилалась передъ нами, заросшая мѣстами гребенщикомъ и тамарискомъ.

По лощинамъ, протянувшимся отъ озера и составлявшимъ собою когда-то рѣчные протоки, также тянулась полоса чахлой растительности, среди которой кое-гдѣ встрѣчался невысокій камышъ и чаиръ. Солончаки встрѣчались чаще и чаще, покрывая собою значительныя пространства и мѣстами придавая землѣ видъ покрытой бѣлой снѣжной пеленой. Кое-гдѣ виднѣлся обрывъ стараго русла какой-то большой рѣки.

Я невольно задалъ вопросъ своему спутнику.

— Видите ли, относительно этого существуетъ нѣсколько предположеній, но окончательнаго взгляда не установлено. Одни доказываютъ, что рѣка Кашка-Дарья по этимъ мѣстамъ доходила когда-то до Каракуля, гдѣ впадала въ рѣку Заравшанъ, въ свою очередь вливавшуюся въ Аму-Дарью; другіе же говорятъ, что здѣсь проходилъ огромный протокъ Аму-Дарьи, доходившій до Каракуля, при чемъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ видны слѣды этого русла, по которымъ въ недалекомъ другъ отъ друга разстояніи находится нынѣ цѣлый рядъ большихъ и малыхъ озеръ, вода въ которыхъ преимущественно соленая.

Вообще же, повидимому, если судить по нѣкоторымъ указаніямъ исторіи, вся здѣшняя мѣстность, являясь низменностью, прежде была покрыта сплошнымъ рядомъ озеръ, болотъ и рѣкъ.

Тамерланъ, какъ говорятъ, почти постоянно охотился въ этихъ мѣстахъ, отличавшихся страшнымъ обиліемъ водяной птицы.

Колодезь Ташъ-Ахуръ находится на линіи стараго русла и черезъ него проходитъ дорога отъ Бухары на Бурдалыкъ. Мѣстность за нимъ до Аму-Дарьи уже настоящая песчаная пустыня, носящая названіе песковъ Сундукли. Занимая пространство въ 80 почти верстъ длины при ширинѣ до 50 верстъ, пески Сундукли залегаютъ параллельно Аму-Дарьи, соединяясь на сѣверѣ и за гор. Кара-Кулемъ съ пустыней Батокъ-Кумъ, принимая въ своей южной части названіе песковъ Кимъ-Ирекъ-Кумъ.

Будто всколыхнувшееся огромное желтое море, волны котораго при своемъ всплескѣ замерли въ неподвижномъ состояніи, разстилались пески передъ нами. Одинъ другого выше поднимались бараханы сыпучаго песка, въ которомъ вязли ноги лошадей, до крайности затрудняя движеніе.

Мѣстами пролетѣвшій вѣтеръ размелъ песокъ, придавъ ему видъ озерца съ совершенно ровной поверхностью, на которой съ одной стороны набросана была мелкая зыбь, переходящая уже въ небольшія волны.

Поднимаясь съ трудомъ на вершину песчаной гряды, наши кони въ самое короткое время видимо притомились и лишь верблюды, везшіе воду и припасы, выглядѣли совершенно свѣжими, легко ступая по сыпучему песку своими широкими эластичными ступнями.

— Однако и дорожка,—недовольно сказалъ я, когда мой конь, тяжело поводя боками, остановился передъ крутымъ барахаюмъ, имѣвшимъ видъ горы.

— Ничего не подѣлаешь, надо слѣзать и отдохнуть,—рѣшилъ полковникъ.

— Прошли всего верстъ съ десять, а они хуже пятидесяти по твердой дорогѣ.

Мы присѣли у подошвы высокаго барахана. День былъ ясный, но дулъ небольшой вѣтерокъ, колыхавшій кусты ковыля и поднимавшій мелкій песокъ на вершинахъ бараханов.

— Какая своеобразная картина этихъ песковъ, несмотря на ихъ кажущееся однообразіе; общій видъ песчаныхъ пространствъ далеко не одинаковъ.

— Да, это вѣрно, по своему характеру пески раздѣляются на четыре вида: песчаную степь, пески бугристые, грядовые и бараханные. Всѣ они имѣютъ рѣчное и материковое происхожденіе. Но кромѣ этихъ видовъ существуютъ еще дюнные пески—морского образованія. Въ первой стадіи своего развитія рѣчные и материковые пески слагаются въ видѣ бараханов, потомъ переходятъ въ бугры, а затѣмъ успокаиваются въ формѣ песочной степи.

Бараханы, какъ вы видите, представляютъ собою типичное песчаное море изъ голыхъ сыпучихъ песковъ, переносимыхъ вѣтромъ съ мѣста на мѣсто. Высота ихъ достигаетъ до 40 футовъ. Отдѣльные бараханы имѣютъ свою типичную форму и похожи по формѣ на копытную кость лошади: выпуклой стороной и пологимъ склономъ они обращены къ сторонѣ господствующихъ вѣтровъ, а вогнутой стороной съ крутымъ склономъ въ сторону подвѣтренную, при чемъ прямая, соединяющая рога, т. е. хорды, дуги, представляетъ наибольшую ширину барахана. На навѣтренной сторонѣ песокъ постепенно уплотняется, а на подвѣтренной сторонѣ совершенно рыхнетъ.

Бугристые и грядовые пески—это тѣ же бараханы, но уже закрѣпленные въ большей своей части растительностью травяною и древесною, и только на вершинахъ сохраняется часть сыпучаго песка, переносимаго вѣтромъ съ мѣста на мѣсто. Высота ихъ гораздо меньше, футовъ до 25, форма бугровъ неправильна и скаты ихъ пологи, отдѣльные бугры имѣютъ видъ кургановъ. Наконецъ песчаная степь—это равнина съ песчаной почвой, мѣстами слабохолмистая, и состоитъ изъ бугорковъ рѣдко выше 6—7 футовъ.

Какъ видите, здѣсь въ началѣ было небольшое пространство грядовыхъ и бугристыхъ песковъ, затѣмъ мы взошли въ середину типичныхъ бараханов и теперь надо держать ухо востро, т. е. вѣрнѣе не ухо, а глаза, такъ какъ въ нихъ крайне легко сбиться съ дороги...

Вѣтеръ, между тѣмъ постепенно усиливавшійся, несъ намъ навстрѣчу большое количество мелкаго песку, попадавшаго въ глаза и болѣзненно раздражавшаго кожу лица и рукъ. Чуть замѣтная полоса слѣдовъ тропы, засыпаемая пескомъ, мѣстами была уже незамѣтна совершенно и лишь кое-гдѣ на твердой глинѣ между бараханов сохранились отпечатки копытъ лошадей.

Ведя коней въ поводу, мы съ трудомъ, но взбирались наискось на казавшіяся страшно высокими горы сыпучаго песка, осыпавшагося подъ ногами, то глубоко увязая въ песокъ спускались внизъ впадины, закрытой со всѣхъ сторонъ новыми песчаными горами. Съ верху бараханов передъ нами открывалась безотрадная картина. Все было мертво.

Безконечныя гряды бараханов уходили вдаль, покрывая весь горизонтъ. Мелкая песчаная пыль, поднятая вѣтромъ, носилась въ верхнихъ слояхъ воздуха, и солнечный дискъ уже едва обрисовывался сквозь эту густую сѣтку пыли.

— Однако дѣло-то кажется наше не важно,—сердито проворчалъ полковникъ, глядя воспалившимися глазами вдаль.

— Мирза-баши, а вѣдь мы съ дороги-то сбились. Смотри и компасъ указываетъ на сѣверъ,—добавилъ онъ, разсматривая вертѣвшуюся стрѣлку.

Лаучи, безразлично посматривая вокругъ, присѣли около верблюдовъ.

— Дѣло скверное, будемъ теперь по пескамъ бродить безъ толку. До Наразыма не меньше какъ верстъ двадцать еще осталось. А они бокомъ намъ выйдутъ.

Сѣвъ снова на лошадей, мы шагъ за шагомъ, оріентируясь по компасу, начали медленно подвигаться впередъ, то увязая въ сыпучемъ пескѣ, то съ трудомъ поднимаясь на высокіе бараханы, то спускаясь въ лощины.

Вѣтеръ между тѣмъ дѣлался все сильнѣе и сильнѣе. Длинными полосками летѣлъ мелкій песокъ, сдуваемый съ гребней бараханов. Лошади шли съ трудомъ и неохотно, отворачивая головы отъ вѣтра.

Сухіе кусты ковыля подъ порывами вѣтра шелестѣли, нагибаясь совершенно къ землѣ.

Еще версты двѣ такого движенія, и лошади стали...

Солнце, подернутое сѣткою пыли, скрылось совершенно и надъ нами нависла пыльная пелена, закрывавшая со всѣхъ сторонъ окрестности.

Гдѣ-то вверху что-то жалобно завыло и затѣмъ, перейдя въ страшный ревъ, разразилось какими-то дикими криками.

— Ой, яманъ (не хорошо), тюра, — тревожнымъ голосомъ заговорилъ мирза-баши.

— Все отъ того, что когда выѣзжали—баба смотрѣлъ; глазъ у нея нехорошій. Теперь иблисъ-шайтанъ кричитъ. Совсѣмъ дѣло яманъ...

Старый степнякъ полковникъ, видавшій виды, нахмурился.

— Оно дѣйствительно не важно, ну а все же Богъ милостивъ, какъ-нибудь перетерпимъ. Лишь бы не очень долго... Во всякомъ случаѣ, что будетъ—одинъ Аллахъ знаетъ, а теперь надо стать и запастись терпѣніемъ.

Выбравъ высокій бараханъ съ глубокою лощиною подъ нимъ, мы, поставивъ лошадей крупами къ вѣтру, тѣсною кучей присѣли на пескѣ, закрывая головы попонами.

Какъ во время сумерекъ, казался день, затемненный песчаною наволочью. То съ глухимъ ревомъ, то снова стихая, неслась буря, набрасывая вокругъ насъ цѣлыя горы песку. Будто движеніе огромной паровой машины, слышалось порою какое-то шуршаніе, переходившее постепенно въ глухой шумъ, оканчивавшійся пронзительными взвизгиваніями и завываніями; иногда стукъ паденія чего-то страшно тяжелаго врывался въ этотъ хаосъ звуковъ, среди которыхъ слышался и плачъ, и жалобы, и душу раздирающіе стоны. Голоса пустыни навѣвали тоску. Настроеніе было до-нельзя скверное, тѣло болѣзненно ныло и казалось, что появилась какая-то особая слабость.

— Много пить нельзя,—предупредилъ меня полковникъ.— Воды у насъ только одинъ бурдюкъ, а что впереди ожидаетъ— неизвѣстно.

Сдѣлавъ пару глотковъ изъ бутылки, я почувствовалъ лишь на минуту облегченіе, а затѣмъ самочувствіе еще болѣе ухудшалось. Задыхаясь отъ горячаго вѣтра и пыли подъ тяжелою

попоною, я уже находился въ полудремотѣ. Мои спутники, сбившись въ тѣсную кучу, сидѣли молча, испытывая очевидно то же самое. Лошади, порою вздрагивая, жались другъ къ другу. Сколько времени пробыли мы въ такомъ положеніи? Очевидно долго.

Постепенно дѣлалось все темнѣе и темнѣе. Часы показывали около 7 час. вечера, но вѣтеръ не утихалъ, а даже казалось, что онъ еще усиливался. Пелена ночи легла на землю и вмѣстѣ съ нею темнота сдѣлалась совершенно непроглядною.

Вынувъ хлѣбъ и закусивъ съ большимъ трудомъ, давъ по чашкѣ воды лошадямъ, мы бросили имъ по снопу клевера, и снова началось то же томленіе, что и раньше. Лежа въ какой-то полудремотѣ, я совершенно потерялъ представленіе о дѣйствительности. Жуткое чувство, явившееся вначалѣ, исчезло, замѣнившись состояніемъ полнаго безразличія. Странные сны, сплетаясь въ фантастическую цѣпь неясныхъ образовъ и картинъ, слѣдовали одинъ за другимъ безпрерывно. Вой бури акомпанировалъ имъ, смѣшивая сны съ дѣйствительностью.

Сдѣлавъ попытку заговорить со своимъ сосѣдомъ, я долженъ былъ отъ нея отказаться, не имѣя возможности перекричать грохота и порывовъ вѣтра, уносившаго разомъ слова. Попытки закурить папиросу также не привели ни къ чему: спички гасли моментально, не успѣвъ даже вспыхнуть.

Ночь казалась безконечною. Я вспомнилъ разсказы о песчаныхъ буранахъ, и на душѣ невольно сдѣлалось какъ-то особенно тоскливо. Уткнувшись головой въ попону, приходилось почти все время дѣлать движенія, чтобы сбросить наметаемый песокъ, безпокоившій своею тяжестью. Голова горѣла, какъ въ огнѣ, и тяжелыя грезы смѣнялись съ изумительной быстротою.

Лишь съ наступленіемъ свѣта вѣтеръ сталъ немного утихать, но все же еще нельзя было и думать о продолженіи дороги. Песокъ летѣлъ непрерывными струями, засыпая глаза и не давая возможности видѣть далѣе двухъ-трехъ шаговъ вокругъ. Къ полудню, какъ-будто напрягая свои послѣднія силы, вѣтеръ заревѣлъ снова вокругъ, крутя столбы песку и набрасывая моментально цѣлыя горы, а затѣмъ ураганъ пролетѣлъ мимо и какъ-то разомъ настала полная тишина. Густая пелена

пыли стояла въ воздухѣ, закрывая собою солнце, да вдали на горизонтѣ виднѣлись темные столбы крутившагося песку. Какъ послѣ сильной качки, чувствовали мы себя отвратительно. Взъерошенныя, шершавыя лошади понуро стояли, опустивъ головы.

Освѣжившись нѣсколькими глотками воды и напоивъ коней, мы долго еще лежали, отдыхая отъ этой ужасной ночи.

Песчаное море успокоилось и вновь надъ нимъ настала прежняя мертвая тишина.

Старикъ Нукеръ имѣлъ особенно пасмурный видъ,—нахмурившись и перебирая четки, онъ ѣхалъ сзади недалеко отъ насъ, шепча что-то и порою медленнымъ движеніемъ разглаживая свою широкую сѣдѣющую бороду.

— Что, Ходжи Магометъ, нездоровъ сегодня?

— Да, тюра, что-то на душѣ нехорошо. . Вчерашняя ночь дурная. Тѣлу было непріятно и больно, но это еще ничего, а плохо то, что душа болитъ, такъ какъ среди стоновъ бури, въ клубахъ песку я вчера видѣлъ Ала.

— Это нехорошо, очень нехорошо и даже опасно, — съ сильной тревогой въ голосѣ заговорилъ туркменъ, снова начавъ свой шепотъ.

— Въ чемъ же дѣло, я не понимаю?—удивился я.—Что такое за Алъ и когда ты его видѣлъ, Ходжа Магометъ? Сколько я помню, мы ничего не видѣли.

— Вѣроятно и полковникъ тоже самое,—обратился я къ старику.

— Это онъ про какую-то чертовщину вспоминаетъ, пустяки какіе-то...

— Нѣтъ, тюра, это вѣрно злые духи Алы вездѣ живутъ въ пустыняхъ и во всѣхъ дурныхъ мѣстахъ около городовъ и большихъ кишлаковъ и они разные виды принимаютъ, но чаще всего являются людямъ, въ видѣ маленькаго человѣка съ большой головой и злыми глазами. Туркменъ изъ нашего рода Халли разъ самъ едва живымъ отъ Ала ушелъ.

Ѣхалъ изъ своего кишлака послѣ заката солнца, — ночь была очень свѣтлая; доѣхалъ онъ до одного дурного мѣста, вдругъ ему человѣкъ идетъ навстрѣчу, маленькій такой и глаза,

какъ у волка. Поравнялся съ Халли, проѣхалъ мимо, а только тотъ сразу прыгнулъ и повисъ у него на шеѣ. Тогда Халли узнавъ, что это злой духъ Алъ, упалъ съ лошади на землю и сталъ съ Аломъ бороться. Былъ Халли страшно сильный,—схватилъ онъ Ала своими крѣпкими руками и сѣлъ на него сверху. Почувствовалъ Алъ, что ничего не можетъ сдѣлать, и сталъ просить Халли, чтобы его отпустилъ. Халли потребовалъ клятвы,—и когда Алъ поклялся, что сейчасъ же изчезнетъ, Халли выпустилъ руки и Алъ пропалъ изъ глазъ. Халли потомъ разсказывалъ, что Алъ такъ пронзительно кричалъ, а ему отъ этого страшно дѣлалось и потомъ, когда Халли пріѣхалъ домой,—онъ также долго больнымъ лежалъ. Старые люди говорятъ, коли Алъ человѣка одолѣетъ, онъ его кровь выпиваетъ. Слышалъ я, одинъ текинецъ встрѣтился съ Аломъ и хотѣлъ его изъ ружья убить, а только какъ сталъ онъ цѣлиться, Алъ исчезъ изъ глазъ.

Очень нехорошо видѣть ихъ. Больше Алы сумасшедшимъ показываются и съ ними подолгу разговаривать любятъ. А только и обыкновенные люди ихъ видятъ, и тогда очень нехорошо бываетъ—заболѣть можно или даже умъ потерять. Хорошо кто молитву, какъ я, знаетъ или же имя Агзамъ скажетъ, тогда ничего не будетъ; если же у кого есть особый ножъ или кинжалъ, Джаухеръ онъ называется, съ нимъ ужъ Алы ничего сдѣлать не могутъ.

Нехорошо только, когда эту молитву забудешь. Я, тюра, ее зналъ, а теперь не помню.

V.

Сильно уставшіе, добрались мы наконецъ до прибрежной полосы. Вдали виднѣлась огромной ширины водяная равнина; заросли камышей покрывали берегъ и острова. Нѣсколько куртинъ деревьевъ окружали кишлакъ. Видъ зелени послѣ желтаго колорита песчаной пустыни былъ особенно пріятенъ для глазъ.

Типичныя туркменскія постройки, окруженныя пашнями, виднѣлись по берегу рѣки. Высокія полуразрушенныя стѣны

старой крѣпости выглядѣли какъ-то уныло, напоминая о прежней жизни. Довольно большой кишлакъ Наразымъ широко раскинулся по берегу. Составляя собою нынѣ особое амлякдарство, Наразымъ раньше былъ отдѣльнымъ бекствомъ съ крѣпостью, защищавшей переправу черезъ рѣку. Большой островъ, лежащій противъ него, облегчалъ сообщеніе между обоими берегами при помощи каюка.

Прибрежная культурная полоса Аму-Дарьи, имѣя отъ 2 до 8 верстъ ширины съ каждой стороны, уже давно засыпается песками пустыни, постепенно суживаясь, и, благодаря этому уменьшенію своей площади, вынуждаетъ часть жителей искать новыхъ мѣстъ для поселенія, при чемъ значительныя пространства удобныхъ земель въ Курганъ - Тюбинскомъ бекствѣ на Пянджѣ, привлекая вниманіе мѣстныхъ туркменъ, понуждаютъ ихъ выселяться на свободные участки.

Издавна все населеніе по побережью Аму-Дарьи принадлежитъ къ туркменамъ, племенъ: эрсари, лебабли и ата, переселившихся частью изъ Хивинскаго ханства и частью изъ Закаспійской области. Являясь полуосѣдлымъ населеніемъ пограничной полосы, они издавна играли роль защитниковъ западныхъ границъ ханства, въ то же время сами почти постоянно производя набѣги на Пянджскій и Мервскій оазисы. Эти аламаны прекратились лишь съ присоединеніемъ Мервскихъ и Пендинскихъ туркменъ къ Россіи.

— Хорошо, тюра, прежде жить было въ Наразымѣ,—разсказывалъ намъ старый сѣдобородый аксакалъ.—Тогда мало кто у насъ землю обрабатывалъ.

— Были сердары, которые молодежь въ аламаны водили; на быстроногихъ коняхъ переходили они страшную пустыню Кара-Кумъ и, напавъ внезапно на Мервскихъ текинцевъ, много добра съ собою привозили въ Пенде, и даже въ Хорасанъ ходили. Много красавицъ персіанокъ бывало ихъ добычей. Десятки рабовъ они приводили на арканахъ и, продавъ ихъ на Чарджуйскомъ базарѣ, долго пировали послѣ боевыхъ трудовъ и, позвякивая золотыми тилля, каждый день жирный пловъ кушали. Работали рабы на поляхъ подъ присмотромъ женщинъ, и

всѣ тогда богато жили, не было среди насъ байгушей бѣдняковъ.

Но только не всегда Аллахъ былъ милостивымъ къ своимъ любимымъ слугамъ. Порою судьба отвращала свое лицо въ сторону, и тогда налетали текинцы и, напавъ ночью на наши аулы, угоняли у насъ скотъ и забирали рабовъ и женщинъ.

Конечно, теперь хорошо—можно спокойно жить, ѣсть свой хлѣбъ, но все же жаль прежняго веселаго времени, когда слава о многихъ сердарахъ носилась по ауламъ, достигая до ушей самого эмира, присылавшаго такимъ батырямъ халаты и коней въ награду за ихъ доблесть.

— А сколько слезъ матери и жены наши проливали, ты уже забылъ объ этомъ, Юнусъ? Когда мервцы, забравшись въ наши кишлаки, рѣзали людей, какъ барановъ, а поля вытаптывали своими конями и выжигали.

— Нѣтъ, тюра, прежде было хорошо, но теперь лучше,— рѣшительно перебилъ его другой аксакалъ.

— И я также ходилъ въ аламанъ и не изъ послѣднихъ былъ, ты помнишь, Юнусъ? Ты помнишь ли, какъ твоего брата ты нашелъ зарѣзаннымъ. Ты забылъ, какъ твою первую жену персіанку, перекинувъ какъ вьюкъ, увезли молодцы мервцы? Нѣтъ, оставь, не хорошо все это вспоминать. Скоро намъ съ тобой умирать надо, и не слѣдуетъ тревожить воспоминаніями души тѣхъ, что давно уже покоятся въ могилахъ...

Отличный супъ изъ чудной баранины и жирный пловъ появились въ скоромъ времени для угощенія пріѣзжихъ.

Мы присѣли въ кружокъ стариковъ на разостланномъ коврѣ и, послѣ нѣсколькихъ дней плохого питанія, отдали особую честь этимъ вкуснымъ блюдамъ туземной кухни.

Вечерній воздухъ, благодаря близости рѣки, былъ свѣжъ и чувствовалась значительная сырость.

Выкрикиваніе азана [1]) съ мечети далеко разнеслось по окрестностямъ. Кое-гдѣ слышались звуки протяжной пѣсни. Масса дѣтей собрались на площадкѣ близъ двора амлякдара и, играя, порою шумно выражали свою радость громкими криками. Тяже-

[1]) Азанъ—призывающій къ молитвѣ.

лый мячъ, сдѣланный изъ шерсти, обшитой кожей, то со свистомъ пролеталъ изъ группы въ группу, иногда глухо ударяя по живому тѣлу, то бросался съ силою въ узкую доску. Трудно было уловить сущность игры, но, повидимому, она напоминала игру въ пятнашки.

Наступившая вечерняя темнота не разогнала молодежи, а лишь заставила ее, бросивъ мячъ, перейти къ другимъ развлеченіямъ.

Рѣзкій звукъ дудки понесся изъ одной группы. Однообразные переборы были мало музыкальны, но видимо доставляли большое удовольствіе слушателямъ. Неувѣренный голосъ пѣвца вторилъ ей, повторяя конецъ музыкальной фразы, съ котораго потомъ сплетался хоръ молодыхъ голосовъ, звуча безъ всякой гармоніи. Будто изъ перехваченнаго горла послышался голосъ пѣвца солиста, и новая пѣсня зазвучала, подъ одобрительные возгласы стариковъ.

— Хорошо поетъ, не правда ли, тюра?—обратился къ намъ аксакалъ.

— Я тоже, когда былъ молодъ, зналъ эту пѣсню, но она только хороша для молодости, а въ старости не поется.

— А что же говорится въ этой пѣснѣ?

— Въ ней, тюра, разсказывается какъ смѣлый сердаръ полюбилъ красавицу дочь бека, какъ онъ страдалъ по ней и какъ судьба дала ему случай увидѣть ее. Очень хорошая пѣсня...

Мелодичные женскіе голоса слышались невдалекѣ по другую сторону. Заразительно веселый смѣхъ несся оттуда.

— Это наши дѣвочки веселятся, играютъ въ ортадуманъ,— такая игра у нихъ,—любовно сообщилъ аксакалъ.

Бѣгаютъ, ловятъ другъ друга. Одна становится по серединѣ, а остальныя по краямъ большого круга, затѣмъ всѣ перебѣгаютъ съ мѣста на мѣсто, а та, которая на серединѣ, ихъ ловитъ. Когда поймаетъ, то пойманная занимаетъ ея мѣсто.

— Пусть веселятся, выйдутъ замужъ — настанетъ время работы, ужъ такъ смѣяться не будутъ.

На берегу Аму-Дарьи среди камышей показались костры, разложенные каюкчами. Отблескъ огня длинной полосой падалъ на рѣку, освѣщая ея мутныя волны.

Гдѣ-то далеко виднѣлся яркій свѣтъ пароходнаго прожектора, разсѣкавшій ночную темноту и придававшій пароходу видъ какого-то чудовища, блестѣвшаго цѣлымъ рядомъ огней, маленькими яркими точками вспыхивавшихъ на верхушкѣ мачты.

Испуганныя птицы, попадая въ столбъ яркаго свѣта, ослѣпленныя имъ, безтолково кружились въ воздухѣ.

По лѣвому берегу рѣки отъ Чарджуя и до укрѣпленія Керки пролегала старая колесная дорога, по которой прежде, до учрежденія Аму-Дарьинской флотиліи, совершалось движеніе между этими пунктами.

Узкая полоса культурныхъ земель проходитъ по обѣимъ сторонамъ рѣки, примыкая на правой сторонѣ къ пустынѣ Сундукли, а на лѣвой къ пустынѣ Кара-Кумъ, сыпучіе пески которыхъ, все время передвигаемые вѣтромъ, засыпаютъ обработанныя поля, какъ будто стремясь уничтожить жизнь въ этой полосѣ, рѣзко отличающейся своей цвѣтущей растительностью отъ безотрадныхъ картинъ мертвыхъ песчаныхъ пространствъ.

Дорога отъ Наразыма проходила берегомъ. Заросли камышей разстилались на огромной площади, покрывая собою не только берегъ, но и острова. Кое-гдѣ камыши видимо стали рости на брошенныхъ поляхъ, полузанесенныхъ съ одной стороны песками, среди которыхъ виднѣлись вывѣтрившіяся, полуразрушенныя стѣны оставленныхъ строеній.

На высокомъ искусственно насыпанномъ курганѣ выдѣлялись развалины старой крѣпости, когда-то охранявшей Исламскую переправу. Глинобитныя стѣны еще кое-гдѣ сохранили остатки зубцовъ, но прежде грозная твердыня—въ настоящее время уже представляла груду глины, съ цѣлымъ лѣсомъ бурьяна, разросшагося привольно по широкимъ рвамъ и внутри крѣпости.

Кишлакъ Бурдалыкъ, славящійся своими туркменскими конями, открылся передъ нами, выдѣляясь густыми куртинами тутовъ, окружавшихъ всѣ сакли. Небольшой базаръ состоялъ изъ двухъ-трехъ лавокъ мелочныхъ торговцевъ, расположившихся тѣсно рядомъ другъ съ другомъ и разложившихъ на цыновкахъ, положенныхъ прямо на землѣ, куски мануфактуры, мелкую галантерею и сласти. Тутъ же виднѣлись мѣстныя издѣлія: куски

сѣраго мыла и сальныя свѣчи, а далѣе стояли мѣшки съ пшеницею, джунгарой и ячменемъ.

Нѣсколько десятковъ барановъ, понуро опустивъ головы, столпились тѣсною кучею невдалекѣ отъ мясника, развѣсившаго туши мяса на гвоздяхъ, вбитыхъ въ стволѣ развѣсистаго тута.

Группа стоявшихъ на приколахъ подъ попонами лошадей красиво выдѣлялась своимъ статнымъ видомъ.

Небольшое количество людей толпилось на базарѣ, а большая часть степенно сидѣли около чай-хане, распивая чай. Надъ всѣмъ базаромъ носился удушливый запахъ горѣлаго кунжутнаго масла, въ которомъ жарилась свѣжая рыба.

— Здѣсь прежде большой городъ былъ, а теперь только кишлакъ: бекъ живетъ; хотя, какъ они говорятъ, бекъ маленькій, чинъ у него небольшой. Такъ, захудалое бекство,—удовлетворилъ мое любопытство полковникъ.

— Но я полагаю къ нему все равно не стоитъ заѣзжать, чтобы отдохнуть; можно здѣсь въ караванъ-сараѣ пристроиться, а потомъ дальше можно доѣхать, хотя бы до Ислама.

Широкій дворъ караванъ-сарая былъ почти весь наполненъ мѣшками съ хлѣбомъ, около котораго на приколахъ стояли вперемежку лошади и ишаки.

Мы устроились подъ навѣсомъ, прислушиваясь къ разговорамъ.

— Хлѣбъ пріѣхали купцы покупать,—удовлетворилъ наше любопытство хозяинъ караванъ-сарая.

— Только цѣну не даютъ хорошую, обманываютъ народъ.

— Чѣмъ же обманываютъ?

— Ахъ, тюра, ты вѣдь не знаешь, что купцы деньги даютъ подъ хлѣбъ еще съ осени, когда подати платить людямъ нужно, ну а потомъ, когда хлѣбъ созрѣетъ, хозяева имъ большую уступку противъ настоящей цѣны дѣлаютъ и еще кромѣ того, когда дѣлаютъ расчетъ, такъ только половину деньгами даютъ, а остальное все краснымъ товаромъ. Больно много купцы наживаютъ. Больше все хивинскій народъ, свои каюки имѣютъ и потомъ въ Хиву весь хлѣбъ отвозятъ и тамъ съ большимъ барышомъ продаютъ. А только у насъ здѣсь хлѣба не особенно

много. Они больше со своими каюками вверхъ идутъ въ Сарай на Пянджѣ.

Когда-то давно Бурдалыкъ имѣлъ значеніе какъ переправа, лежавшая на прямой дорогѣ между гор. Маймене, нынѣ Афганской провинціей и Старой Бухарой. Не только торговые караваны, но и персидскіе завоеватели были на этой переправѣ, имѣющей въ настоящее время лишь мѣстное значеніе, при сообщеніи лѣваго берега съ правымъ.

Мрачная старая мечеть, съ осыпавшеюся штукатуркою, производила унылый видъ своею заброшенностью. Имамъ мечети, сидѣвшій на террасѣ и перебиравшій четки, какъ-то безразлично взглянулъ на насъ, продолжая свою молитву.

— Очень почтенный человѣкъ; много читалъ, много видалъ и много знаетъ,—указалъ на него Мирза-Баши.

Старикъ, окончивъ свою молитву, неторопливо поднялся и подошелъ къ намъ, глядя своими зоркими глазами, въ которыхъ свѣтилась сильная воля, доброта и умъ.

— Что хотятъ здѣсь видѣть чужеземцы?—далеко непривѣтливымъ голосомъ спросилъ онъ насъ.

— Въ этой старой мечети я одинъ славлю Величіе Творца, изрѣдка лишь видя, какъ въ нее заглядываютъ жители Бурдалыка въ числѣ нѣсколькихъ стариковъ, утомленныхъ жизнью и приготовляющихся къ вѣчному покою. А молодежь не любитъ утруждать себя молитвою и поэтому моя мечеть всегда пуста, потому что туркмены—плохіе мусульмане.

— Есть въ этихъ мѣстахъ что-нибудь замѣчательное? вѣроятно имамъ знаетъ про это?

— Нѣтъ, тюра, жизнь стерла слѣды прежняго и лишь на кладбищахъ можно на могильныхъ камняхъ прочесть имена тѣхъ, кто здѣсь жилъ, но большихъ именъ все же встрѣтить нельзя.

По всему Аму-Дарьинскому побережью туркмены выдѣлываютъ ковры, пользующіеся по справедливости вполнѣ заслуженною славою. Красивый рисунокъ, яркіе цвѣта съ умѣлымъ подборомъ тоновъ служатъ ихъ характернымъ признакомъ. Древніе туркменскіе рисунки, переживъ вѣка, усовершенствованы соеди-

неніемъ съ новѣйшими персидскими узорами, давъ замѣчательно оригинальное сочетаніе.

Огромный кишлакъ Исламъ широко раскинулся по берегу рѣки на нѣсколько верстъ съ большими промежутками между построекъ.

Однообразная картина побережья начинала утомлять глазъ. Полузанесенныя пескомъ пространства съ остатками стѣнъ все время чередовались съ обработанными полями. Глубокіе арыки параллельными рядами пересѣкали дорогу, выводя воду изъ рѣки.

Водоподъемныя колеса чигирей, приводимыя въ движеніе верблюдами, пронзительно скрипѣли, захватывая привязанными къ ободьямъ глиняными кувшинами воду и выливая ее въ широкій жолобъ, откуда вода уже по небольшимъ канавкамъ разливалась по полю, орошая сильно высохшую землю съ посѣвами.

Порою намъ навстрѣчу попадались туркмены, ѣхавшіе на своихъ коняхъ, съ длинными мултуками[1]) за плечами, придававшими особенно оригинальный и типичный видъ всадникамъ, какъ будто сошедшимъ съ извѣстныхъ Каразинскихъ картинъ, рисованныхъ имъ во время завоеванія Туркестана. Типы туркменовъ-батырей вставали передъ нашими глазами, наглядно указывая, что этихъ мѣстъ еще не коснулись условія культурной жизни и что здѣсь еще существуетъ въ полной мѣрѣ право сильнаго и необходимость защищать свою жизнь и имущество отъ посягательствъ на нихъ сосѣдей.

Иногда цѣлая группа туркменъ показывалась впереди, останавливая на себѣ наше вниманіе. Въ праздничныхъ халатахъ преимущественно темныхъ цвѣтовъ, въ косматыхъ шапкахъ, всѣ всадники имѣли на правой рукѣ, одѣтой въ перчатку, соколовъ и ястребовъ, головы которыхъ покрыты были остроконечными колпачками.

— Куда это они собрались?—спросилъ полковникъ, внимательно всматриваясь въ красивую группу.

— На охоту, тюра, на озера ѣдутъ, тамъ теперь дичи очень много: гусей, утокъ, лебедей. Здѣшніе люди очень любятъ та-

---

[1]) Мултукъ—ружье съ сошками.

кую охоту. Почти у каждаго туркмена можно найти или сокола, или же ястреба, которыхъ они пріучають къ охотѣ и очень долго вынашиваютъ. Хорошая птица большихъ денегъ стоитъ, можетъ много дичи принести и своему хозяину славу дѣлаетъ.

— Не правда ли, какая интересная группа и какъ она похожа на картину древней русской соколиной охоты?

Вѣроятно только въ Средней Азіи и осталась она въ такомъ же видѣ, являясь едва ли не самымъ любимымъ спортомъ всѣхъ здѣшнихъ племенъ. Почти нѣтъ богатаго туркмена, узбека или киргиза, который бы не имѣлъ одного-двухъ соколовъ или же ястребовъ для охоты. И цѣнятся они очень дорого, особенно если хорошо выношены. Здѣсь по всѣмъ тугаямъ и зарослямъ около соляныхъ озеръ прекрасная охота на водяную птицу, которой на нихъ сотни тысячъ, въ особенности къ Каршамъ.

Отъ Бурдалыка и до Каршей идетъ старая торговая дорога, по которой когда-то шли караваны изъ Хорасана черезъ Мервъ на Бухару. Цѣлый рядъ колодцевъ и саргдобъ, построенныхъ на этомъ направленіи между Каршами и Бурдалыкомъ, наглядно указываетъ на ея былое значеніе, но въ настоящее время саргдобы и много колодцевъ разрушены частью прежними завоевателями, а частью, не поддерживаемые, сами пришли въ разрушеніе, и лишь немногіе колодцы, дающіе возможность совершать передвиженія по этимъ пустыннымъ мѣстамъ, по необходимости поддерживаются проходящими караванами.

VI.

Кишлаки Маканъ, Хазретъ-Бель, Хазретъ-Баширъ и Сурхи прошли передъ глазами во всемъ совершенно похожіе другъ на друга, съ остатками развалинъ крѣпостей на вершинахъ невысокихъ холмовъ, подчеркивавшихъ значеніе этихъ мѣстъ, служившихъ защитою западной границы ханства; о нихъ разбивались волны вражескихъ полчищъ, переходившихъ Аму-Дарью съ цѣлью пограбить богатый Каршинскій край.

Почти все время намъ продолжали попадаться навстрѣчу всадники съ мултуками, ѣхавшіе на статейныхъ лошадяхъ или же на длинноухихъ ишакахъ.

— Почему это они всѣ съ оружіемъ? — спросилъ я, разсматривая старика съ огромною по поясъ бѣлою бородою, съ кривою шашкою у пояса, шедшаго около небольшого ишака, навьюченнаго мѣшкомъ съ зерномъ.

— Здѣсь неспокойно, тюра, много нехорошихъ людей попадается; если безъ оружія ѣхать, то опасно: товаръ, деньги и халатъ отнимутъ, а иногда и горло рѣжутъ. Глухія мѣста: бросятъ тѣло—шакалы потомъ съѣдятъ; былъ человѣкъ — и нѣтъ человѣка и узнать нельзя, кто такое злое дѣло сдѣлалъ.

Заросли гребенщика, пати и джиди чередовались съ куртинами развѣсистыхъ тутовъ, а затѣмъ снова начиналась безконечная равнина. Длинный горизонтъ подернутъ былъ голубовато-сѣрою дымкою, сквозь которую порою появлялись то блестящее озеро съ зеркальною поверхностью водъ, окруженныхъ рамкою камышей, то караванъ верблюдовъ, медленно, шагъ за шагомъ, подвигавшійся по одному съ нами направленію. Нѣсколько десятковъ саженъ движенія впередъ — и верблюды, озеро, — все начало колебаться и какъ будто таяло, исчезая въ воздухѣ: это миражъ, марево, которые такъ часто встрѣчаются въ Средней Азіи, не вызывая ничьего изумленія; хотя все же среди туземнаго населенія существуетъ много повѣрій о разграбленныхъ караванахъ и убитыхъ разбойниками людяхъ, ихъ сопровождавшихъ, души которыхъ, не находя себѣ покоя, носятся въ атмосферѣ и, принимая совершенно реальные образы, показываются людямъ, предвѣщая обыкновенно какое-нибудь несчастье. Поэтому туземцы всегда пристально всматриваются въ миражи каравановъ, при чемъ нехорошимъ признакомъ считается видѣть караванъ, пересѣкающій дорогу; между тѣмъ, какъ караваны, идущіе параллельно ѣдущимъ, представляютъ собою какъ бы нормальное явленіе.

— Видишь караванъ, тюра? — какъ бы въ подтвержденіе задалъ вопросъ нукеръ Оразъ-Верды, указывая рукою впередъ, гдѣ среди казавшейся безконечною равнины виднѣлся караванъ въ нѣсколько верблюдовъ, шедшихъ параллельно съ нами, но далеко правѣе и впереди. То показываясь совершенно ясно, то какъ будто растворяясь въ воздухѣ, медленно шелъ караванъ, и казалось, что разстояніе до него замѣтно сокращается и можно

было даже разсмотрѣть фигуру караванъ-баши, сидѣвшую на передовомъ верблюдѣ. Высокіе вьюки мѣрно колыхались при движеніи, и лишь отсутствіе звона колокольчиковъ и бубенчиковъ указывало, что передъ нами только далекое отраженіе, а не настоящій караванъ.

— Одинъ разъ, тюра, мнѣ довелось видѣть въ воздухѣ нехорошій караванъ,—продолжалъ Оразъ.

— Шли мы по большой Каршинской дорогѣ изъ Керковъ въ Карши. Утромъ увидѣли его и хотя старый караванъ-баши—Ходжи-Султанъ и читалъ нужныя молитвы и потомъ на огнѣ костра корешки противъ несчастія сжигалъ, чтобы дымъ, поднимавшійся отъ нихъ, заставилъ нечистаго духа, не любящаго его запаха, отойти подальше, но не помогло это, и несчастье шло по нашему пути вмѣстѣ съ нами и не было возможности уйти отъ него. Уже при дневномъ водопоѣ мы это замѣтили: сорвалось ведро съ аркана и упало въ глубокій колодезь. Жалко стало новаго ведра старому Ходжѣ - Султану; привязалъ онъ къ аркану малайку-погонщика и опустилъ въ колодезь. Только плохо должно быть привязалъ: развязался узелъ, и упалъ малай въ воду и какъ камень пошелъ ко дну. Долго мы всѣ кричали ему, нагнувшись надъ колодцемъ, но видно кысметъ (судьба) сказала свое слово—не показался больше бача изъ воды. Пробовали за нимъ лазить—только нельзя было: нехорошій воздухъ внизу память и умъ отшибалъ.

Вновь помолились Аллаху и пошли дальше, рѣшивъ сказать въ Каршахъ о несчастіи—пошлетъ тогда бекъ мастеровъ—кудукчи вычистить колодезь, а съ насъ возьметъ штрафъ за безпокойство.

Невдалекѣ отъ колодца киркинчакъ - верблюдъ палъ и только успѣли мы перевьючить вьюки, разложивъ вьюкъ съ павшаго на другихъ, какъ палъ и второй верблюдъ.

Задумался Султанъ-Ходжи: видитъ, не хорошее дѣло выходитъ. Долго сидѣлъ, потомъ и говоритъ: есть на мнѣ большой грѣхъ — давно лежитъ на моей душѣ, какъ тяжелый камень. Плохо будетъ...

Пошли дальше и на ночь стали у колодца. Какъ долго

молился въ этотъ вечеръ караванъ-баши, сердцемъ должно быть чуя, что это его послѣдняя на этомъ свѣтѣ молитва.

Смежилъ сонъ глаза всѣхъ, я спалъ за бугромъ немного въ сторонѣ. Налетѣли ночью барантачи [1]), какъ снѣгъ на голову. Долго боролся старый Ходжа-Султанъ за свое богатство, что носилъ всегда въ сумкѣ на шеѣ. Да ничего сдѣлать не могъ.

Трудно было снимать барантачамъ сумку черезъ голову Султана; чтобы облегчить работу, отрѣзали они голову прочь, а ремень самъ тогда соскочилъ.

Поставили они голову на большой камень, и долго она смотрѣла своими мертвыми очами на пустыню, вспоминая свой тяжелый давнишній грѣхъ.

А я, тюра, потомъ съ остальными людьми пошелъ къ Каршинскому беку и разсказалъ ему все, какъ было...

Узналъ отъ насъ бекъ, что мы нехорошій караванъ съ утра видѣли, взялъ себѣ весь товаръ, что остался, а насъ посадилъ въ тюрьму, въ колодки, и потомъ выпустилъ. Искать никого не сталъ: никто, говоритъ, не виноватъ. Несчастье случилось — а вы идите и не болтайте. Мы такъ и сдѣлали. Думалось тогда мнѣ, похожъ главный барантачъ на есаула Каршинскаго бека, но потомъ вижу самъ, что ошибся: только несчастье случилось, а есаулъ ни при чемъ.

Огромныя развалины крѣпости Ходжа-Джамбазъ мрачно темнѣли, освѣщенныя лучами заходящаго солнца.

Старое разбойничье гнѣздо какого-то туркменскаго хана вырисовывалось все яснѣе передъ нашими глазами. Высокія глинобитныя стѣны, съ осыпавшимися размытыми дождями зубцами окружали холмъ, весь совершенно заросшій непроходимымъ высокимъ бурьяномъ. Ящерицы, быстро извиваясь по песку, скользили почти у ногъ лошадей.

— Здѣсь хочешь становиться на ночь, тюра? — спросилъ мирза-баши, подъѣзжая къ намъ и какъ-то особенно пытливо всматриваясь въ глаза.

— Здѣсь мѣсто интересное, посмотрѣть хотимъ; прикажи разводить огонь и корму дать лошадямъ.

---

[1]) Барантачи—разбойники.

Какъ будто нехотя, мирза-баши отъѣхалъ отъ меня и, перебросившись нѣсколькими словами съ нукерами, слѣзъ съ лошади.

Черезъ четверть часа на разгорѣвшемся огнѣ костра уже бурлилъ котелокъ съ поставленнымъ вариться пловомъ. Черный закопченный чайникъ съ налитою въ него водою для кипяченія стоялъ тутъ же на угольяхъ, и скоро подбрасываемая паромъ его крышка весело застучала, указывая на кипѣніе.

Заря между тѣмъ догорала, и наступила темная ночь, вмѣстѣ съ которой какъ будто по одному общему сигналу съ разныхъ сторонъ понеслись звуки ночного концерта. Дружно заплакали шакалы, жалуясь на свою судьбу, и, подойдя почти непосредственно къ становищу, съ переливами затянули свой плачъ, то повышая, то понижая голоса, которымъ порою акомпанировалъ вой гіенъ. Врываясь диссонансомъ въ эти звуки, со стороны холмовъ слышалось рѣзкое мяуканіе барса. Хлопая крыльями какъ въ ладоши и хохоча скрипучимъ, дѣйствующимъ на нервы хохотомъ, въ развалинахъ перекликались филины съ протяжно стонущей совою.

— Фу, проклятая, какъ заливается, будто изъ нея жилы тянутъ,—разсердился полковникъ.

— Эдакъ они подлыя и заснуть не дадутъ, чтобъ ихъ дьяволъ забралъ.

Старикъ текинецъ тревожно оглянулся и съ испугомъ въ голосѣ заговорилъ.

— Оставь, тюра, нехорошо въ такомъ мѣстѣ иблиса[1]) вспоминать. Очень не хорошее мѣсто, и сны здѣсь будутъ неспокойные.

— Зачѣмъ болтаешь языкомъ, старикъ!—разсердился полковникъ.

— Всегда такъ, только сами себя пугаете, своими разсказами.

— Нѣтъ, тюра, я говорю правду, мѣсто это больно нехорошее. Мнѣ мой дѣдъ—а онъ, тюра, началъ жить сто лѣтъ тому назадъ — все разсказывалъ, а когда я маленькимъ былъ, такъ отъ людей самъ слышалъ.

---

¹) Иблисъ—дьяволъ.

Царствовалъ въ то время въ Бухарѣ эмиръ Насрула-Ханъ, да успокоитъ Аллахъ его мятежную душу. Любилъ онъ пріѣзжать въ Карши на долгое время отдохнуть и охотою заняться, на время забывъ о всѣхъ большихъ дѣлахъ. Любилъ онъ посмотрѣть и на темныя быстрыя воды нашей красавицы Аму. Навѣвалъ шелестъ ея камышей глубокій сонъ, и набирался новыхъ силъ эмиръ, вдыхая чистый воздухъ пустынь и совершая омовеніе утренними росами.

Крѣпкую калу построили давно здѣсь для защиты переправы на рѣкѣ. Высокія стѣны поднимались на холмѣ. Еще выше были круглыя башни, съ которыхъ смотрѣли часовые за тѣмъ берегомъ. Глубокіе колодцы и хаузы [1]) устроены были въ серединѣ крѣпости и свѣтлая вода родниковъ вливалась въ нихъ, давая возможность солнечнымъ лучамъ проникать до самаго ихъ дна. Вмѣстѣ съ водою приплыли красивыя рыбы и поселились въ хаузахъ, гдѣ ихъ кормили, любуясь на ихъ игры при солнечныхъ лучахъ. Смотрѣлись въ ихъ свѣтлыя воды, видя свое отраженіе, и красавицы-жены и дочери эмира, хановъ и простыхъ людей.

Но не могъ довольствоваться кровожадный Насрула-Ханъ такимъ удовольствіемъ и искалъ онъ другой забавы, слишкомъ любилъ онъ казни и кровь людей.

Привезли ему однажды сюда нѣсколькихъ знатныхъ хановъ, что противились его волѣ и, сговорившись, думали провозгласить эмиромъ одного изъ его племянниковъ. Разсердился Насрула-Ханъ, лютымъ мукамъ приказалъ онъ подвергнуть непокорныхъ. Жгли ихъ огнемъ, вырѣзывали ремни изъ спинъ, снимали съ живыхъ кожу, но все находилъ малымъ эмиръ.

Поймалъ въ это время рыбакъ огромныхъ рыбъ въ Аму— сомами ихъ называютъ. Больше сажени каждая въ длину была; хотѣлъ порадовать ихъ видомъ сердце повелителя и привезъ ихъ въ подарокъ. Страшно обрадовался Насрула-Ханъ, приказалъ онъ пустить этихъ рыбъ въ глубокіе хаузы и, сидя на

---

[1]) Хаузы—пруды.

ихъ берегу, долго смотрѣлъ, какъ огромныя хищныя рыбы, плескаясь и рѣзвясь, гонялись за небольшими сазанами, жившими въ хаузахъ, и пожирали ихъ. Нехорошая грѣховная созрѣла тогда мысль въ головѣ эмира. Подсказалъ ему ее иблисъ, и сейчасъ же позвалъ эмиръ людей, приказавъ привести всѣхъ еще оставшихся въ живыхъ ослушниковъ. Самаго почтеннаго, знатнаго хана столкнули люди въ хаузъ, и разомъ кинулись на него со всѣхъ сторонъ страшныя рыбы. Долго отбивался онъ отъ нихъ, но не могъ справиться, и утащили рыбы его на дно, гдѣ стали пожирать бѣлое человѣческое тѣло на глазахъ у эмира и всѣхъ людей.

Каждый день потомъ кормили такимъ образомъ злыхъ рыбъ, давая имъ по одному человѣку ежедневно. Съ веселымъ смѣхомъ смотрѣлъ эмиръ на мученія своихъ враговъ, а потомъ приказалъ мѣстному беку смотрѣть за рыбами и каждый разъ, какъ пріѣзжалъ онъ сюда на охоты, привозилъ съ собою провинившихся и кормилъ ими сомовъ, прославляя Аллаха, что онъ сотворилъ такихъ прекрасныхъ палачей, прекращающихъ не только жизнь преступниковъ, но и уничтожающихъ ихъ грѣховное тѣло. Но большой грѣхъ сдѣлалъ эмиръ, лишивъ души казненныхъ ихъ земной оболочки, безъ которой они не могутъ ожить въ день Страшнаго суда.

Разрушились давно стѣны крѣпости, осыпались ея высокія башни, иломъ занесло глубокіе колодцы и издохли злыя рыбы, и все, какъ видятъ тюры, поросло бурьяномъ и задичало. Нѣтъ уже почти слѣдовъ прежней жизни—все исчезло, но души казненныхъ, не имѣя покоя, носятся надъ развалинами и пустынными берегами Аму, тщетно отыскивая свои тѣла.

Нехорошо, тюра, здѣсь ночью ѣхать одному, нехорошо и на ночлегъ становиться на такомъ плохомъ мѣстѣ; я три лишнихъ молитвы при вечернемъ намазѣ прочиталъ, но не спокойна душа — непремѣнно насъ впереди ожидаетъ или неудача или несчастье, да пронесетъ его мимо моей сѣдой головы Аллахъ Милостивый, Милосердный.

И старикъ, перейдя въ шепотъ, быстро зашепталъ какую-то молитву, окончивъ которую, снова заговорилъ:

— Не могла мятежная душа эмира Насрула-Хана довольствоваться видомъ мирныхъ потѣхъ, которыя радуютъ взоръ каждаго смертнаго. Всегда лишь людскія муки вызывали улыбку удовольствія на его пасмурномъ, какъ поздняя осень, лицѣ. И въ пасмурные осенніе дни, когда на душѣ у каждаго человѣка мрачно, на душѣ эмира наступала темная ночь.

Запершись въ свои покои и сидя на драгоцѣнныхъ коврахъ, приказывалъ онъ привести кого-либо изъ своихъ враговъ. На горящій мангалъ ставилась большая желѣзная сковорода и долгимъ дѣйствіемъ огня нагрѣвалась она до-бѣла. Тогда ставили передъ нею того человѣка на колѣни и быстрымъ ударомъ сабли отдѣлялъ кто-либо изъ приближенныхъ голову отъ бреннаго туловища и, подхвативъ ее, ставилъ на горячую сковороду.

Плясала тогда голова пляску смерти, страшно вращая глазами, и съ ужасомъ смотрѣли всѣ на эту забаву,—всѣ, кромѣ эмира, услаждавшаго свою душу такою пляскою.

Цѣлыя ночи потомъ представлялась голова тѣмъ, кто ее видѣлъ, и не знали такіе люди покоя, а сонъ эмира послѣ жестокой казни врага былъ тихъ и спокоенъ, какъ сонъ ребенка. На томъ же драгоцѣнномъ коврѣ, залитомъ кровью, спокойно отдыхалъ владыка Бухары, забывъ на время свои тревоги.

Много, ахъ много, и здѣсь и во всей Бухарѣ было пролито слезъ эмиромъ Насрула-Ханомъ.

Лютое сердце Джуль-Барса вложилъ въ его тѣло при рожденіи Аллахъ, кровожадныя мысли гіены гнѣздились въ его головѣ, но какъ трусливый шакалъ, боялся онъ каждаго, кто былъ сильнѣе его.

И потоками проливалась кровь всѣхъ, кто только волею судьбы подходилъ близко къ его жизни. Почти четыре десятилѣтія стонала бухарская земля, пока не рѣшилъ Аллахъ, что настала пора прервать нить его жизни. Нѣсколько разъ порывались люди возстать противъ него, но много было сарбазовъ и нукеровъ у Насрула-Хана. Посылалъ онъ войска, и лютымъ мукамъ предавали они по приказу эмира ослушниковъ его воли.

Лишь одинъ Шахризябскій бекъ Валинаамъ-Ханъ долго боролся съ эмиромъ, не давая ему обижать свой шахризябскій народъ.

Много людей собралось въ Шахризябсъ, и огромное войско повелъ Валинаамъ-Ханъ противъ эмира. Еще больше собралъ Насрула-Ханъ сарбазовъ, и долгіе годы шла эта братоубійственная война, но ничего не могли сдѣлать войска эмира, и стойко защищали шахризябцы свою землю. Нечеловѣческимъ мукамъ подвергалъ эмиръ Насрула-Ханъ попадавшихся въ его руки плѣнныхъ враговъ.

Но наконецъ его часъ наступилъ, и почти одновременно прибылъ гонецъ, сообщившій радостную вѣсть, что Шахризябсъ взятъ приступомъ, а Шахризябскій бекъ сдался въ плѣнъ.

Уже много лѣтъ тому назадъ успѣлъ эмиръ Насрула-Ханъ породниться со своимъ врагомъ Саидъ-Валинаамомъ-Ханомъ, женившись на его сестрѣ и имѣя отъ нея трехъ человѣкъ дѣтей. Но не умягчили узы родства жестокое сердце эмира. Костенѣющимъ языкомъ приказалъ онъ подвергнуть своего шурина и всю его семью лютой казни. Но мало этого было ему, не могли его глаза насытиться видомъ пролитой крови, которой жаждала его душа всю жизнь, приказалъ онъ тогда привести свою жену—сестру Валинаамъ-Хана—мать своихъ дѣтей.

И передъ его глазами, у самаго его изголовья отрубилъ палачъ голову несчастной женщинѣ и, смотря па кровь сестры своего врага, отлетѣла душа эмира Насрула-Хана, вынутая Азраиломъ изъ его бреннаго тѣла.

Темная осенняя ночь уже наступила. Вѣтеръ, шелестя камышами, проносился надъ рѣкою и, ворвавшись въ развалины, съ глухимъ воемъ уносился далѣе въ пустыню, будто жалуясь на судьбу несчастныхъ, тысячами безполезно погибшихъ человѣческихъ жизней.

Костеръ, раздуваемый вѣтромъ, разбрасывалъ вокругъ искры, сверкавшія въ темнотѣ.

Укрывшись бурками, мы лежали, но сонъ куда-то бѣжалъ далеко и до самаго утра какая-то тяжелая дремота, не давъ возможности отдохнуть, утомила до крайности цѣлымъ рядомъ

картинъ былой жизни, съ поразительной ясностью встававшихъ передъ глазами.

На востокѣ наконецъ показалась розоватая полоска свѣта, предвѣстница зари...

VII.

Весь берегъ Аму-Дарьи съ правой стороны, за исключеніемъ нѣсколькихъ кишлаковъ, мало заселенъ и лишь лѣвый берегъ покрытъ почти сплошнымъ рядомъ населенныхъ пунктовъ съ многочисленными переправами черезъ рѣку, защищавшимися прежде сильными крѣпостями, отъ которыхъ въ настоящее время остались лишь развалины.

Берега рѣки въ низкихъ мѣстахъ и острова покрыты густыми зарослями камышей, представляющими привольное мѣсто для жизни водяной птицы, покрывающей всѣ отмели. Еще сравнительно недавно вездѣ въ этихъ мѣстахъ встрѣчались въ большомъ количествѣ тигры, но постоянныя охоты стрѣлковыхъ батальоновъ, расположенныхъ въ Чарджуѣ и Керкахъ, заставили тигровъ уйти выше Термеза; здѣсь по Вахшу и Пянджу, въ трудно проходимыхъ заросляхъ тугаевъ, нашли они себѣ новыя мѣста, особенно безопасныя для нихъ по афганскому берегу Пянджа, гдѣ за тиграми никто не охотится.

Широкая полоса камышей по берегу Аму-Дарьи желтою рамкою окружала воды рѣки.

Порывистый вѣтеръ шелестѣлъ камышами, пролетая по ихъ верхушкамъ, поднимавшимся выше роста всадника.

Около кишлака Мукры навстрѣчу намъ показалась многочисленная группа всадниковъ-туркменовъ, вооруженныхъ длинными палками. Сбоку, впереди и сзади бѣжала масса собакъ различнаго вида, съ ожесточеніемъ бросившихся на насъ и огласившихъ окрестности долго не смолкавшимъ злобнымъ лаемъ.

— Куда это они собрались, не знаешь ли, мирза?—заинтересовался я, видя эту оригинальную группу, такъ и просившуюся на картину.

— Это они охотиться идутъ. Если тюра не хочетъ торопиться, то можно посмотрѣть...

Нѣсколько всадниковъ между тѣмъ проскакали мимо насъ, исчезнувъ въ гущѣ камышей, въ то время какъ остальные, раскинувшись длинною цѣпью, стали на ровномъ незаросшемъ мѣстѣ.

Собаки, прекратившія свой безплодный лай, расположились невдалекѣ за своими хозяевами.

Густые столбы дыма поднялись цѣлымъ рядомъ за нѣсколько десятковъ саженъ отъ насъ, и яркій огонь, раздуваемый вѣтромъ, превратившись въ стѣну пламени, быстро побѣжалъ, приближаясь къ намъ. Снопы искръ и обуглившіеся мелкіе стебельки травъ, подхваченные порывомъ вѣтра, завертѣлись въ воздухѣ, пролетая надъ нами и, покрывая берегъ и рѣку, уносились водою. Трескъ горящаго камыша порою превращался въ страшное хлопаніе, напоминавшее собою звукъ выстрѣловъ.

Съ громкимъ крикомъ, крайне похожимъ на кудахтаніе домашнихъ куръ, начали подниматься изъ камышей красные фазаны и сѣроватыя фазанки. Перелетѣвъ нѣсколько саженъ, они вновь садились, стараясь спрятаться въ заросляхъ, но трескъ горѣвшаго камыша и густой дымъ, поднимавшійся среди него, вновь заставлялъ ихъ взлетать на воздухъ. Собаки давно уже насторожились и внимательно вмѣстѣ съ людьми наблюдали красивую картину пожарища. Рѣзко хлопая крыльями и отчаянно крича, поднялся невдалекѣ отъ охотниковъ красивый фазанъ-самецъ; порывъ вѣтра помогалъ тяжелой птицѣ держаться на воздухѣ, въ недалекомъ отъ земли разстояніи. Крайній въ цѣпи туркменъ, уже давно слѣдившій за птицею радостно блестѣвшими глазами, быстро собравъ своего коня, вынесся широкимъ галопомъ по направленію ея полета, двѣ-три собаки кинулись за нимъ слѣдомъ. Пролетѣвъ нѣсколько десятковъ шаговъ, фазанъ грузно опустился на землю и, быстро сѣменя ногами и вытянувъ свой хвостъ, побѣжалъ по равнинѣ, а затѣмъ, чувствуя приближеніе всадника и собакъ, со всею силою самосохраненія попытался вновь подняться на воздухъ, но, почти сейчасъ же обезсилѣвъ, опустился на землю; усталыя крылья уже волочились по землѣ. Еще минута—и, подскакавъ почти вплотную, туркменъ ударомъ своей длинной палки разомъ по-

ложилъ птицу на мѣстѣ и, быстро соскочивъ на землю, нагайкою отогналъ набросившихся на убитую птицу собакъ.

Все чаще и чаще стали подниматься фазаны и выбѣгать маленькіе зайцы изъ камышей, и уже сразу и люди и собаки бросались ихъ преслѣдовать, нанося удары палками и затѣмъ отбивая свою добычу отъ голодныхъ собакъ, преслѣдовавшихъ раненыхъ и искавшихъ спасенія въ травѣ фазановъ. Скоро у всѣхъ охотниковъ на сѣдлахъ висѣли связки убитой птицы. Уставшіе, сильно взмыленные кони уже не такъ энергично слушались всадниковъ, и много птицы разрывалось собаками, съ ожесточеніемъ цѣлою сворою, вырывая другъ у друга, набрасывавшихся на раненую и обезсилѣвшую птицу.

Значительная площадь камышей уже выгорѣла и чернымъ пятномъ выдѣлялась среди окружающей равнины. Кое-гдѣ еще поднимался дымъ. Въ воздухѣ чувствовалась теплота пожарища. Спѣшившись и сидя на корточкахъ на землѣ, туркмены вели уже разговоръ, отдыхая и приготовляясь начать охоту на слѣдующемъ участкѣ.

Ознакомившись съ этимъ дикимъ способомъ охоты, мы двинулись далѣе, интересуясь нѣкоторыми деталями только что видѣнной картины и задавая вопросы мирзѣ-баши.

— Много, тюра, птицы такъ у насъ бьютъ. Почти всю осень такъ люди время проводятъ, пока не сожгутъ всѣхъ камышей у себя вокругъ. Въ это время каждый туркменъ ѣстъ пловъ съ фазанами, да и наши собаки лакомятся этимъ вкуснымъ мясомъ, только здѣсь становится этой птицы все меньше и меньше, а выше зато по Аму-Дарьѣ и на Пянджѣ очень еще много. Да и сама охота тамъ интереснѣе потому, что на островахъ и по берегамъ въ тугаяхъ тамъ много оленей водится. Когда я жилъ около Сарая, такъ каждую осень не менѣе десятка оленей своею шашкою рубилъ.

— Какою шашкою?—заинтересовался я, слыша о какомъ-то новомъ способѣ охоты.

— Да, тюра, тамъ такъ же, какъ и здѣсь, жгутъ камыши и убиваютъ фазановъ, но въ то время каждый старается, если выпадаетъ ему счастіе, убить и оленя.

Много, очень много тамъ въ чащахъ тугаевъ оленей. Выскочитъ олень на охотниковъ и, ища спасенія въ бѣгствѣ, какъ стрѣла несется онъ, стараясь скрыться въ камышахъ или же добраться до острововъ, кидаясь въ холодныя воды быстраго Пянджа. У каждаго изъ охотниковъ всегда есть шашка на боку. Съ нетерпѣніемъ ждутъ всѣ выхода оленя, и только успѣетъ показаться онъ, какъ люди и собаки всѣ сразу скачутъ за нимъ. Быстрѣе вѣтра несется олень, спасая свою жизнь, а за нимъ слѣдомъ летятъ туркмены и узбеки на своихъ скакунахъ. Овраги, рытвины, ямы перескакиваютъ кони, идя будто по ровной землѣ. Сердце бьется, духъ замираетъ и хочется каждому быть первымъ передъ другими; не жалѣютъ нагаекъ охотники, скачутъ они какъ безумные, идя слѣдомъ за легкимъ оленемъ, огромными прыжками уходящимъ все дальше и дальше. Начнетъ немного уставать олень или же кто изъ охотниковъ удачно выскочитъ ему наперерѣзъ — прибавятъ ходу кони и, налетѣвъ вплотную, рубитъ первый наѣздникъ голову, отдѣляя ее отъ тонкой шеи. Падаетъ олень на землю, окрашивая ее своею кровью. И весело становится на душѣ у всякаго, кому сопутствуетъ въ охотѣ удача.

Покончивъ съ однимъ оленемъ, ожидаютъ другого, а иногда разомъ выскакиваютъ изъ тугая сразу нѣсколько штукъ и тогда уже всѣ, сколько есть охотниковъ, несутся за ними во всю силу своихъ коней.

Ахъ, тюра, я уже почти старикъ, но у меня даже теперь, когда я вспомню эту охоту, кровь переливается быстрѣе въ жилахъ, ну а у молодыхъ и говорить нечего; готовы они цѣлые дни носиться по тугаямъ до полнаго изнеможенія своихъ коней. Я не могу сказать, тюра, что лучше—байга или же охота.

Блестѣвшіе глаза старика сразу придали ему видъ молодого, и невольно сдѣлалось понятнымъ то увлеченіе, съ которымъ относятся туркмены къ охотѣ на звѣря, оленя, фазановъ.

Сокола и ястреба для охоты стоятъ большихъ денегъ, а почти голыя ширококостныя борзыя собаки туркменской породы пользуются большимъ вниманіемъ мѣстнаго населенія, ухаживающаго за ними и признающаго ихъ имуществомъ большой

цѣнности, которымъ даже обмѣниваются въ случаѣ необходимости сдѣлать подарокъ.

VIII.

Кишлакъ Мукры, находящiйся невдалекѣ отъ Аму-Дарьи, выдѣлялся небольшой куртиною деревьевъ, стоявшихъ уже безъ листвы и поэтому имѣвшихъ какой-то особенно унылый видъ. Въ серединѣ кишлака все свободное пространство было занято толпою народа, собравшагося по случаю базарнаго дня.

Около глинобитныхъ помѣщенiй безъ крышъ, имѣвшихъ видъ стойлъ для лошадей, было особенно оживленно, такъ какъ въ нихъ расположились купцы съ мануфактурными товарами, разложенными прямо на землѣ, вмѣстѣ съ нитками стеклянныхъ бусъ, пачками чая и различными конфектами въ мѣшечкахъ и ящикахъ. Небольшiя головы сахара висѣли по стѣнамъ рядомъ съ пучками шнурковъ и лентъ. Дальше, вытянувшись длинною лентою, виднѣлись ряды мѣшковъ съ пшеницею, джунгарою и чечевицею.

Овцы и козы, понуро опустивъ головы, стояли тутъ-же, ожидая покупателя. Груды дынь, луку и чесноку распространяли далеко вокругъ свой одуряющiй ароматъ, который, явившись соединенiемъ различныхъ запаховъ, носился въ воздухѣ, затрудняя дыханiе. Поднимая массу пыли, тутъ же сновали всадники и проходили верблюды.

Звуки трубъ—карнаевъ смѣшивались съ пѣнiемъ грамофона, поставленнаго торговцемъ-армяниномъ для приманки покупателей.

Противъ лавокъ толпа особенно многочисленна, и среди нея слышатся порою смѣхъ и шутки.

— Что тамъ такое, мирза баши? — обращается съ вопросомъ полковникъ.

Всегда серьезный старикъ, внимательно посмотрѣвъ въ указанномъ направленiи, весело улыбнулся.

— Тамъ, тюра, судъ показываютъ, оттого народъ и смѣется.

— Какъ судъ показываютъ?—удивились мы, не понимая въ чемъ дѣло.

— А такъ, тюра, шутятъ. Такой веселый человѣкъ, что хорошо говорить можетъ, показываетъ какъ казій или бекъ судятъ. Какъ съ народомъ разговариваетъ. Ну а людямъ весело, потому что очень на настоящихъ казія и бека похоже.

— Понимаю — живая сатира на мѣстныя власти; это интересно. Надо подъѣхать ближе.

Съ большимъ трудомъ мы продвигаемся впередъ и останавливаемся передъ небольшою площадкою, среди которой, сидя на коврѣ, съ невѣроятно большой чалмой на головѣ важно сидѣлъ какой-то узбекъ, изображающій мѣстнаго казія, смиренно опустивъ глаза въ землю и перебирая важно четки. Вотъ передъ нимъ выростаютъ двое туркменъ и, почтительно отвѣсивъ кулдукъ, останавливаются въ ожиданіи; это тяжущіеся. Оба держатъ въ рукахъ мѣшки. Казій поднимаетъ глаза и, осмотрѣвъ внимательно обоихъ, начинаетъ допросъ. Нѣсколько секундъ оба, перебивая другъ друга, что-то быстро говорятъ. Наконецъ одинъ изъ тяжущихся протягиваетъ казію мѣшокъ съ чѣмъ-то. Казій съ изумительной быстротой схватываетъ мѣшокъ и прячетъ подъ полу своего халата. Затѣмъ, важно посмотрѣвъ на толпу и заглянувъ въ рядомъ лежащую съ нимъ книгу, признаетъ дарителя правымъ. Но другой туркменъ не согласенъ съ этимъ рѣшеніемъ. Онъ протягиваетъ казію такой же мѣшокъ и добавляетъ къ нему связанную курицу. Казій снова все быстро прячетъ подъ полы своего халата и, заглянувъ въ книгу, нѣкоторое время что-то бормочетъ себѣ подъ носъ, а за тѣмъ признаетъ правымъ второго, перваго же виноватымъ. Первый туркменъ не хочетъ покориться—онъ снимаетъ съ себя верхній халатъ и протягиваетъ казію. Тогда казій, принявъ подарокъ, снова справившись съ книгою, вновь признаетъ его правымъ, но почти сейчасъ же то же самое продѣлываетъ и другой туркменъ. И снова правъ послѣдній. Толпа, сопровождая каждое движеніе замѣчаніями, весело смѣется. Казій между тѣмъ, подобравъ подъ полы своего халата всѣ дары и увеличившись вдвое въ объемѣ, важно смотритъ на толпу и каждый разъ,

подыскавъ къ своему рѣшенію подходящее мѣсто изъ шаріата, сообщаетъ его хохочущей толпѣ, добавляя при этомъ излюбленныя мѣстнымъ казіемъ выраженія и копируя его жесты.

— Однако уваженіе къ представителямъ мѣстной юстиціи не велико,—высказалъ я, отъѣзжая отъ толпы.

Это правильно, такъ какъ все основано на взяткахъ. Кто больше дастъ, тотъ и правъ.

— Да, тюра, это такъ. Плохо народу въ Бухарѣ. И бекъ, и казій, и амлякдаръ, всѣ много берутъ. Еще хорошо, когда не очень голодные, а если очень голодные, такъ людямъ совсѣмъ жить становится трудно. Теперь въ Каршахъ бекъ не очень голодный—люди живутъ и Аллаха хвалятъ, а только все же больно много онъ съ народа собираетъ не по закону. Казій же здѣсь больно голодный и за себя и за бека беретъ; не то, что у русскихъ, тамъ, я знаю, въ Чарджуѣ судья—казій—ничего съ людей не беретъ, а всѣ дѣла по шаріату рѣшаетъ. Если правъ, правымъ и останется, а виновнаго накажетъ. Больно это хорошо. Всѣ русскіе имъ довольны.

Между тѣмъ съ лѣвой стороны давно уже показался высокій хребетъ горъ Кугитангъ-Тау, мрачно темнѣвшій на краю горизонта. Безлѣсныя горы съ причудливыми очертаніями понижались ближе къ Аму-Дарьѣ, переходя въ невысокіе холмы, подходившіе почти къ самой рѣкѣ.

Издали уже видны были два высокіе утеса, по одному съ каждой стороны Аму-Дарьи, на которыхъ когда-то стояли сильныя крѣпости, защищавшія переправу, видѣвшую въ далекое время отряды Великаго Македонца, позднѣе войска Надиръ-Шаха, а еще позднѣе небольшія шайки аламанщиковъ, переправляющихся съ лѣвой стороны съ цѣлью пограбить богатый Каршинскій край.

Степь въ этихъ мѣстахъ была пустынна и, за исключеніемъ различнаго вида колючекъ и солянокъ, ничто не скрашивало унылой картины. Почва мѣстами была солончаковая и осадки соли бѣлѣли какъ кусочки льда и снѣга. Кое-гдѣ виднѣлись остатки прежнихъ арыковъ, указывавшихъ, что здѣсь прежде также кипѣла жизнь, постепенно заглохшая.

Караванная дорога, протоптанная тысячами верблюдовъ и обозначенная длиннымъ рядомъ колодцевъ и саргдобъ, протянулась на востокъ по направленію къ городу Карши, до сихъ поръ имѣющему огромное торговое значеніе и являющемуся вторымъ торговымъ центромъ всего Бухарскаго ханства, насчитывая почти до ста тысячъ населенія.

Когда-то, въ бытность дипломатическимъ агентомъ въ Бухарѣ П. И. Лессара, былъ имъ разработанъ проектъ орошенія каршинской степи водами Аму-Дарьи, выведенными около Келифа, но, при всей выгодности его, проектъ не былъ осуществленъ, несмотря на сравнительно небольшія затраты.

Мы ѣхали тихо и, задавая вопросы мирзѣ-баши, знакомились съ жизнью населенія и отношеніями къ нему бухарской администраціи.

Старикъ, подвергавшійся очевидно въ теченіе всей своей долгой жизни крутымъ воздѣйствіямъ властей, разговорился и, не заставляя себя просить, выкладывалъ откровенно всю подноготную, порою лишь вздыхая и бросая подозрительные взгляды на ѣхавшихъ сзади нукеровъ, боясь доноса.

— Всѣ берутъ, тюра... Нѣтъ такого бека, который бы не обижалъ народъ; не даромъ люди въ Бухарѣ, не выдержавъ тяготы, подняли въ прошломъ году бунтъ противъ Верхняго Кушъ-Беги. Все оттого, что каждый бекъ недолго сидитъ на мѣстѣ, а потому, боясь опоздать, старается въ короткое время нажиться и наѣсться до полной сытости.

Только и боятся они урусовъ, какъ бы не узнали, какъ тяжело народу живется.

Разсѣкая воду и медленно двигаясь, вдали показался неясный абрисъ парохода, шедшаго внизъ по теченію. Бѣлый высокій его корпусъ поднимался надъ водою, а густые клубы дыма тянулись длинною полосою по краю горизонта, сливаясь съ облаками.

— Ишь бѣдный, никакъ не дойдетъ до мѣста,—сказалъ полковникъ, всматриваясь въ пароходъ.

— Съ ранняго утра вѣдь онъ уже былъ виденъ, а до сихъ поръ почти не подвинулся, на мели должно быть стоитъ.

Самый видъ парохода среди пустыни производилъ пріятное впечатлѣніе, служа нагляднымъ доказательствомъ стремленія къ культурному завоеванію края. Но постановка всего дѣла въ Аму-Дарьинской флотиліи невольно наводила на размышленія, вслѣдствіе многихъ неправильностей, существующихъ въ этомъ дѣлѣ.

— Въ Ходжа-Имамѣ остановимся у Илъ-Беги,—сообщилъ мирза.

— Давно его я знаю, хорошій человѣкъ и старый другъ онъ мнѣ, а ты самъ знаешь, полковникъ, что старый другъ всегда дороже, такъ у насъ говорятъ люди.

— Мнѣ все равно,—рѣшилъ полковникъ,—гдѣ ни остановимся, а если у хорошаго человѣка, такъ тѣмъ лучше.

— Только ужъ кстати, мирза, скажи намъ, почему это у васъ такъ часто говорятъ—старый другъ дороже, откуда это? вѣроятно на чемъ-нибудь да основана такая поговорка.

— Да, тюра, это такъ. Если прикажешь, я разскажу.

Это было очень давно, во времена славнаго эмира Тимурленга. Былъ въ то время у него Диванъ-Беги—старый и почтенный человѣкъ, пользовавшійся большимъ довѣріемъ эмира. Жилъ онъ, окруженный богатствомъ и почетомъ, со своею давно вмѣстѣ съ нимъ состарѣвшеюся женою. Но самъ знаешь, тюра, грѣхъ ходитъ вокругъ даже серебряныхъ волосъ и около глубокой старости. Надоѣло Диванъ-Беги смотрѣть на морщины своей старой жены, надоѣло видѣть ея тусклыя очи. Захотѣлось приласкать нѣжное тѣло молодой красавицы, заглянуть въ блестящія огнемъ глаза. И женился онъ вскорѣ, выбравъ себѣ изъ красавицъ красавицу, но сердце его новой жены оставалось къ нему холоднымъ, какъ ледъ, несмотря на его ласки, и только старуха его, вспоминая свои молодые годы, съ любовью смотрѣла на него и въ тусклыхъ глазахъ ея свѣтился огонь прежней любви. Такъ жили они втроемъ въ почести и довольствѣ.

Суровъ былъ эмиръ Тимурленгъ, сурово каралъ онъ ослушниковъ своей воли и, несмотря на это, все же провинился въ ослушаніи родъ, къ которому принадлежалъ Диванъ-Беги. Не

помогли его просьбы передъ эмиромъ, и покатились одна за другой подъ мечомъ палача головы ослушниковъ. Запечалился Диванъ-Беги. Стали къ нему пріѣзжать его родичи и вести тайные разговоры, о которыхъ никто кромѣ нихъ ничего не зналъ. Начали ходить тогда слухи въ народѣ, что есть у Диванъ-Беги на сердцѣ какая-то тайна. Узналъ объ этомъ эмиръ и потребовалъ къ себѣ Диванъ-Беги. Упалъ старикъ передъ эмиромъ на колѣни, но не повѣдалъ онъ ничего своему повелителю, сказавъ лишь, что одолѣваютъ его грустныя мысли о скорой смерти, которая появляется всегда у всѣхъ старыхъ людей на склонѣ жизни, и успокоилъ его эмиръ, подаривъ халатъ со своихъ плечъ, и вновь обласкалъ онъ старика, и всѣ повѣрили Диванъ-Беги, кромѣ молодой красавицы его жены. Какъ змѣя, обвилась она вокругъ старика, въ очи смотря, ласковыя слова говорила, огненными поцѣлуями растопила холодную старческую кровь.

И не выдержалъ Диванъ-Беги. Разсказалъ онъ про тайну своихъ родичей, рѣшившихъ отомстить эмиру за казнь своихъ близкихъ. Не могла красавица сохранить довѣренную ей тайну. Щебеча какъ птичка, разсказала она своимъ подругамъ, и отъ одной къ другой пошла гулять тайна до тѣхъ поръ, пока не достигла ушей эмира. Разгнѣвался Тимуръ - Ханъ и приказалъ, схвативъ Диванъ - Беги, заключить его въ темницу и уморить въ ней голодною смертью. Молодую же красавицу жену взялъ въ свой гаремъ и сталъ упиваться ея горячими ласками.

Въ глубинѣ сырой темницы, на холодныхъ каменныхъ плитахъ лежалъ еще недавно всесильный Диванъ-Беги. Голодъ томилъ его тѣло, а жажда все дѣлалась мучительнѣе и мучительнѣе, и оба они вмѣстѣ, и голодъ и жажда, доставляли ужасныя страданія.

Уже много разъ солнце поднималось надъ землею и смѣнялось въ своемъ шествіи надъ міромъ съ луною.

И свѣтлые лучи солнца, и холодные мягкіе лучи мѣсяца, проходя черезъ узкія рѣшетки маленькаго оконца въ толстыхъ стѣнахъ, ласкали его изможденное тѣло, и силы уже давно

оставили его, но слухъ, особенно развившійся благодаря тишинѣ, улавливалъ каждый шорохъ, долетавшій снаружи.

Внимательно вслушиваясь, различилъ онъ наконецъ жалобныя рыданія своей первой жены, и стало разомъ у него легко на душѣ—другъ, вѣрный другъ, съ которымъ онъ прожилъ всю свою долгую жизнь, былъ тутъ же рядомъ.

И онъ чувствовалъ, что его боль проникаетъ въ ея тѣло, вызывая ея сочувствіе.

Собравшись съ силами и уже видя помутнѣвшими взорами ангела Азраила, посланнаго Аллахомъ вынуть его душу изъ бреннаго тѣла и стоявшаго надъ нимъ, онъ радостно сказалъ:

„О, моя вѣрная, преданная жена.
Моя любовь, мое очарованіе.
Я умираю, былъ несправедливъ я къ тебѣ“.

Затѣмъ, послѣдній разъ вдохнувъ въ себя воздухъ, вытянулся и, какъ будто дѣлясь послѣднею своей мыслью съ Азраиломъ, добавилъ:

„Старый другъ дороже“.

И съ этими словами вытянулся и умеръ.

— Вотъ откуда, тюра, и пошла эта пословица.

Мѣстность между тѣмъ приняла холмистыя очертанія, переходя уже кое-гдѣ въ цѣпи холмовъ, служившія началомъ предгорій огромной возвышенности Кугитангъ-Тау, занимающей своими отрогами южную часть Бухарскаго ханства.

Полное отсутствіе древесной растительности придавало особенно унылый видъ всей окружающей мѣстности.

Постепенно поднимаясь на вершину холмовъ и спускаясь внизъ въ долины, мы добрались уже до Кугитангъ-Тау. Недостатокъ воды давалъ себя знать. Рѣдкіе колодцы, разбросанные въ далекомъ другъ отъ друга разстояніи, лежали въ котловинахъ или низинахъ.

Въ весеннее время всѣ эти горные склоны покрываются густыми травами, представляя прекрасныя пастбища, куда приходятъ съ своими стадами киргизы и узбеки изъ сѣверной части ханства. Обиліе воды въ это время, во всѣхъ горныхъ ручьяхъ, пересыхающихъ лѣтомъ, даетъ возможность устраивать

кочевки почти въ любомъ мѣстѣ, благодаря чему пустыня оживаетъ и наполняется массою кочевныхъ ауловъ, привольно располагающихся по склонамъ горъ и въ долинахъ, и разомъ всѣ окрестности оживаютъ: огромныя стада барановъ виднѣются во всѣхъ мѣстахъ, а горы покрываются кибитками, со снующими около нихъ людьми. По мѣрѣ приближенія лѣтнихъ жаровъ и высыханія горныхъ рѣчекъ и ручьевъ, стада перекочевываютъ все выше и выше, уходя къ ледникамъ Гиссарскаго хребта и въ Алайскую долину. И разомъ замираетъ здѣсь жизнь, а рѣдкіе колодцы съ прѣсною водою служатъ для движенія населенія Кугитангской долины при его сообщеніяхъ съ Керками и Гузаромъ.

Поднимаясь все выше и выше по склонамъ мягкаго очертанія, мы уже достигаемъ высотъ, съ которыхъ виднѣется огромная излучина Аму-Дарьи, выступающая изъ рамки камышей. За переваломъ Учъ-Мулла находится долина рѣки Кугитангъ-Дарьи, протекающей среди массивовъ Кугитангъ-Тау и являвшейся раньше притокомъ Аму-Дарьи, до которой въ настоящее время воды этой рѣки, разбираемыя на орошеніе полей, не доходятъ.

Вся долина рѣки Кугитангъ-Дарьи принадлежитъ къ числу населенныхъ мѣстъ Келифскаго бекства, и населеніе цѣлаго ряда кишлаковъ, устроивъ свои поля по теченію рѣки, пріобрѣло издавна славу своими садами съ большою древесною растительностью. Съ высоты перевала виднѣется почти вся долина, покрытая кишлаками не только по дну ея, но и на склонахъ горъ. Зеленыя площади клеверныхъ полей рѣзко выдѣляются среди сжатыхъ полей, уже давно пожелтѣвшихъ, но все же указывающихъ на величину площади обрабатываемой земли.

Закрытая со всѣхъ сторонъ долина является культурнымъ оазисомъ среди окружающей пустыни.

Изъ долины есть три главныхъ дороги: къ Келифу черезъ кишлакъ Якка-Пата на берегу Аму-Дарьи, въ Байсунъ или Ширабадъ черезъ перевалъ Ходжа-Аскаръ и Танга-Давальское ущелье на кишлакъ Хотакъ, и въ Гузаръ на сѣверо-западъ на

кишлаки Джабагиль и Тенги-Харамъ, перейдя отроги хребта Маликъ-Тау и перевалъ Акъ-Байкалъ-Ташъ.

IX.

Лишь къ вечеру спустившись въ долину, мы добрались до Ходжа-Ипака, лежащаго въ десяти верстахъ отъ кишлака Кугитанга, являющагося главнымъ населеннымъ пунктомъ всей долины и служащаго мѣстомъ жительства амлякдара.

Закрывая всю площадку, на которой едва хватало мѣста для нашихъ лошадей, поставленныхъ на приколахъ, большая узбекская кибитка стояла на возвышеніи, и въ нее гостепріимно были отворены двери, а огонекъ лампы привѣтливо освѣщалъ стѣны, давая возможность подняться на хорошій ночлегъ въ закрытомъ помѣщеніи.

Устроившись вокругъ ярко мигавшихъ и дававшихъ тепло углей мангала, мы принялись закусывать, накинувшись на огромное блюдо съ пловомъ, гостепріимно предложенное хозяиномъ.

Мягкія подушки и масса одѣялъ на полу сверхъ большого паласа давали возможность отлично отдохнуть.

Чернобородый узбекъ, мѣстный амлякдаръ, служившій раньше при постройкѣ Термезско-Самаркандскаго тракта и имѣвшій случай встрѣчаться съ русскими, съ особымъ вниманіемъ всматривался въ бутылку съ коньякомъ, вынутую полковникомъ изъ хурджума. Весело заблестѣли его глаза, когда, понимая это томленіе, полковникъ, наливъ большую рюмку золотистой влаги, предложилъ ему попробовать. Не жеманясь, опрокинулъ амлякдаръ рюмку и, облизавъ губы, сказалъ:

— Коніякъ у русски карашо. Пиво и водки тоже карашо и лимонадъ карашо. Манога Авліаръ-мирахуръ съ уруски знакомъ. Большой ашна [1]).

Коверкая русскія слова, амлякдаръ безсвязно сталъ разсказывать о своихъ знакомствахъ съ различными офицерами и

[1]) Ашна—пріятель.

чиновниками русской службы, съ которыми ему приходилось встрѣчаться въ бытность на постройкѣ дороги.

— А здѣсь давно уже мирахуръ [1]) амлякдаромъ? — прервалъ неинтересное для насъ его словоизверженіе полковникъ.

— Нѣтъ, тюра, всего второй годъ. Здѣсь очень скучно жить. Люди рѣдко пріѣзжаютъ. Базаръ маленькій и только иногда, когда бекъ требуетъ въ Келифъ, приходится ѣздить. До Гузара и Керки далеко, а въ Керки бекъ ѣздить не позволяетъ,— съ грустью добавилъ амлякдаръ, вздохнувъ при этомъ по соблазнительномъ для него русскомъ городѣ, въ которомъ можно найти такъ много всякаго рода удовольствій.

— Скажите, амлякдаръ, остальные люди ваши такъ же любятъ русскихъ, какъ вы?—спросилъ я, все время желая узнать настроеніе населенія.

Амлякдаръ сдѣлался серьезнымъ и, какъ будто взвѣшивая осторожно каждое слово, медленно заговорилъ.

— Правду сказать, полковникъ, не всѣ наши старики русскихъ любятъ. Молодые ничего. Муллы и ишаны всегда говорятъ, что прежде жить было гораздо лучше, пока урусы не пришли въ страну Эмира, гдѣ только мѣсто для однихъ правовѣрныхъ мусульманъ.

— Ты не обижайся, полковникъ, но они говорятъ, что Аллахъ не любитъ невѣрныхъ, а урусы всѣ невѣрные, которыхъ проклялъ самъ пророкъ. Когда бываютъ базары, такъ мадахи [2]) про все это много разсказываютъ, а наши люди всѣмъ дервишамъ и мадахамъ крѣпко вѣрятъ, потому что они святые и неправды не скажутъ.

Ходжа-Ипакъ извѣстенъ далеко за предѣлами долины Кугитангъ-Дарьи во всѣхъ сосѣднихъ бекствахъ своимъ цѣлебнымъ источникомъ, куда съѣзжаются весною массы больныхъ, желая получить облегченіе отъ различныхъ болѣзней.

Ущелье, въ которомъ протекаетъ ручей Кыршакъ, впадающій въ Кугитангъ-Дарью, но совершенно пересыхающій лѣ-

[1]) Мирахуръ—капитанъ.

[2]) Ишаны и мадахи—принадлежатъ къ духовному ордену нищенствующихъ монаховъ.

томъ, весьма красивъ. Темныя громады горъ, тѣсно сдвинувшись, образовали рядъ трещинъ—узкихъ ущелій, по которымъ стекаютъ воды со склоновъ во время таянія снѣговъ, и всѣ они, соединяясь вмѣстѣ, образуютъ широкое ущелье, служащее началомъ долины рѣки Кугитангъ-Дарьи. Одинъ другого выше поднимаются могучіе горные хребты и, уходя въ даль, соединяются съ главнымъ массивомъ Гиссарскаго хребта. Но на этомъ участкѣ горы Кугитангъ-Тау пустынны и безлѣсны. Лишь ранней весною, падая съ горъ, гремятъ здѣсь ручьи, но мало-по-малу солнце высушиваетъ влагу и настаетъ тишина. Кое-гдѣ разбросаны въ ущельяхъ немногіе колодцы, дающіе возможность стадамъ барановъ пастись на высотахъ до начала лѣта, когда приходится имъ уходить все выше и выше, поднимаясь къ ледникамъ Гиссарскаго хребта. Тогда всѣ окрестности Кыршака превращаются въ пустыню, въ которой жизнь замираетъ до глубокой осени.

Источникъ Ходжа-Ипакъ извѣстенъ очень давно и вѣра въ его цѣлебность у населенія постоянно укрѣпляется, благодаря постояннымъ случаямъ полученія облегченія отъ различнаго рода болѣзней.

— Вонъ очевидно могила самого святого Ходжи,—указалъ полковникъ на небольшое кладбище, находившееся на скалѣ горы и далеко виднѣвшееся цѣлымъ рядомъ бунчуковъ, выставленныхъ на могилахъ.

Рядомъ и непосредственно примыкая къ кладбищу, поставлено нѣсколько мазанокъ, около которыхъ замѣтно движеніе, а еще выше виднѣется небольшой кишлакъ, стоящій у прѣснаго родника въ видѣ едва замѣтнаго ручейка, спадающаго, весело журча, съ горы въ долину; на днѣ ея находилось небольшое озерцо, скорѣе широкій прудъ съ горячею сѣрною водою, шириною до десяти саженъ при глубинѣ до двухъ аршинъ. На днѣ озера бьетъ нѣсколько ключей, придающихъ водѣ видъ кипящей, а сбоку изъ толщи горы выбивается сѣрная вода, падающая въ глубокій водоемъ; надъ нимъ построена глинобитная постройка и оттуда вода при помощи желоба падаетъ затѣмъ въ нижнее озерцо. Тяжелый сѣрный запахъ чувствуется вокругъ, а берега озерца, покрытые налетомъ соли, мѣстами кажутся зеленоватыми.

Извиваясь змѣйкою, изъ озерца вытекаетъ небольшой ручеекъ, скатывающій свои воды внизъ по долинѣ.

— Много ли здѣсь бываетъ больныхъ?—спросилъ я амлякдара, ѣхавшаго рядомъ со мною.

— Очень много, тюра, цѣлое лѣто здѣсь пріѣзжаютъ люди изъ Каршинскаго, Гузарскаго и Келифскаго бекствъ. Есть здѣсь такіе старики, которые знаютъ какъ этою водою лѣчить. Въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ жилъ святой Ходжа,—указалъ онъ на постройку,—люди купаются.

Всѣ, на кого послана напасть въ видѣ болѣзней, здѣсь подолгу живутъ, купаясь до тѣхъ поръ, пока раны на тѣлѣ не заживутъ, и когда кожа становится чистою, теряя струпья, уѣзжаютъ домой, вознося молитвы Аллаху и славя источникъ.

— Не правда ли, какъ это странно,—обратился ко мнѣ полковникъ,—всего въ 180 верстахъ отъ Керковъ и Термеза, гдѣ расположены огромные русскіе войсковые гарнизоны, и вдобавокъ къ тому же въ 60 верстахъ отъ пароходной пристани, находятся сѣрные источники, которыми войска не пользуются, отправляя своихъ больныхъ за тысячи верстъ, въ Пятигорскъ, въ то время когда все это подъ бокомъ и требуетъ лишь самыхъ небольшихъ затратъ для устройства здѣсь хотя бы небольшой лѣчебницы съ ваннами и помѣщеніемъ для больныхъ. Вѣдь различныхъ сифилитиковъ, больныхъ экземами и всякаго рода накожными болѣзнями въ этихъ гарнизонахъ, а также въ Чарджуйскомъ, болѣе чѣмъ достаточно, и удивительно, что военно-санитарное вѣдомство до сихъ поръ не обратило вниманія и не использовало этой благодати, равно какъ и соленыхъ, іодистыхъ грязей у Ходжи-Муминъ на рѣкѣ Пянджѣ.

Верстахъ въ 3—4 тоже по долинѣ чернѣли развалины Рабата-Абдулла-Ханъ, служившаго въ далекое время опорнымъ пунктомъ для защиты проходившихъ каравановъ, шедшихъ изъ Гузара въ Келифъ. Остатки древней постройки указываютъ на ея большое значеніе. Обломками кирпичей и черепковъ усѣяна довольно большая площадь.

Постепенно долина расширялась и вдали показались густыя куртины зелени, подтверждавшія, что мы приближаемся

къ самому большому поселенію всего края—кишлаку Кугитангу, служащему и административнымъ центромъ.

Склоны горъ утратили свой пустынный характеръ и на нихъ уже замѣтна была также растительность, въ видѣ арчевыхъ зарослей, мѣстами казавшихся цѣлымъ лѣсомъ.

Солнце, спрятавшееся за тучами, разомъ выглянуло, какъ будто бы для того, чтобы освѣтить своими яркими лучами красивую картину долины и показать во всей красѣ широкое озеро, блеснувшее своей зеркальной водяной поверхностью передъ нашими глазами.

Кугитангъ-Дарья, прихотливо извиваясь по долинѣ, представляетъ собою небольшую горную рѣчку съ довольно быстрымъ теченіемъ, изъ которой выведена въ стороны цѣлая сѣть арыковъ, дающихъ жизнь всему, довольно многочисленному, населенію долины.

Огромные туты, айва, персиковыя деревья наполняли сады кишлака, чередуясь съ высокими тополями и талами, придававшими ему видъ малороссійской деревни.

Окруженные высокими дувалами, дальше открывались большіе виноградники, среди которыхъ мѣстами поднимались густые кусты гранатника и разнаго вида сливъ.

Прозрачная вода озера невольно привлекала къ себѣ вниманіе огромнымъ количествомъ рыбы, сновавшей цѣлыми стаями по всѣмъ направленіямъ и бойко игравшей на солнцѣ.

На склонахъ горъ виднѣлись кишлаки, окруженные тою же растительностью.

Отдохнувъ въ михманъ-ханѣ[1]) амлякдара и познакомившись съ нѣсколькими мѣстными почетными стариками-аксакалами, мы рѣшили сдѣлать дневку въ Кугитангѣ и цѣлый день до поздняго вечера ходили по окрестностямъ, знакомясь съ этимъ богатымъ краемъ и любуясь открывавшимися вокругъ красивыми пейзажами.

---

[2]) Михманъ-хана—комната для гостей.

X.

Когда то вся долина рѣки Кугитангъ-Дарьи составляла собою независимое владѣніе, управлявшееся особымъ бекомъ, но въ прошломъ столѣтіи, присоединенное къ Бухарскимъ владѣніямъ, оно вошло въ составъ Келифскаго бекства, образовавъ самое богатое въ немъ амлякдарство, снабжающее все бекство хлѣбомъ.

Отъ кишлака Кугитанга дорога лежала по дну долины мимо цѣлаго ряда кишлаковъ, расположенныхъ по теченію рѣки. По сторонамъ въ ущельяхъ и на склонахъ горъ все время также виднѣлись небольшіе кишлаки.

— Чудныя мѣста,—восторгался полковникъ, вглядываясь въ окрестности.

— И какая масса живетъ здѣсь народа. А вѣдь если проѣзжать по берегу Аму-Дарьи, то всѣ эти горы кажутся совершенно пустынными и нельзя даже повѣрить, чтобы въ нихъ кипѣла такая жизнь.

— Да, красивыя мѣста!

Дѣйствительно, Кугитангъ-Тау издали производитъ совершенно другое впечатлѣніе.

Дикъ и угрюмъ Кугитангъ-Тау. Какъ будто бы погрузившись въ дремоту, смотритъ онъ вдаль на песчаныя пустыни Кара-Кумовъ и на свѣтлую многоводную шаловливую красавицу Аму, протекающую по равнинѣ. Онъ помнитъ еще то далекое время, когда она была несравненно шире и полноводнѣе, а Кугитангъ-Дарья, образовавшись изъ тысячъ горныхъ ручейковъ, омывавшихъ его склоны, впадала въ Аму-Дарью.

Тысячелѣтія пережилъ Кугитангъ-Тау съ тѣхъ поръ, какъ огромное безбрежное море шумѣло у его подножья, омывая берега зеленовато-сѣдыми гребнями прибоя. Затѣмъ море, волна за волной, постепенно отходило къ сѣверу, оставляя послѣ себя огромную песчаную пустыню, также похожую на море, но желтаго цвѣта. Видитъ онъ постоянно караваны, направляющіеся изъ Афганистана въ Керки и дальше до самой далекой Хивы.

Порою вихри, поднявшись въ глубокихъ ущельяхъ Кугитангъ-Тау, съ дикимъ завываніемъ проносились по горнымъ долинамъ, вылетая на просторъ степей, гдѣ, закрутивъ массы пыли и песку, перебрасываютъ ихъ съ мѣста на мѣсто, наметая цѣлые холмы. Какъ будто сердится Кугитангъ-Тау, что не могутъ его сыновья, горные вихри, поплескаться и поиграть съ волнами давно ушедшаго моря.

Въ темныя зимнія ночи глухо рыдаютъ вѣтры въ горахъ, проносясь черезъ вершины. Цѣлые сугробы снѣга наметаютъ они въ долины, забрасывая всѣ кишлаки. Замираетъ тогда вся жизнь въ окрестностяхъ до появленія первыхъ ласковыхъ лучей горячаго солнца, быстро согрѣвающихъ старыя горы.

Подъ дѣйствіемъ волшебныхъ силъ солнца быстро просыпается Кугитангъ-Тау. Тысячи ручейковъ и рѣчекъ начинаютъ гремѣть въ его ущельяхъ, а склоны его покрываются изумруднымъ покрываломъ густой травяной растительности, и снова начинается жизнь во всѣхъ долинахъ и на склонахъ хребта.

За кишлакомъ Кара-Агачъ (черное дерево) виденъ многолюдный кишлакъ Базаръ-Тепе, расположенный около подножья развалинъ крѣпости Таупурсъ-Кала, являющійся вторымъ по значенію населеннымъ пунктомъ долины, благодаря довольно значительному базару, бывающему здѣсь каждую недѣлю.

Нѣсколько юркихъ армянъ сновали среди толпы, скупая все, что привозится населеніемъ, и обмѣнивая разнаго вида сырье на мануфактурные товары.

На базарѣ, несмотря на сравнительное многолюдство, было тихо, и лишь крикъ верблюдовъ да блеяніе барановъ нарушали эту тишину, служащую характерною особенностью туземныхъ базаровъ и указывающую на дисциплинированность бухарской толпы.

Отъ кишлака Каучикъ дорога становилась все менѣе живописною, въ особенности съ лѣвой стороны, гдѣ поднимались горы Маликъ-Тау, отличающіяся пустынностью. Совершенно безлѣсные, темные хребты наводили уныніе.

Кугитангъ-Дарья между тѣмъ почти уже исчезла, уйдя своими водами въ десятки арыковъ, выведенныхъ въ стороны, и лишь извилистое ложе рѣки, съ массою камней и гальки по-

серединѣ, указывало на мѣсто, гдѣ протекала рѣка, доходящая до Аму-Дарьи раннею весною, а затѣмъ разбираемая безъ остатка на орошеніе полей.

Кишлакъ Янги - Арыкъ—послѣдній большой населенный пунктъ въ долинѣ передъ выходомъ ея къ Аму-Дарьинскому побережью. Долина въ этомъ мѣстѣ значительно расширяется и въ юго-восточномъ направленіи соединяется съ другою долиною, по которой текутъ воды небольшого ручья, дающаго жизнь многочисленнымъ кишлакамъ; изъ нихъ, помимо большихъ кишлаковъ: Хатакъ, Биданъ-Ата, Гурджакъ, Зарабагъ, Шырд-жанъ, Башъ-Хурдъ, Рарзъ, Чарбагъ, Булакъ и Огузъ-Булакъ, на склонахъ горъ имѣется масса небольшихъ кишлаковъ.

Невдалекѣ отъ развѣтвленія долинъ находится кишлакъ Каллюкъ съ развалинами древней крѣпости, запиравшей входъ въ долину со стороны Аму-Дарьи и защищавшей этотъ богатый край отъ вторженія въ него аламанщиковъ съ лѣваго берега Аму-Дарьи.

Вдали снова уже начинаетъ виднѣться полоса Аму-Дарьи, окруженная рамкою камышей. Кое-гдѣ мелькаютъ огромныя бѣлыя пятна снѣга—это солончаки, покрывающіе собою значительныя пространства орошавшихся въ древности, но нынѣ заброшенныхъ и пустующихъ земель, имѣющихъ всѣ данныя съ проведеніемъ воды изъ Аму-Дарьи вновь превратиться въ культурныя земли, могущія дать жизнь тысячамъ населенія. Когда-то существовалъ проектъ орошенія этихъ плодородныхъ равнинъ, но отсутствіе средствъ не дало возможности его выполнить, а полная индиферентность бухарскаго правительства, не желающаго нести никакихъ расходовъ, и отсутствіе какихъ-либо настояній со стороны нашихъ дипломатическихъ представителей повело къ тому, что огромная плодородная по своей почвѣ равнина постепенно начала превращаться въ сплошные солончаки со скудною растительностью различнаго рода колючекъ и солянокъ.

Оставивъ позади себя горы, мы къ вечеру добрались до кишлака Карнаса, гдѣ въ обширномъ караванъ-сараѣ, наполненномъ массою всякаго люда тутъ же остановившагося кара-

вайа, устроились съ большими удобствами въ одномъ изъ боковыхъ помѣщеній.

На дворѣ при свѣтѣ костра были видны тюки съ товарами. Лежавшіе посреди двора верблюды медленно пережевывали свою жвачку. Погонщики устроились около костра и, сидя на кошмахъ и закрывшись халатами, коротали въ разговорахъ безконечную осеннюю ночь.

Сутуловатый, рябой киргизъ съ лицомъ, сильно попорченнымъ оспою, составляя собою центръ всей группы, что-то монотонно разсказывалъ. Выйдя подъ навѣсъ, я невольно прислушался.

— Давно, давно, въ то еще время, когда по пустынѣ Кизилъ-Кумъ ходили волны морскія и, гонимыя вѣтромъ, плескались у подножья горной страны, которая находилась на мѣстѣ Гиссарскихъ и Заравшанскихъ горъ, стояла столица славнаго Салима - Эмира. На востокъ, югъ и сѣверъ и даже за великимъ моремъ простиралось царство это, и всѣ подвластные ему шахи, султаны и эмиры были многочисленнѣе, чѣмъ звѣзды на небѣ, а простыхъ людей въ немъ было столько же, сколько песчинокъ въ пустынѣ Кара-Кумъ. Милосердный Аллахъ во всемъ помогалъ славному эмиру, за его святость и благочестіе далъ ему и утѣшеніе—красавицу дочь, которою любовались не только всѣ люди, но и птицы и животныя останавливались въ удивленіи, видя такую красоту. Далеко разносили перелетныя птицы славу объ эмирской дочери и долетѣло ихъ щебетаніе до слуха индійскаго султана, грознаго и могучаго владыки. Узналъ о красавицѣ и султанъ сѣвернаго царства, что находилось далеко за моремъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежатъ круглый почти годъ снѣга и земля скована ледянымъ покровомъ, а бѣлые густые туманы носятся надъ нею, закрывая собою яркое солнце. Хотя и въ холодной странѣ жилъ молодой султанъ сѣвера, но въ груди у него билось горячее сердце и затрепетало оно, услышавъ вѣсть о красавицѣ. Старъ былъ индійскій султанъ, уже давно охладѣла у него кровь, но при мысли о неземной красотѣ заиграла и забѣгала она у него въ жилахъ. И, будто сговорившись, въ одинъ день и часъ собрали

они свои войска и пошли на Эмира Салима. Много прошло времени, пока сѣверный султанъ обошелъ все море, а индійскій султанъ перешелъ черезъ высокія горы, но все же пришелъ часъ, когда подошли ихъ войска и остановились съ обѣихъ сторонъ султанской столицы.

Славно было царство Салима, много золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней лежало въ его дворцѣ, нѣтъ мѣста на свѣтѣ, куда бы не доходили его караваны съ товарами, но мало было у него войскъ и уже давно онъ ни съ кѣмъ не велъ войнъ, отдыхая на мягкихъ подушкахъ и лаская своихъ красавицъ гарема. Испугался онъ поэтому, что завоюютъ его царство враги, а самого его сдѣлаютъ плѣнникомъ. Но не испугалась его дочь-красавица. Было у нея сердце доброе, а умъ острый и проницательный. Знала она цѣну своей красотѣ и послала она посольство къ обоимъ султанамъ сѣверному и индійскому, приказавъ сказать, что выйдетъ замужъ изъ нихъ за того, кто кого одолѣетъ. Услышали эти слова оба султана и сейчасъ же приказали ударить въ литавры и выходить войскамъ на равнину.

Какъ темныя тучи, собрались оба войска и, гремя оружіемъ, устремились другъ на друга, поднимая клубы пыли. И долго бились войска; тысячи, десятки тысячъ падали убитыми, а взбѣшенные кони топтали тысячи же раненыхъ, попавшихъ подъ ихъ копыта. Три дня шелъ бой, и никто не одолѣлъ другъ друга.

Тогда рѣшили султаны отдаться на судъ Аллаха и бросить жребій, кому достанется красавица по волѣ Милосерднаго.

Вынули кости, встряхнули ихъ и бросили. Досталась красавица сѣверному султану. Обрадовался онъ несказанно. Стали рѣзать барановъ, верблюдовъ, пловъ и бузу для народа варить, къ свадьбѣ готовиться. Но завистливъ былъ старый индійскій султанъ. Не сдержалъ онъ своей клятвы и въ душную лѣтнюю ночь, когда султанъ сѣвера уже ласкалъ свою красавицу-жену, напалъ онъ на сонное войско и побилъ всѣхъ, а молодого султана взялъ въ рабство и завладѣлъ его женою и пошелъ черезъ здѣшнія горы Малекъ-Тау въ свое царство.

Не могъ видѣть Аллахъ такого вѣроломства и нарушенія клятвы. Приказалъ онъ Ангелу Джебраилу наказать клятвопреступника.

Грозенъ Джебраилъ и покоренъ волѣ Аллаха. Загрохоталъ громъ, засверкали молніи надъ Малекъ-Тау. Полетѣли огненныя стрѣлы съ неба на землю и уничтожили войска индійскія и сожгли ставку самого султана, а когда поднялась заря надъ землею, то солнце увидѣло въ живыхъ лишь красавицу-дочь эмира и слугъ ея, оставшихся невдалекѣ въ своихъ кибиткахъ. А среди слугъ былъ и новый рабъ — сѣверный султанъ, снова сдѣлавшійся мужемъ красавицы. И случилось это давно, но здѣсь въ этихъ горахъ и на мѣстѣ, гдѣ Аллахъ уничтожилъ войска индійскаго султана, остались отъ гнѣвныхъ стрѣлъ Джебраила куски сѣры, которые достаютъ теперь здѣшніе туркмены.

— А гдѣ же это здѣсь такое мѣсто? — задалъ я вопросъ вышедшему вмѣстѣ со мною хозяину караванъ-сарая.

— Есть, тюра, недалеко, много оттуда сѣры привозятъ и по всей Бухарѣ она отсюда идетъ. Только работать трудно. Старые люди говорятъ, что слово такое надо знать, чтобы много ея найти. А если не знаешь—за день работы ничего не найдешь: въ землю она глубже уходитъ и не показывается; мѣсто же называется Джалпанъ-Тепе, — здѣсь недалеко — два, три таша до него.

XI.

Берегъ Аму-Дарьи унылъ и пустыненъ.

Широко разливаясь и образуя цѣлую сѣть протоковъ, рѣка катитъ свои мутныя волны, преодолѣвая перекаты и мели, частью превращающіеся въ острова и поростающіе свѣжимъ камышемъ.

Солончаки встрѣчаются на каждомъ шагу, и лишь узкая полоса культурной земли около кишлака Акъ-Кума выдѣляется среди равнины небольшой куртиною деревьевъ. Далѣе берегъ до Бузганъ-Ата совершенно безлюденъ, и лишь стада барановъ, спустившись съ горы, бродятъ, находя себѣ пищу въ заросляхъ камышей по берегамъ Аму-Дарьи.

Сравнительно небольшая ширина рѣки дала возможность устроить здѣсь каючную переправу, съ туземнаго типа небольшимъ каюкомъ, на шестахъ передвигаемаго по мелководью и переплывающаго глубину, несясь по теченію и приставая поэтому на двѣ, три версты ниже, почти около кишлака Чаршамба, лежащаго на лѣвомъ берегу рѣки.

Перегруженный людьми и мѣшками съ хлѣбомъ каюкъ, поднимаясь и опускаясь на волнахъ, скрипитъ и стонетъ, какъ живой, внушая невольное опасеніе, что вотъ-вотъ онъ сломается и пойдетъ ко дну. Въ разошедшіеся швы между досокъ проходятъ фонтаны воды, выбивая тряпки и вату, которыми были заткнуты щели.

Нѣсколько человѣкъ туркменъ въ косматыхъ черныхъ шапкахъ, напрягая всѣ свои силы, упираются шестами въ илистое дно, и каюкъ медленно двигается впередъ, кренясь все время на сторону.

— Однако, вѣдь эдакъ и утонуть здѣсь легко, — не выдерживаю я, обращаясь къ полковнику.

— Да, это вѣрно, путешествіе небезопасное, но другого средства къ передвиженію черезъ рѣку нѣтъ, и волей-неволей поэтому приходится мириться и съ возможностью утонуть, и съ промоченными ногами, и со всякими неудобствами переѣзда въ этомъ Ноевомъ ковчегѣ, гдѣ, кромѣ насъ, достаточно всякихъ чистыхъ и нечистыхъ четвероногихъ пассажировъ. Случаи разумѣется всякіе бываютъ, но здѣсь они никакого впечатлѣнія ни на кого не производятъ, а мѣстная бухарская администрація относится къ нимъ съ изумительнымъ равнодушіемъ.

Когда однажды нѣсколько лѣтъ тому назадъ невдалекѣ отъ Керковъ утонулъ большой каюкъ, слишкомъ перегруженный и имѣвшій до 300 человѣкъ пассажировъ, то нижніе чины охотничьихъ командъ тотчасъ же выѣхали на лодкахъ ниже по теченію и кого могли спасли. Начальникъ гарнизона, кажется генералъ М., желая имѣть свѣдѣнія о количествѣ утонувшихъ и спасенныхъ въ виду необходимости описать несчастный случай при представленіи къ наградамъ за спасеніе погибавшихъ, обратившійся къ Керкинскому беку съ просьбой сообщить, сколько

погибло и сколько спаслось людей и вслѣдствіе какихъ причинъ произошло несчастіе, получилъ въ скоромъ времени очень характерный отвѣтъ.

„Несчастіе произошло по волѣ Аллаха и спаслось столько людей, сколько хотѣлъ Аллахъ, а погибло же много по волѣ Аллаха, но пусть этотъ случай не безпокоитъ генерала, такъ какъ у Эмира народъ не считанный и нѣсколько людей больше или меньше въ ханствѣ никакого значенія для него не имѣютъ“.

На томъ переписка и закончилась, а бумага характеризуетъ полное безразличіе въ отношеніяхъ къ людямъ—подданнымъ Бухары Благородной, существующей какъ укоръ намъ въ границахъ Россіи, на допотопныхъ какихъ-то основаніяхъ. Прямо не могу простить нашей дипломатіи допущенной ею ошибки, благодаря которой Бухара превратилась въ самостоятельное государство.

Приставъ къ берегу и перейдя пѣшкомъ черезъ мелководный рукавъ рѣки, измокнувъ, испачкавшись основательно, мы наконецъ добрались до противуположеннаго берега и въ кишлакѣ Чаршамбѣ устроились въ саклѣ у аксакала обсушиваться и обогрѣваться.

Высокія глинобитныя двухэтажныя, четырехугольныя зданія, разбросанныя по всему кишлаку, невольно привлекали мое вниманіе.

— Что это такое, Павелъ Ивановичъ,—спросилъ я всезнающаго въ этой странѣ полковника.

— Это? Это мѣсто, гдѣ ткутъ ковры. Вѣдь въ настоящее время мы вступили въ ковровую мѣстность. Здѣсь все населеніе, живущее по лѣвому берегу Аму-Дарьи, занимается выдѣлкою ковровъ въ очень широкихъ размѣрахъ.

Причиною, что въ этихъ мѣстахъ создалось кустарное ковровое производство, является главнымъ образомъ жизнь населенія всей этой полосы почти до самыхъ хивинскихъ владѣній въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ пустынею Кара-Кумъ, которая весною и осенью является отличнымъ пастбищемъ, для безчисленныхъ стадъ барановъ, на лѣтнее время угоняемыхъ въ горы, на югъ и на востокъ.

Туркмены — исконные овцеводы и они, переселившись на побережье Аму-Дарьи, принесли съ собою познанія въ выдѣлкѣ ковровъ; собирая массу шерсти, они передѣлываютъ ее на ковры, которые затѣмъ скупаются особыми скупщиками армянами и поступаютъ на рынки, откуда въ большомъ количествѣ вывозятся во Францію, Турцію и Америку, гдѣ красивые, чудной работы ковры этого раіона находятъ массу покупателей и продаются по дорогой цѣнѣ.

Нельзя также не сказать, что прилегающія къ нашей границѣ афганскія провинціи Адхой, Маймене, Шабирганъ и Гератъ, составляющія собою Афганскій Туркестанъ и носящія названіе Узбекистана, т. е. страны узбековъ, въ значительной своей части тоже населена туркменами и узбеками, которые, благодаря огромному количеству овецъ и верблюдовъ и обилію шерсти, также занимаются выдѣлкою ковровъ хотя и нѣсколько иного достоинства, но также имѣющихъ значительный спросъ на нашихъ рынкахъ.

Всѣ здѣшніе ковры по своимъ рисункамъ и выработкѣ раздѣляются на сорта, нося названія отъ имени родовъ туркменскаго племени, живущихъ въ кишлакахъ, изъ которыхъ главный носитъ названіе рода; поэтому ковры называются: вырабатываемые въ Кизилъ-Аякѣ, — кизилъ-аякскими — это лучшіе по рисунку и работѣ и на нихъ имѣло вліяніе текинское племя; затѣмъ идутъ ковры чакирскіе (кишлакъ Чакиръ), баширскіе (кишлакъ Баширъ); всѣ эти ковры при очень красномъ фонѣ имѣютъ черныя или бѣлыя арабески; чаршангоускіе (Чаршангоу); жители послѣдняго, нынѣ позаимствовавъ персидскій рисунокъ, примѣнили его къ своимъ коврамъ, и получились персидскіе ковры мѣстной выдѣлки, по плотности и стрижкѣ стоящіе несравненно выше персидскихъ.

Около Керковъ, а также по всему побережью правой стороны выдѣлываются ковры, называемые общимъ именемъ бухарскими. Всѣ эти ковры при ярко-красномъ фонѣ имѣютъ арабески преимущественно желтаго или желтаго въ соединеніи съ бѣлымъ цвѣтомъ. Качество ихъ несравненно ниже вышеперечисленныхъ сортовъ.

Афганцы выдѣлываютъ свои ковры преимущественно изъ немытой, но прямо окрашенной шерсти, въ силу чего они хуже по достоинству и кромѣ того значительно ниже по выработкѣ. Прежде шерсть для всѣхъ вообще ковровъ окрашивалась растительными красками, какъ напримѣръ мареной, гранатной коркою и т. п., что и являлось причиною поразительной крѣпости красокъ, не линявшихъ ни при какихъ условіяхъ; въ настоящее же время, благодаря сравнительной дороговизнѣ этого способа и стремленія возможно удешевить матеріалы для производства ковровъ, шерсть стали окрашивать непрочными, линяющими анилиновыми красками, въ значительной степени ухудшившими качество ковровъ.

Работа по изготовленію ковровъ производится въ осеннее и зимнее время, при чемъ скупщики осенью во время сбора податей выдаютъ подъ ковры задатки около одной десятой стоимости ковра, благодаря чему и скупаютъ ихъ по самой дешевой цѣнѣ. Средняя цѣна ковровъ: кизилъ-аякскихъ отъ 5 до 8 руб. за квадратный аршинъ, баширскихъ и чакирскихъ отъ 4 до 6, а афганскихъ отъ 2 до 4 руб. аршинъ, при чемъ цѣны на нихъ съ каждымъ годомъ все больше и больше поднимаются.

Кишлакъ Кизилъ-Аякъ тянется на нѣсколько верстъ и является однимъ изъ самыхъ населенныхъ пунктовъ этой мѣстности, имѣя значительную древесную растительность и обширныя обработанныя поля.

Когда-то давно, впадавшая съ правой стороны и начинающаяся на афганской территоріи, рѣка Балхъ проходила почти параллельно съ Аму-Дарьей, направляясь на сѣверо-западъ. Огромное старое русло этой рѣки видно и понынѣ въ Кара-Кумахъ, гдѣ почва по произведеннымъ изслѣдованіямъ состоитъ изъ глины, смѣшанной съ пескомъ, имѣя въ своемъ составѣ много лёса. Самая же полоса кара-кумскихъ песковъ сравнительно невелика, достигая отъ 20 до 30 верстъ и постепенно расширяясь къ Чарджую.

Огромная площадь между Керками и Мургабомъ обратила на себя вниманіе служившаго въ государскомъ Мургабскомъ имѣніи военнаго инженера полковника Ермолаева, начавшаго цѣлый рядъ изслѣдованій этого участка, который и оказался въ

значительной своей части вполнѣ пригоднымъ для земледѣлія, а произведенная нивеллировка мѣстности указала на большое паденіе отъ Аму-Дарьи на западъ. Обстоятельства эти подали полковнику Ермолаеву мысль использовать для орошенія воды Аму-Дарьи, проведя каналъ въ цѣляхъ оросить всѣ удобныя земли между Аму-Дарьей и Мургабомъ общею площадью въ 500,000 десятинъ. Пройдя лично два раза всю мѣстность и составивъ обстоятельный проектъ орошенія, онъ приступилъ къ осуществленію своей мысли, для чего предполагалось воспользоваться для устройства водохранилищъ старымъ русломъ Балха, проведя воду въ него изъ Аму-Дарьи около Кизилъ-Аяка. Большія денежныя затраты остановили этого энергичнаго человѣка, хотя исчисленная проектомъ сумма въ 20 мил. руб. невольно пугала каждаго грандіозностью. Первоначально проектъ едва не былъ забракованъ.

Московскій биржевой комитетъ, отозвавшись вполнѣ сочувственно къ самой идеѣ, командировалъ особую экспедицію для изслѣдованія подъ начальствомъ г. Миндера, къ несчастью совершенно незнакомаго ни съ краемъ, ни съ мѣстными условіями. Въ составъ экспедиціи вошли также лица неподготовленныя, и это въ концѣ концовъ и повело къ тому, что экспедиція, заблудившись въ пескахъ, не дошла до пригодныхъ земель, а повертѣвшись по песчаной полосѣ, вышла гдѣ-то за Керками къ берегу Аму-Дарьи, и ея руководитель поэтому разомъ призналъ проектъ неосуществимымъ, высказавъ въ этомъ смыслѣ свое заключеніе. Но Ермолаевъ не сдался. Путемъ цѣлаго ряда доказательствъ ему удалось отстоять правильность своего проекта и добиться изслѣдованія этихъ мѣстъ новою экспедиціею.

Мы ѣхали невдалекѣ отъ берега, и невольно я вспомнилъ всю исторію этого грандіознаго проекта.

— Вы не знаете въ какомъ теперь положеніи дѣло Ермолаева съ его проектомъ?—спросилъ я полковника.

Тотъ на минуту задумался, а затѣмъ, видимо сильно заинтересованный этою темою, быстро заговорилъ.

— Огромное дѣло. Не знаю, какъ оно будетъ осуществлено;

говорятъ, что Ермолаевъ уже получилъ концессію на эту землю на 99 лѣтъ; слышалъ также, что образуется уже акціонерная компанія для устройства этого канала. Во всякомъ случаѣ—это вопросъ государственный. Полная возможность оросить до 500 тысячъ десятинъ земли создастъ здѣсь новый культурный раіонъ для жизни, а свойства почвы, орошенной водами Аму-Дарьи, приносящей массу плодороднаго лёса, будутъ способствовать дѣлать посѣвы хлопка, и русскія мануфактурныя фирмы, разумѣется, больше всего должны быть заинтересованы въ осуществленіи проекта.

Крайне странно, что наше министерство земледѣлія въ свою очередь не начинаетъ работъ по орошенію всѣхъ этихъ пустопорожнихъ мѣстъ для переселенія изъ тѣсноты Европейской Россіи новыхъ поселенцевъ.

Постепенно мы начали отдаляться отъ берега рѣки, переѣзжая ежеминутно глубокіе и широкіе арыки, служащіе для орошенія, самая система котораго сильно отличается отъ всѣхъ остальныхъ частей Бухарскаго ханства: вмѣсто арыковъ, находящихся надъ горизонтомъ земли и орошающихъ землю напусканіемъ воды сверху, здѣсь арыки находятся почти на 4—5 аршинъ ниже горизонта; поэтому вода изъ нихъ для орошенія поднимается съ помощью особаго водоподъемнаго колеса, называемаго чигиремъ, къ которому привязаны глиняные кувшины, захватывающіе воду и выливающіе ее въ особый желобъ, откуда уже вода пускается по поверхности земли для орошенія. Въ качествѣ двигателя примѣняется сила верблюда, который цѣлый день ходитъ по кругу и приводитъ въ движеніе особымъ рычагомъ систему шестерней, передающую на колесо.

Держа направленіе на югъ на колодецъ Кара-Тепе-Какъ, мы углубились въ пустыню Кара-Кумъ, то поднимаясь на высокіе песчаные бараханы, то медленно сползая съ нихъ внизъ. Лошади, скоро уставшія отъ непривычной дороги, шли медленно, увязая въ сыпучемъ пескѣ.

Кое-гдѣ на вершинахъ бараханов виднѣлась зеленая яркая растительность селина—желтаго степного ковыля, служащаго отличнымъ кормомъ для овецъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ безотрад-

нѣе казались мѣста, принявшія совершенно желтый колоритъ, и это песчаное море выглядѣло безбрежнымъ, разстилаясь во всѣ стороны.

Пройдя верстъ 15 и добравшись къ вечеру до цѣпи особенно большихъ бараханов, мы устроились на ночлегъ въ глубокой лощинѣ, гдѣ виднѣлся небольшой колодезь.

Яркій огонекъ костра снова весело бросалъ свой свѣтъ, освѣщая дно лощины, а вокругъ дальше темнота казалась непроглядною, выдвигаясь въ видѣ черныхъ стѣнъ.

Миріады звѣздъ усыпали темное небо, слабо мерцая и придавая всему особенно красивую картину. Млечный путь, то выступая, то скрываясь, длинною, широкою полосою протянулся надъ нами.

Полная тишина царствовала въ окрестностяхъ, создавая какое-то особенное настроеніе, и не хотѣлось звуками голоса нарушать эту торжественную обстановку величаваго, необъятнаго храма Творца Вселенной.

И среди природы, какъ-то особенно чуждыми казались всѣ условности человѣческаго существованія, являясь искусственными и во многомъ несогласными съ ея великими законами.

Мы всѣ молчали, погрузившись въ свои мысли.

XII.

Среди ночи лошади забезпокоились, разбудивъ насъ своимъ ржаніемъ. Проводники туркмены, быстро вскочивъ на ноги и взявъ берданки въ руки, стали внимательно прислушиваться.

— Что случилось, Тимуръ-Ханъ? — обратился полковникъ къ старику туркмену, признанному въ силу своихъ лѣтъ какъ бы главнымъ проводникомъ.

— Не знаю еще, тюра, въ чемъ дѣло. Ѣдетъ кто-то съ афганской стороны. Много коней идетъ. Можетъ быть дурные люди...

Какъ ни старался я прислушаться, но мой слухъ не улавливалъ никакихъ звуковъ въ окружающей тишинѣ ночи и поэтому я невольно высказалъ сомнѣніе.

— Нѣтъ, тюра, вѣрно. Бѣгутъ люди на коняхъ—пять человѣкъ. Мои старыя уши никогда меня не обманутъ: я родился, жилъ и состарился въ Кара-Кумахъ.

— Недалеко теперь, можетъ быть чакрымъ (верста) не больше уже, — донесся изъ темноты голосъ старика, двинувшагося по направленію услышанныхъ имъ звуковъ.

— Огонь костра погасите,—уже вполголоса крикнулъ онъ своимъ туркменамъ, начавшимъ быстро забрасывать пескомъ горѣвшія дрова.

— Зачѣмъ надо гасить костеръ?—удивился я, пристально всматриваясь въ темноту.

— Да видите ли — почемъ знать какіе люди: на свѣтъ костра легче изъ темноты видѣть и прицѣлиться, поэтому для предупрежденія возможности такого предательскаго выстрѣла лучше принять мѣры,—отвѣтилъ мнѣ полковникъ.

Долго въ темнотѣ ничего не было слышно, наконецъ донеслись звуки фырканья лошадей и шуршаніе ихъ ногъ по песку.

— Стой! Что за люди? Будемъ стрѣлять! — громко, будя тишину, раздался твердый голосъ стараго туркмена.

На нѣсколько мгновеній все замерло, и наступила жуткая тишина.

Такъ и казалось, что вотъ-вотъ затрещатъ выстрѣлы и пронесется ледяное дыханіе смерти надъ Кара-Кумами. Руки стиснули рукоятку револьвера и, уже поднявшись на бараханъ, изъ-за его гребня мы всматривались въ темноту, стараясь открыть въ ней подъѣзжавшихъ всадниковъ.

— Не стрѣляй! Мы купцы, ѣдемъ изъ Афганистана въ Керки,—наконецъ отвѣтилъ голосъ изъ темноты.

Осторожный проводникъ снова задалъ рядъ вопросовъ, спросивъ имена, изъ какого рода, кого они знаютъ въ Керкахъ и здѣшнихъ мѣстахъ.

— Я—Сердаръ-Меджидъ-Ханъ, — послышался громкій голосъ, увѣренно назвавшій извѣстное имя.—Ѣду по своимъ дѣламъ въ здѣшнія мѣста.

— Сердаръ - Меджидъ - Ханъ?! — повторилъ туркменъ, — я

тебя знаю хорошо. Помнишь, Сердаръ, вмѣстѣ съ тобою около Андхоя встрѣтились.

— А, старый Батырь-Тимуръ! узналъ сразу, узналъ, — отвѣтилъ снова голосъ приближаясь.

Туркмены, услыхавъ этотъ разговоръ и знакомое имя, одинъ за другимъ поднялись на бараханъ, и черезъ минуту вверху загорѣлся пучекъ сухой травы, освѣтившій разомъ слѣдующій гребень бараханов, гдѣ виднѣлось нѣсколько всадниковъ.

— Вѣрно! Сердаръ-Меджидъ-Ханъ,—успокоительно произнесъ туркменъ, спускаясь внизъ въ лощину,—зажигай снова огонь,—приказалъ онъ своимъ туркменамъ.

Яркій огонь быстро вспыхнулъ и, бросивъ снопы свѣта въ стороны, образовалъ широкій кругъ, съ краю котораго, медленно спускаясь сверху и уже ведя коней въ поводу, двигались темныя фигуры пріѣзжихъ.

Чернобородый красивый афганецъ въ желтомъ верблюжьемъ халатѣ и бѣлой чалмѣ подошелъ къ намъ ближе и поздоровался съ туркменами, искоса бросая взгляды на насъ и внимательно присматриваясь къ нашимъ лицамъ.

— Саламъ-алыкумъ! Не узнаешь меня, полковникъ?—обратился онъ ко мнѣ.

— Помнитъ полковникъ въ Самаркандѣ у Эмира Исаакъ-Хана? во дворѣ онъ былъ, а я тогда состоялъ ближайшимъ слугою Эмира. А потомъ вмѣстѣ съ сыномъ Эмира Сердаромъ-Измаилъ-Ханомъ мы были у генерала и у капитана Л. Неужели забылъ полковникъ?

Передо мною разомъ всколыхнулся рядъ воспоминаній о Ташкентской жизни во время генерала Духовского, вмѣстѣ съ тѣмъ вспомнился и симпатичный Сердаръ-Меджидъ-Ханъ.

Мы дружелюбно поздоровались и, присѣвъ вокругъ костра, разговорились, угощая посланнаго судьбою гостя чаемъ съ всякими консервами.

— Зачѣмъ Сердаръ ѣдетъ въ Керки?—спросилъ я, интересуясь непонятнымъ для меня пріѣздомъ Хана.

— Видишь, полковникъ, меня сюда въ Бухару привело свое дѣло. Помнишь, когда я выѣхалъ въ Афганистанъ, много

тогда вреда надѣлала намъ всѣмъ песчаная буря, да тотъ молодой офицеръ, который меня арестовалъ. Прошлое время. Не былъ благосклоненъ Аллахъ къ нашему предпріятію, и оно окончилось, благодаря случайности, неудачею.

И какъ бы вспоминая всѣ детали, онъ тихо заговорилъ:

— Вѣдь тогда, почти десять лѣтъ тому назадъ, пронесся среди народа слухъ, что царствовавшій въ Кабулѣ Афганскій Эмиръ Абдурахманъ-Ханъ очень боленъ и со дня на день кабульскіе люди ожидали, что ледяное дыханіе Ангела Азраила коснется его.

Эмиръ Исаакъ-Ханъ, жившій въ Самаркандѣ, сынъ Эмира Ширъ-Али-Хана, былъ одинъ лишь законный Эмиръ Афганистана; онъ не могъ спокойно ѣсть своего хлѣба, живя на русской землѣ и слыша такія вѣсти. Болѣло его сердце по родинѣ и все время думалъ онъ о наслѣдіи своихъ предковъ Афганскихъ Эмировъ. Призвалъ онъ меня, своего вѣрнаго слугу и друга, и сказалъ: „Сердаръ - Меджидъ - Ханъ, ты мой вѣрный въ счастіи и въ несчастіи слуга. Ты вмѣстѣ со мною сражался противъ войска похитителя престола Абдурахмана. Ты со мной вмѣстѣ потерялъ все свое имущество въ Афганистанѣ, перешелъ со мною Аму-Дарью и жилъ все время не жалуясь, довольствуясь малымъ и всегда желая доказать мнѣ свою вѣрность. Ты знаешь, что вездѣ у меня много вѣрныхъ слугъ, живущихъ на афганской землѣ, и всѣ они все время пишутъ мнѣ, что теперь насталъ часъ, когда по моему слову поднимутся племена Хана и Сердара на защиту наслѣдія Эмира Ширъ - Али-Хана, моего престола Аллахомъ благословеннаго Афганистана. Насталъ часъ испытанія и твоей вѣрности. Собери лошадей, возьми оружіе, сѣдлай лучшихъ жеребцовъ съ моей конюшни, призови самыхъ вѣрныхъ слугъ моихъ, сколько надо, и поѣзжай въ Маймене, Андхой, Шабирганъ, Балхъ и Кундузъ. Скажи моимъ вѣрнымъ родамъ, племенамъ Хана и Сердара, что насталъ часъ избавленія. Пусть поднимутся всѣ они съ оружіемъ, конями и войскомъ и ждутъ меня, а я прибуду за тобою слѣдомъ, какъ только получу отъ тебя вѣсть, что ты уже видѣлъ всѣхъ моихъ слугъ, друзей и сородичей. „Ярымъ-

Акъ-Падишахъ генералъ-губернаторъ уже указалъ мнѣ тайное слово. Иди".

— Собралъ я самыхъ вѣрныхъ людей съ горячимъ сердцемъ, спокойною душою, смѣлыхъ и готовыхъ умереть каждую минуту за своего Эмира Исаака-Хана. Взялъ я много оружія, патроновъ и лошадей. Везли мѣшки съ золотыми тиллями, серебряными афганскими рупіями, взялъ тѣ подарки знатнымъ людямъ, которые послалъ Эмиръ черезъ меня въ знакъ своей милости, и въ темную ночь выѣхали мы изъ Самарканда на Карши, Керки и Маймене.

Какъ и теперь, шли мы цѣлымъ караваномъ, отлично зная дорогу и вполнѣ увѣренные въ успѣхѣ нашего дѣла.

Но не была ко мнѣ милостива судьба, не пожелалъ Аллахъ, чтобы проливалась братская кровь въ междоусобной войнѣ. Поднялася буря и понеслись намъ навстрѣчу тучи песку Кара-Кумовъ. Не было видно ничего, ни звѣздъ, ни свѣта, ни направленія. Долгую ночь бродили мы съ бархана на барханъ, разыскивая дорогу. И уже подъ утро когда забрезжилъ свѣтъ, насъ окликнули солдаты-урусы, что несутъ свою службу, охраняя границу.

„Тохта,—кричатъ,—а то стрѣлять будемъ"...

Всего лишь двое ихъ было на коняхъ. Не попали мы на мѣсто къ колодцамъ Имамъ-Назаръ, гдѣ нѣтъ солдатъ, а пришли на линію, гдѣ стоятъ ихъ казармы.

Мои люди начали шумѣть. „Убьемъ ихъ, Сердаръ, и пойдемъ дальше".

Но не могъ я этого сдѣлать. Я помнилъ, полковникъ, что долго я ѣлъ хлѣбъ русскаго Царя-Акъ-Падишаха и за добро нельзя платить зломъ, убивая его вѣрныхъ слугъ. Подумалъ я и спросилъ, какъ называется мѣсто, куда привела меня судьба. „Али-Кадымъ", говорятъ. И было больно моему сердцу слышать, что всего лишь въ трехъ чакрымахъ я стою отъ земли Афганской страны.

Приказалъ я своимъ людямъ опустить винтовки и вложить сабли въ ножны.

Кысметъ, судьба, не хочетъ Аллахъ!

Поѣхали русскіе солдаты, а мы за ними слѣдомъ, и пріѣхали на русскій постъ. Остановились около и ждали пока пріѣдетъ русскій начальникъ—офицеръ. Скоро пріѣхалъ онъ, молодой—совсѣмъ мальчикъ.

„Нельзя,—говоритъ,—по закону людямъ съ оружіемъ итти воевать въ Афганистанъ. Кладите всѣ винтовки и сабли и слѣзайте съ лошадей".

Слезы подступали къ глазамъ у всѣхъ, но нельзя было иначе: исполнили мы волю слуги русскаго Акъ-Падишаха. Переписалъ онъ насъ всѣхъ и подошелъ потомъ ко мнѣ, сказавъ: „дай свою саблю, Сердаръ".

Но тутъ не стерпѣла моя душа, я въ 10 сраженіяхъ былъ еще съ Эмиромъ Ширъ-Али-Ханомъ, я воевалъ съ Эмиромъ Исаакъ-Ханомъ. Моя рука держала оружіе, когда у этого офицера губы держали сосцы матери, не могъ я отдать ему оружіе.

„Я, Сердаръ, не могу этого сдѣлать; лучше убей меня, а я не отдамъ".

Посмотрѣлъ онъ на меня, видитъ, что я твердо рѣшился, и отступилъ. Потомъ я отдалъ свое оружіе генералу въ Керкахъ, когда насъ онъ туда отправилъ.

Горькими слезами плакалъ и скрежеталъ зубами Эмиръ Исаакъ-Ханъ, когда обо всемъ узналъ. Но ничего не подѣлаешь. Кысметъ, судьба, хранилъ Абдурахмана Аллахъ, благословилъ его сына Хабибуллу-Хана вступить на престолъ Афганистана послѣ его смерти, происшедшей черезъ годъ времени.

А жаль, тюра, что не удалось...—съ грустью добавилъ онъ и задумался.

Я же уѣхалъ совсѣмъ въ Афганистанъ и теперь живу тамъ простымъ человѣкомъ, ведя торговыя дѣла, а сюда, тюра, я пріѣхалъ теперь продать часть своихъ стадъ, ходящихъ по Балху.

Рано утромъ мы простились съ симпатичнымъ Сердаромъ и направились каждый въ свою сторону, держа направленіе на колодецъ Коріалганъ.

День былъ ясный, и обрывки безформенныхъ тучъ неслись по небу длинными полосами, похожіе на огромныя бѣлыя хлопья.

Вѣтеръ колебалъ кусты ковыля, съ рѣзкимъ шуршаніемъ проносясь по гребнямъ песчаныхъ бархановъ. Было холодно, и невольно, кутаясь въ бурку, приходилось отворачиваться отъ назойливаго вѣтра.

— Что это за Сердаръ такой?—спросилъ меня полковникъ, вспоминая ночного гостя, сильно его заинтересовавшаго.—Мнѣ никогда не приходилось слышать про эту исторію, можетъ быть потому, что я провелъ тѣ годы въ скитаніяхъ по Семирѣчью и Кульжинскому краю.

— Дѣло во всякомъ случаѣ особенное,—отвѣтилъ я, вспоминая нѣкоторыя детали, извѣстныя мнѣ изъ прошлаго объ этой интересной авантюрѣ.

— Дѣйствительно все было такъ именно, какъ Меджидъ-Ханъ разсказываетъ, и надо полагать, что стремленіе произвести въ сѣверномъ Афганистанѣ возстаніе въ пользу Эмира Исаакъ-Хана, жившаго въ то время въ Самаркандѣ въ качествѣ гостя нашего Государя, получавшаго отъ Россіи субсидію въ двѣнадцать тысячъ рублей ежегодно, очевидно поддерживалось нѣкоторыми лицами и находило сочувствіе у самого генералъ-губернатора генерала Духовского. И пожалуй, что если бы экспедиція Меджидъ - Хана удалась, кто знаетъ, какое бы теперь занималъ Афганистанъ положеніе по отношенію Россіи со сверженіемъ съ престола въ то время больного Эмира Абдурахмана-Хана.

Какъ говорятъ, всѣ административныя лица были предупреждены о выѣздѣ Меджидъ-Хана изъ Самарканда съ предписаніемъ оказывать ему полное содѣйствіе въ его предпріятіи и, какъ часто бываетъ, дали знать всѣмъ, кому даже не нужно, а кому нужно, тому забыли сообщить; оказалось, ничего не знала пограничная стража, которую не увѣдомили о предполагавшемся предпріятіи. Объясненіе такой странности надо искать въ томъ, что только въ этотъ годъ былъ образованъ Пограничный Округъ, въ силу чего его функціи еще никто не зналъ, а потому и забыли, что онъ-то и долженъ былъ сдѣлать соотвѣтствующія и самыя главныя распоряженія на линіи.

А жаль, что все дѣло разыграно въ ничью и безъ результатовъ. Мнѣ пришлось слышать отъ покойныхъ генераловъ Иванова и Маціевскаго, что они возлагали на экспедицію Меджидъ-Хана большія надежды.

За разговоромъ мы не замѣтили какъ поднялись на высокую бараханную гряду, съ которой совершенно неожиданно открылся видъ довольно широкой рѣки, съ берегами, поросшими густыми, но невысокими камышами. Вода казалась свинцоваго цвѣта, и ея длинная полоса тянулась на сѣверо-западъ, скрываясь гдѣ-то далеко за послѣдними бараханами.

— Что за странность! Откуда здѣсь взялась рѣка?—удивился полковникъ.—Вѣдь здѣсь въ Кара-Кумахъ ни на одной картѣ кромѣ колодцевъ никакой воды не обозначено.

Я глядѣлъ съ невольнымъ изумленіемъ на огромные разливы рѣки, длинными заливами входившіе среди бараханов, образовавшихъ широкую рѣчную долину.

— Эту, тюра, рѣку называютъ здѣсь люди Балхъ. Она течетъ въ Афганистанѣ около города Мазаръ-и-Шерифъ и очень давно ея воды доходили почти до самой середины Кара-Кумовъ. Но потомъ афганцы построили на ней огромныя плотины и стали запирать воду, не пуская ее въ наши мѣста. Но труды людей не всегда увѣнчиваются успѣхомъ, а борьба съ капризной рѣкой трудна, и она иногда, собравъ всѣ свои силы, кидается на плотины и, разрушая ихъ, прорывается по своему старому руслу; тогда въ одно лѣто всѣ здѣшнія мѣста зацвѣтутъ и, покрытыя зеленью, привлекаютъ къ себѣ и стада и людей. И тогда, тюра, здѣсь начинается такая же жизнь, какъ и на прибрежной полосѣ по Аму-Дарьѣ около Керковъ.

Масса водяной птицы виднѣлось на берегахъ и отмеляхъ, и крикъ ея, сливаясь съ хлопаніемъ крыльевъ, создавалъ картину особаго оживленія среди этого многочисленнаго пернатаго царства, жившаго такъ привольно вдали отъ людей. Тысячи утокъ, гусей, лебедей и всякой мелкой птицы сновали взадъ и впередъ по гладкой поверхности тихихъ водъ рѣки.

Тутъ же невдалекѣ было нѣсколько небольшихъ челноковъ и выдвигался рядъ кибитокъ, около которыхъ стояли на при-

колахъ лошади и бродили верблюды. Съ десятокъ худыхъ, но злобныхъ собакъ, ощетинившись, бросились подъ ноги нашихъ лошадей, оглашая окрестности своимъ задорнымъ лаемъ и едва не хватая за ноги всадниковъ.

— Эй, вы, отгони собакъ. Шайтанъ имъ на голову! — крикнулъ Тимуръ, отмахиваясь нагайкою отъ напавшей на него стаи.

Лежавшіе прямо на землѣ туркмены нехотя поднялись и продолжительными криками „тура, тура“ наконецъ отогнали собакъ, какъ будто сконфуженно отошедшихъ въ сторону и занявшихъ роль молчаливыхъ наблюдателей уже безо всякихъ враждебныхъ къ намъ намѣреній.

— Все-таки какая странность: среди пустыни—лодки, переправа и рискъ утонуть. Прямо невѣроятно, какъ поразительно мѣняется картина пустыни, какъ только до нея коснется живительная сила воды, — продолжалъ ворчать полковникъ, какъ будто даже недовольный, что встрѣтилъ воду тамъ, гдѣ всегда въ его представленіи рисовалось почти полное безводье.

— Ну что жъ, переправляться — такъ переправляться. Нечего намъ долго здѣсь сидѣть,—уже черезъ минуту засуетился онъ, направляясь къ одному изъ челноковъ, спущенныхъ на воду.

— Садись, тюра,—сказалъ одинъ изъ туркменовъ, берясь за весло. — Лошади пойдутъ прямо по водѣ. Здѣсь не очень глубоко. Только все же надо съ нихъ снять вьюки, а то все будетъ мокрое.

Всплескивая воду широкими короткими лопатками и пугая водяную птицу, челнокъ тихо поплылъ къ противуположному берегу. Рѣка имѣла такой видъ, что какъ будто протекала въ этихъ мѣстахъ цѣлыя столѣтія. Масса всякихъ водяныхъ насѣкомыхъ сновало въ водѣ, гдѣ на днѣ виднѣлись стайки мелкой и крупной рыбы, спокойно проходившей подъ лодкою, почти не обращая никакого вниманія на всплески веселъ и нашъ говоръ.

XIII.

Рѣки Балхъ, Сары-Пуль, Андхой и Сангалыкъ, орошающія западную часть Афганскаго Туркестана, беря свое начало въ

горахъ Банди-Туркестанъ и Балхъ-Абъ, когда-то въ древности являлись притоками Аму-Дарьи, соединяясь съ нею въ то время, когда направленіе ея теченія отклонялось гораздо западнѣе сравнительно съ настоящимъ. Старыя русла этихъ рѣкъ видны и понынѣ въ Кара-Кумахъ, входя изъ Афганистана одно около колодца Имамъ-Назаръ, а другое около Али-Кадыма; затѣмъ каждое русло, пройдя около сорока верстъ, соединяется вмѣстѣ верстахъ въ десяти сѣвернѣе колодца Зенда, откуда направляется одно общее русло на сѣверо-западъ, имѣя длину, если считать отъ Али-Кадыма и до самого конца, почти до 180 или 200 верстъ, а затѣмъ исчезая въ Кара-Кумахъ, гдѣ вѣроятно оно было занесено двигавшимися песками, не доходя около пятидесяти верстъ до линіи Средне-Азіатской желѣзной дороги.

Преданія, существующія среди мѣстныхъ и мургабскихъ туркменъ, указываютъ, что когда-то по всему протяженію Кара-Кумовъ, гдѣ тянется старое русло, былъ цвѣтущій, густо заселенный край съ массою городовъ и кишлаковъ, но борьба между независимыми правителями государствъ сѣвернаго Афганистана и Бухарою повела къ тому, что вначалѣ весь этотъ край подвергся опустошенію, а затѣмъ, чтобы уменьшить силы Керковъ, были устроены въ Афганистанѣ плотины, отведшія воду и, лишивъ землю влаги, превратившія весь этотъ край въ пустыню. Насколько вѣрны эти преданія, провѣрить пока не представляется возможнымъ, но во всякомъ случаѣ врядъ ли можно признать побудительными причинами эти предположенія объ устройствѣ плотины, такъ какъ въ такомъ случаѣ въ Афганистанѣ образовались бы слишкомъ большія скопленія воды въ видѣ болотъ. Скорѣе недостаточность воды для орошенія и желаніе оросить ею возможно большую площадь понудило устроить рядъ заградительныхъ и водоподпорныхъ плотинъ, которыя, какъ построенныя крайне примитивно, порою не выдерживая напоровъ водъ, прорываются ими, и тогда воды, преодолѣвъ всѣ загражденія, устремляются по старому руслу, пробуждая пустынныя Кара-Кумы къ новой жизни.

Нельзя не отмѣтить, что промывъ стараго русла Балха произошелъ не сразу. Первый разъ прорвало плотины въ Афгани-

станѣ около Али-Кадыма въ 1897 г., а Балхъ въ теченіе двухъ лѣтъ прошелъ верстъ 30 по старому руслу, образовавъ рѣку въ 50 саж. ширины, при глубинѣ отъ 2 до 3 арш. и съ огромными въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разливами, достигавшими до $^1/_2$ версты ширины.

Въ слѣдующіе годы афганцы очевидно возобновляли свои плотины, но неудачно, потому что прибыль воды все продолжалась, пройдя приблизительно еще верстъ на сто съ лишкомъ и создавая такое впечатлѣніе, что Керки и при-Аму-Дарьинское побережье около нихъ очутилось уже между двухъ многоводныхъ рѣкъ. Лишенные долгое время влаги сѣмена и корни растеній, лежавшіе въ землѣ, съ прибытіемъ водъ Балха разомъ зацвѣли, превративъ долину новой рѣки въ цвѣтущую. Различнаго вида тростники, черезъ, кандумъ, тамариски зазеленѣли, въ короткое время превратившись въ могучіе кустарники, образовавшіе заросли. Обиліе воды и травъ привлекли сюда огромныя стада овцеводовъ, прибывшихъ не только изъ-за Аму-Дарьи, но даже изъ Мервскаго уѣзда.

И мертвый край ожилъ. Вездѣ виднѣлись кочевки туркменъ, начавшихъ засѣвы дынь и арбузовъ, а мѣстами появились и посѣвы джунгары и ячменя. Керкинскій бекъ въ эти годы собиралъ огромный зякетъ съ безчисленныхъ стадъ барановъ, а количество каракулевыхъ шкурокъ, ежегодно вывозившихся изъ Керковъ, значительно увеличилось; но съ 1909 года афганцамъ очевидно удалось возстановить свои плотины, и вода весною этого года вновь не прибыла, и вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно широкій Балхъ сталъ замѣтно пересыхать, превратившись уже въ слѣдующемъ году въ сплошной рядъ озеръ со стоячей гніющею водою, а вся цвѣтущая растительность, подвергаясь дѣйствію горячихъ лучей солнца, медленно погибала, засыхая и вновь превращая край въ пустыню.

— Однако досадно, что благодаря отсутствію дипломатическихъ сношеній съ Афганистаномъ этотъ вопросъ съ водами Балха совершенно не урегулированъ,—заговорилъ полковникъ.

— Надо полагать, что можно было бы прійти къ какому-нибудь соглашенію, путемъ выдѣленія излишнихъ для афганскаго населенія водъ.

— Хорошо еще, что въ этомъ раіонѣ приходитъ на помощь Ермолаевъ со своимъ проектомъ орошенія—проведеніемъ воды изъ Аму-Дарьи съ обращеніемъ стараго русла Балха въ водохранилище.

Между тѣмъ вся огромная площадь Кара-Кумовъ, которую долго по разспроснымъ свѣдѣніямъ считали песчаною безплодною пустынею, какъ оказалось по изслѣдованіямъ, состоитъ изъ плодородной лёсовой почвы, а ширина песчаной полосы, находящейся непосредственно за культурною полосою Аму-Дарьинскаго побережья, не превышаетъ ширины отъ 10 до 30 верстъ, и такимъ образомъ мы имѣемъ огромную площадь, едва ли не 200 верстъ длиною и шириною, годную для орошенія и будущихъ культуръ, при чемъ повидимому можно будетъ воскресить эту равнину, превративъ ее снова въ цвѣтущій край, о которомъ сохранились преданія въ памяти туркменскихъ племенъ.

Вся мѣстность до самаго почти колодца Имамъ-Назара измѣнила совершенно, благодаря разливу Балха, свой видъ. Колодцы, находившіеся въ этой мѣстности и устраиваемые преимущественно на днѣ русла, были затоплены, замѣняясь водами рѣки. Громадное количество барановъ покрывало все побережье, встрѣчаясь почти на каждомъ шагу. Только при проѣздѣ по здѣшнимъ мѣстамъ оказывалось возможнымъ вполнѣ уяснить то колоссальное количество барановъ и овецъ, общее число которыхъ во всей Бухарѣ насчитывается до 12 милліоновъ головъ и изъ числа ихъ до $3^1/_2$ милліоновъ овецъ каракулевыхъ.

Порода эта, разводимая издавна въ Бухарскомъ Ханствѣ, имѣетъ высокую рыночную цѣнность, благодаря своему красивому мѣху, употребляемому на изготовленіе дамскихъ костюмовъ, шапокъ и шляпъ. Но такъ какъ настоящій каракуль очень дорогъ, то въ Европѣ прибѣгаютъ къ имитаціи этого мѣха путемъ искусственнаго приготовленія его изъ хлопка и шерсти на ткацкихъ станкахъ. Родина каракулевой овцы—Каракульское бекство на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи, около города Кара-Куля, гдѣ пастбищемъ для нихъ служитъ огромная степь Урта-Чуль, или Средняя степь, находящаяся между Аму-Дарьей, Каршами и г. Кара-Кулемъ, которая въ весеннее время покрыта прекрасными

травами, а съ наступленіемъ жаровъ стада перегоняются въ горы Гиссарскаго хребта. Шкурки съ крутыми шелковистыми завитками имѣются лишь у только что родившихся ягнятъ, при чемъ уже дней черезъ 10—12 волосъ начинается раскручиваться и поэтому, чтобы получить цѣнный мѣхъ, ягнята рѣжутся черезъ 4 — 5 дней послѣ рожденія; но самыя дорогія шкурки получаются отъ зарѣзанной матки, у которой затѣмъ вынимается еще не родившійся плодъ и этотъ мѣхъ носитъ названіе каракульчи. Общее число шкурокъ каракуля, вывозимаго изъ Бухарскаго Ханства, достигаетъ до 1 милліона штукъ.

Невдалекѣ отъ колодца Имамъ-Назаръ навстрѣчу намъ попался большой караванъ тяжело груженныхъ верблюдовъ, длинною вереницею направлявшихся изъ Афганистана въ Керки. Нѣсколько вооруженныхъ афганцевъ ѣхало верхами, конвоируя караванъ, впереди котораго виднѣлась группа конныхъ всадниковъ, окружавшихъ старика афганца, сидѣвшаго на отличномъ конѣ съ сѣдельнымъ уборомъ, богато украшеннымъ серебряными бляхами и бирюзою.

Обмѣнявшись селямомъ, Тимуръ подъѣхалъ къ одному изъ сопровождавшихъ и задавъ два-три вопроса, догналъ насъ почти сейчасъ же, стараясь немедленно сообщить все, что узналъ, увѣренный, что каждая новость насъ заинтересуетъ.

— Эмирскій караванъ идетъ,—заговорилъ онъ подъѣзжая.— Везутъ каракуль въ Керки. Афганскій Эмиръ самъ имъ торгуетъ. У нихъ въ Афганистанѣ никто не можетъ продавать этихъ шкурокъ, а долженъ нести ближайшему начальнику и отдать ихъ въ счетъ своихъ податей. Когда же окончится лѣто, шкурки всѣ собираютъ, переписываютъ и потомъ, назначивъ Эмирскаго чиновника, отправляютъ ихъ въ Керки на продажу. Много такихъ каравановъ проходитъ и цѣлые вьюки золота получаетъ за нихъ Афганскій Эмиръ въ Керкахъ. А если кто шкурку въ Афганистанѣ спрячетъ, такъ тому за это голову отрубаютъ.

— Да, это все вѣрно, что онъ разсказываетъ. Въ Афганистанѣ торгъ каракулемъ составляетъ регалію Эмира. И въ Бухарѣ также Бухарскій Эмиръ дѣлаетъ нѣчто въ родѣ этого. Здѣсь скупщики Эмира шныряютъ по всѣмъ кочевникамъ и

скупаютъ шкурки; то же самое по приказанію Эмира дѣлаютъ Бухарскіе беки. Потомъ всѣ скупленныя каракулевыя шкурки отправляются въ Бухару, откуда уже везутся на Нижегородскую ярмарку. Бухарскій Эмиръ на этой торговлѣ наживаетъ нѣсколько милліоновъ рублей.

Вдали были видны невысокія горы Банди-Туркестанъ, спускавшіяся къ Кара-Кумамъ своими отлогими предгорьями, переходившими въ холмистую равнину.

Невдалекѣ на афганской сторонѣ находилась Кара-Тепе-Кала, а на русской сторонѣ небольшое селеніе Ташъ-Какъ, населенное туркменами, живущими, какъ и значительная часть всего здѣшняго населенія, между линіями государственной русско-афганской границы и цѣпью постовъ пограничной стражи, благодаря чему этотъ раіонъ почти въ 30 верстъ ширины при безконечной длинѣ въ сторону Тахтабазара и до линіи Средне-Азіатской желѣзной дороги является своеобразнымъ порто-франко.

Окинувъ взглядомъ пустынную мѣстность впереди границы, лишь извѣстную мѣстнымъ жителямъ по какимъ-то особымъ примѣтамъ, такъ какъ пограничные столбы уже давно исчезли, мы устроились въ кибиткѣ на отдыхъ.

— Знаете ли, почему называется селеніе Ташъ-Какъ?— спросилъ полковникъ, не могшій заснуть безъ продолжительныхъ разговоровъ...

— Каками называютъ здѣсь ямы для скопленія дождевой воды. Обыкновенно такая яма вырывается гдѣ-либо на пути стока воды съ возвышенностей, затѣмъ обкладывается довольно высокимъ глинобитнымъ дуволомъ для защиты отъ скота—это и есть—какъ. Вода въ нихъ свободно сохраняется почти полгода; разумѣется, на вкусъ она не важна, но все-таки даетъ возможность жить въ такихъ мѣстахъ, гдѣ колодца нельзя устроить. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ стѣнки кака обкладываютъ каменной или кирпичной кладкою и устраиваютъ надъ нимъ даже крышу. По существу это будетъ прудъ стоячей воды. Здѣсь въ Кара-Кумахъ каки встрѣчаются очень часто, да и если взять въ общемъ, то и колодцевъ здѣсь таки поря-

дочно, недаромъ караваны здѣсь ходятъ прямо въ Хиву, не заходя въ Керки, и поэтому движеніе контрабанды черезъ этотъ участокъ границы очень велико.

Примыкающія непосредственно афганскія провинціи Маймене, Андхой и Шабирганъ еще сравнительно недавно принадлежали Бухарѣ, но въ восьмидесятыхъ годахъ, благодаря тому, что внѣшняя граница Бухарскаго Ханства съ Афганистаномъ не была еще опредѣлена никакимъ точнымъ соглашеніемъ, Афганскій Эмиръ совершенно неожиданно занялъ эти провинціи, чѣмъ и лишилъ Россію большой и богатой территоріи, населенной узбекскими и туркменскими племенами, невольно тяготѣющими къ Бухарѣ.

Вдобавокъ же ко всему этому всѣ рѣки, берущія начало въ хребтѣ Бенди-Туркестана, являющемся природною границею этой части ханства, находятся въ рукахъ афганцевъ, которые и отводятъ воду изъ нихъ, заграждая плотинами, какъ и Балхъ. Повидимому непринятіе нужныхъ мѣръ въ свое время къ опредѣленію границъ, являясь крупною ошибкою, создало до крайности невыгодное положеніе въ этой части отмежеваніемъ Россіи пустынныхъ, малопригодныхъ, безъ крупныхъ затратъ, мѣстъ.

Такимъ образомъ наша дипломатія создала много всякихъ несуразностей въ Средней Азіи, сдѣлавъ рядъ непоправимыхъ ошибокъ, да и вдобавокъ возстановивъ противъ себя афганскій народъ, съ которымъ вначалѣ завязались такія хорошія отношенія и жить съ которымъ въ тѣсной дружбѣ у насъ были всѣ данныя.

Вправо почти до самой рѣки Мургаба лежитъ все та же пустынная мѣстность, населенная лишь кочевниками овцеводами. Цѣпь холмовъ придвигается здѣсь ближе, переходя на русскую территорію, причисляемую къ Пендинскому приставству Мервскаго уѣзда, хотя даже и съ Бухарою между Закаспійской областью границы точно не установлены, а принято условно, что Закаспійская область простирается на востокъ до культурной полосы Бухарскаго Ханства, лежащей по лѣвому берегу Аму-Дарьи, въ силу чего длинная полоса въ 300 съ

лишкомъ верстъ длиною при ширинѣ отъ 3 до 15 верстъ остается подъ властью Бухарскаго Эмира; беки его собираютъ подати не только съ бухарскаго населенія, но, благодаря неопредѣленности границъ, и съ населенія ближайшей части Закаспійской области, вполнѣ резонно разсуждая, что въ такихъ мелочахъ разбираться не стоитъ, такъ какъ русская казна достаточно богата, а лишнихъ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей получить, хотя бы и съ русскихъ подданныхъ, дѣло далеко не лишнее. Пристава же Пендинскій и Іолатанскій живутъ слишкомъ далеко, да и проѣхать черезъ всѣ Кара-Кумы довольно трудно, а потому за отдаленностью не только сборъ податей, но и судъ надъ русскими подданными Бухарскіе беки присвоили тоже себѣ.

И ничего, Богъ по грѣхамъ все терпитъ, а дипломатическое наше управленіе въ Бухарѣ никогда не видѣло того, что не нужно было видѣть.

Тишина—и слава Богу. Стоитъ ли ссориться изъ-за пустяковъ и создавать какія-то осложненія.

XIV.

Затруднительное положеніе Эмира Ширъ-Али-Хана афганскаго во время англо-афганской войны и его стремленіе получить помощь Россіи не увѣнчалось успѣхомъ, хотя въ 1879 году онъ просилъ лишь передвинуть изъ внутреннихъ областей Средней Азіи хотя бы одинъ батальонъ въ Керки на афганскую границу. Пока шла переписка, дѣло его было проиграно, но все же необходимость занятія Керковъ была очевидна, въ силу чего въ 1885 г. въ Керки былъ поставленъ русскій гарнизонъ изъ двухъ стрѣлковыхъ батальоновъ, казачьихъ сотенъ и батарей артиллеріи съ постройкою въ то же время русской крѣпости, невдалекѣ отъ бухарской. Керки, имѣя большое значеніе въ древности, пріобрѣли еще важнѣйшее въ современной жизни въ качествѣ не только торговаго города, но и крѣпости, защищающей дорогу на Чарджуй и Карши.

Въ настоящее время Керки раздѣляются на двѣ части— русскую и туземную, почти уже слившіяся между собою. Высокій утесъ со дворомъ бухарскаго бека господствуетъ надъ всею окружающей мѣстностью, вдаваясь въ Аму-Дарью и далеко виднѣясь по рѣкѣ.

Для связи Керковъ съ линіей Средне-азіатской желѣзной дороги учреждена была Аму-Дарьинская военная флотилія, которая въ значительной степени помогла устройству Керковъ вначалѣ и дальнѣйшему ихъ развитію потомъ. Нельзя въ то же время не сказать, что флотилія со своими плохими судами и отсутствіемъ порядка вызвала также и много справедливыхъ нареканій, характерно очерченныхъ въ особыхъ куплетахъ, сочиненія талантливаго генерала Христіани, зло подмѣтившаго организаціонные недостатки:

„Два прекрасныхъ парохода
На Дарьѣ мы завели.
Только бѣднымъ нѣтъ имъ хода—
Все стоятъ лишь на мели“...

Сыгравъ свою роль въ мѣстной жизни и способствуя развитію торговли съ Афганистаномъ, въ дальнѣйшемъ флотилія уже не могла удовлетворять возросшему торговому движенію, а потому хотя отчасти Аму-Дарья и остается путемъ для перевозки товаровъ, но все-таки оказывается, что она совершенно не удовлетворяетъ мѣстную жизнь, въ силу чего и появилась мысль о необходимости въ устройствѣ желѣзнодорожной линіи, для соединенія Керковъ съ желѣзнодорожной магистралью. Русскій городъ въ Керкахъ, построенный на земляхъ военнаго вѣдомства, какъ будто остановился въ своемъ развитіи.

— Помилуйте, — жаловался намъ старожилъ,—обидно на чужой землѣ устраиваться. Вотъ, если бы земли, которыми мы фактически владѣли, закрѣпили за нами, мы стали бы строиться. Возьмите для сравненія туземные Керки; тамъ всѣ домовладѣльцы собственники земли, а потому дома растутъ какъ грибы послѣ дождя и въ то же время они постоянно улучшаются. Русская же часть города находится въ совершенно другомъ положеніи.

Жизнь въ Керкахъ бьетъ ключемъ, и городъ, развивая свою торговлю, уже довелъ свои торговые обороты до 10—12 милліоновъ рублей ежегодно, въ силу чего количество торговаго населенія съ каждымъ годомъ все увеличивается.

Длинныя, широкія улицы города унылы и страшно пыльны. Чахлая, вся засыхающая растительность рѣзко бросается въ глаза.

— Однако что же это съ городомъ сдѣлалось, — ворчалъ полковникъ, осматривая улицы,—вѣдь я хорошо помню Керки цвѣтущимъ сплошнымъ садомъ. Мы же здѣсь работали, сажали деревья на улицахъ, разводили скверы и сады, а теперь все сохнетъ и многое уже высохло.

— Что же это вы, разбойники, съ Керками сдѣлали? — обратился онъ сердито къ шедшему намъ навстрѣчу керкинскому старожилу.—Прямо запустѣніе какое-то, а отъ пыли дышать нечѣмъ, и это около самой рѣки, больше версты шириною, гдѣ воды не занимать стать.

— Мы что! мы не при чемъ,—съ недовольной ноткой въ голосѣ отвѣтилъ старожилъ.—Если бы насъ спрашивали. Сами знаете, тифъ здѣсь издавна свилъ себѣ прочное гнѣздо, но причина его никому неизвѣстна. Вотъ и начали мудрить доктора: признали вначалѣ, что вода въ Аму-Дарьѣ, текущая прямо изъ ледниковъ Памира, вредна для питья; ну, запретили пить сырую воду. Потомъ этого мало: обратили вниманіе на арыки, орошавшіе городъ—они источники заразы, засыпать немедленно;—взяли и засыпали. И стала тогда наша растительность чахнуть и засыхать. А тифъ все больше и больше развивался, несмотря на принятыя мѣры и, какъ это ни странно, въ послѣдніе два года, кажется отчаявшись найти средства къ уменьшенію заболѣваемости, махнули на воду рукою и стали снова брать для питья сырую воду изъ Аму-Дарьи и, представьте—совершенно не понятно почему, но тифъ самъ собою прекратился. А жителямъ и казнѣ всѣ продѣланные эксперименты обошлись въ копеечку, да и городъ попалъ въ такое положеніе, что лѣтомъ жить немыслимо отъ пыли и жары.

— Теперь говорятъ будто бы скоро разрѣшатъ снова расчистить арыки, — вступилъ въ разговоръ купецъ, около лавки

котораго мы остановились.—Дѣйствительно, весь городъ погубили безъ всякаго толка. Вѣдь что бы было изъ нашей растительности за эти годы если бы была вода. Въ Термезѣ я недавно былъ, тамъ за 3—4 года уже огромная растительность, а у насъ все пустыри какіе-то и это при нашей жарѣ, доходящей лѣтомъ до 58° по Реомюру.

Туземный базаръ, соединившійся съ русскимъ, сразу подчеркиваетъ, что находишься въ одномъ изъ самыхъ большихъ торговыхъ городовъ Бухары. Масса магазиновъ, складовъ, конторъ такъ и пестрятъ своими вывѣсками по всѣмъ направленіямъ. А въ переулкахъ тутъ же слышатся стукъ и уханіе паровыхъ машинъ на хлопкоочистительныхъ и маслобойныхъ заводахъ, откуда льется вечеромъ свѣтъ электрическихъ лампочекъ, подтверждающій, что городъ въ своемъ культурномъ развитіи наканунѣ полнаго превращенія въ крупный заводско-торговый центръ.

Заглянувъ въ Керки лишь для пополненія своихъ дорожныхъ запасовъ, мы выѣхали вечеромъ дальше, держа направленіе на колодцы Кизилъ-Ча, оставляя культурную полосу вправо и знакомясь попутно съ песчанымъ пространствомъ, примыкающимъ къ Кара-Кумамъ, жизнь которыхъ мало кому изъ русскихъ извѣстна, да и рѣдко кому удавалось заглянуть въ этотъ глухой и пустынный край, о которомъ существуютъ большею частью разспросныя свѣдѣнія, получаемыя отъ прибрежныхъ туркменовъ.

Занявъ въ 1885 году послѣ столкновенія съ афганцами при Кушкѣ Пендинскій оазисъ вмѣстѣ съ Кушкою и Тахтабазаромъ, Россія расширила свои владѣнія до Меручака на рѣкѣ Мургабѣ и, выставивъ войсковой отрядъ въ Керки при опредѣленіи новой русско-афганской границы, получила также всѣ земли отъ Меручака до Басаги; такимъ образомъ всѣ земли между Мервомъ, Кушкою, Чарджуемъ и Басагою оказались включенными въ число русскихъ владѣній, при чемъ въ цѣляхъ разграниченія собственно русской Закаспійской области отъ Бухарскихъ владѣній граница между нами была принята условно съ опредѣленіемъ на востокѣ границъ области до культурной

прибрежной полосы, лежащей по лѣвому берегу Аму-Дарьи и отъ развалинъ Дая-Хатунъ до Басаги.

Въ дѣйствительности это условное разграниченіе между Закаспійской областью и Бухарскимъ Ханствомъ такъ и осталось однимъ лишь звукомъ, такъ какъ въ сущности бухарскія власти какъ до разграниченія, такъ и послѣ него остались полными хозяевами всего этого огромнаго края, имѣющаго въ длину около 300 верстъ при такой же ширинѣ. Въ 1890 году хотя и появился нѣкоторый симптомъ, указывавшій на желаніе начальства Закаспійской области опредѣлить границу съ Бухарою, но ни во что опредѣленное эта попытка не вылилась, если не считать приказа по воен. вѣд. 1890 г. № 72, которымъ вновь были подтверждены прежнія опредѣленія условной границы.

Пребываніе же начальника Мервскаго уѣзда въ далекомъ Мервѣ, а Пяндинскаго пристава въ не менѣе далекомъ Тахтабазарѣ и полная неподвижность лицъ, занимавшихъ эти должности въ отношеніи осмотра земель, врученныхъ въ ихъ завѣдываніе, создали такое положеніе, что власти эти никогда не только не побывали на востокѣ далѣе 20—30 верстъ отъ линіи Мервъ-Кушкинской желѣзной дороги, но не производили осмотровъ и изслѣдованій края, продолжавшаго жить своею прежнею жизнью, подчиняясь своимъ аксакаламъ, мингъ-башамъ и иль-бегамъ, а черезъ нихъ болѣе близкимъ къ нимъ Чарджуйскому и Керкинскому бухарскимъ бекамъ; такимъ образомъ жители фактически превратились въ подданныхъ Бухарскаго Эмира, которому все населеніе этого раіона начало вносить требуемую мѣстными властями подать въ видѣ зякета со скота и барановъ. Положеніе это настолько упрочилось, что бухарскіе беки стали утверждать въ должностяхъ и чинахъ мѣстныхъ родовыхъ аксакаловъ, посылая своихъ сборщиковъ за сборомъ зякета, а также и производя судъ и расправу надъ всѣмъ населеніемъ.

Русскія же власти Закаспійской области, имѣя сношенія черезъ волостныхъ управителей, мало интересовались кочевымъ населеніемъ всего этого края, періодически то появлявшагося на русскихъ земляхъ, то откочевавшихъ за Аму-Дарью и въ

Афганистанъ. И силою вещей они невольно стали признавать это населеніе исключительно бухарскимъ, а земли также бухарскими. Поѣздокъ русскихъ изслѣдователей, за исключеніемъ поѣздки сотника Карякина въ 1892 г. и штабсъ-капитана Крастилевскаго въ 1900 г., совершенно не производилось и въ этомъ отношеніи онѣ даже не признавались необходимыми администраціей области, не считавшей нужнымъ производить изслѣдованія особыми экспедиціями.

Лишь начиная съ 1905 года на этотъ забытый край начали обращать нѣкоторое вниманіе и путемъ посылки особыхъ сборщиковъ подати, такъ называемой потча, установленной въ Закаспійской области со скота, указали бухарскимъ бекамъ, что земли эти принадлежатъ Россіи, а порядокъ, раньше существовавшій, долженъ быть измѣненъ. Но сила привычки велика, а вдобавокъ нарушеніе денежныхъ интересовъ бухарскихъ властей затронуло многихъ прикосновенныхъ лицъ, которыя все-таки продолжали считать земли бухарскими и собирали въ свою очередь подати; въ силу этого и появилось двойственное обложеніе и русскими и бухарскими податями, каковое продолжается отчасти и до настоящаго времени, при чемъ песчаныя пространства подъ самыми стѣнами Керкинской крѣпости нынѣ, вопреки всякихъ правъ, бухарскія власти считаютъ принадлежащими къ Бухарскому Ханству.

— Я много слышалъ про здѣшнюю неурядицу и двоевластіе,—загорилъ полковникъ, выѣзжая изъ Керковъ, но никогда не подозрѣвалъ, что бухарскіе беки такъ крѣпко захватили власть. Можно думать, что въ этомъ случаѣ единственною мѣрою, могущей упорядочить положеніе, будетъ учрежденіе въ Мервскомъ уѣздѣ новой должности Кара-Кумскаго пристава съ назначеніемъ мѣстомъ его жительства Керковъ; отсюда онъ легко можетъ управлять населеніемъ Кара-Кумовъ, наглядно показывая въ то же время, что русскія земли начинаются отъ самыхъ стѣнъ Керкинской крѣпости. И это пребываніе поддержитъ престижъ, поставивъ тутъ же въ бухарскомъ городѣ особую русскую власть надъ туземнымъ населеніемъ въ противовѣсъ бухарскимъ властямъ.

Я невольно согласился съ такимъ проектомъ, имѣющимъ много преимуществъ за собою, хотя въ то же время подумалъ, что уже настала пора для общаго разсмотрѣнія бухарскаго вопроса, признавъ теперь же границами Бухарскаго Ханства Аму-Дарью, а всѣ земли Чарджуйскаго и Керкинскаго бекства, лежащія на лѣвомъ берегу, включивъ въ Закаспійскую область и образовавъ въ ней новый Чарджуйскій уѣздъ изъ двухъ приставствъ—Чарджуйскаго и Керкинскаго.

Культурная полоса Аму-Дарьинскаго побережья имѣетъ ширину отъ 3 до 15 верстъ и повидимому въ далекомъ прошломъ она была несравненно шире, но затѣмъ постепенно подвигавшіеся пески съ сѣвера въ значительной степени ее сузили и въ настоящее время параллельно культурной полосѣ тянется полоса песковъ отъ 10 до 30 верстъ шириною; отсюда песокъ, перегоняемый вѣтромъ, сталъ засыпать обработанныя поля и цѣлые кишлаки, подвигаясь къ ихъ стѣнамъ, а затѣмъ перекатившись погребаетъ многія селенія, при чемъ никакой борьбы съ этимъ зломъ не ведется, въ силу чего культурная полоса какъ бы осуждена на постоянное уменьшеніе и сокращеніе.

За песчаными барханами начинается снова унылая картина Кара-Кумовъ. Заросли гребенщика чередуются съ степнымъ ковылемъ, и небольшіе солончаки разнообразятъ однотонный желтовато-черный колоритъ мѣстности. Всю береговую полосу занимаютъ туркмены племенъ эрсари, лебабли, аліели, переселившіеся въ далекомъ прошломъ изъ Закаспійской области и изъ Хивы. Занимаясь земледѣліемъ, они въ то же время остаются скотоводами, имѣя огромныя стада барановъ, которые находятъ себѣ питаніе на Кара-Кумской равнинѣ. Но большая часть туркменъ, родственныхъ родамъ мервскимъ, занимается исключительно овцеводствомъ и живетъ въ самыхъ Кара-Кумахъ на многочисленныхъ колодцахъ, разбросанныхъ по равнинѣ. Та пустынность Кара-Кумовъ, которая существуетъ въ нашемъ представленіи по незнанію, далека отъ дѣйствительности.

Проходя отъ границъ Афганистана, тянутся черезъ Кара-Кумы до самыхъ хивинскихъ владѣній нѣсколько линій колодцевъ, по которымъ почти круглый годъ совершается безпре-

рывное движеніе каравановъ, везущихъ въ далекую Хиву товары изъ Афганистана, не оплачиваемые пошлиною въ Керкинской таможнѣ. Вьючныя дороги, проходящія по этимъ колодцамъ, хорошо знакомы мѣстнымъ туркменамъ, ведущимъ торговлю. Помимо колодцевъ во многихъ мѣстахъ устроены населеніемъ каки, дающіе возможность жить около нихъ круглый годъ, и благодаря этому постоянное населеніе Кара-Кумовъ довольно многочисленно.

Нѣсколько кибитокъ, поставленныхъ другъ отъ друга на сравнительно большомъ разстояніи, вырисовываются издали на бугрѣ — это кол. Кизилъ-Ча.

Утомленные переѣздомъ черезъ барханы, мы съ наслажденіемъ слѣзаемъ съ лошадей и ложимся на кошмѣ подъ гостепріимнымъ кровомъ кибитки. Дымъ монгала ѣстъ глаза и затрудняетъ дыханіе, но монгалъ даетъ тепло, и невольно миришься съ его недостатками.

Нѣсколько туркменъ, увидѣвъ пріѣздъ урусовъ, понемногу собираются и, располагаясь на землѣ у входа въ кибитку, сосредоточенно, молча, разсматриваютъ незванныхъ гостей. Тутъ же вертятся дѣти.

Увѣренно ступая своими крѣпкими, мускулистыми ногами и смѣло смотря прямо въ глаза, останавливаются сзади сидящихъ туркменки, пристально разсматривая насъ и тутъ же вслухъ дѣлясь между собою своими наблюденіями. У нѣкоторыхъ изъ туркменъ на поясахъ висятъ кривыя шашки-клынчи, вызывающія невольно къ себѣ наше вниманіе.

— Зачѣмъ это у нихъ оружіе?—задаю я вопросъ сѣдобородому почтенному туркмену, видимо старшему въ кочевкѣ.

— Безъ него, бояръ, нельзя, — словоохотливо отвѣчаетъ онъ.—Здѣсь у насъ много дурныхъ людей. Ночь спокойно не проходитъ, чтобы не подбирались къ баранамъ и верблюдамъ. То люди съ берега крадутся, то прибѣгаютъ черезъ равнину мервцы или андхойцы. Чуть кто плохо караулитъ — пропало стадо. Хорошихъ собакъ держимъ, сами караулимъ, а все-таки за всѣмъ не доглядишь. Весной большой аламанъ прибѣгалъ къ намъ и у многихъ барановъ отбили. Люди говорятъ, что

Керкинскій бекъ ихъ посылалъ. Не могли мы никого поймать, и пропали бараны.

— А вы бы жаловались властямъ, — посовѣтовалъ я, не подумавъ.

— Кому же, бояръ? урусъ уѣздный начальникъ далеко въ Мервѣ, а Керкинскій бекъ сторону воровъ держать будетъ. Нѣтъ, бояръ, мы лучше сами расправляемся, когда поймаемъ воровъ.

— Что же съ ними дѣлаете? Какое наказаніе имъ по вашему адату?

— Мы, бояръ, ихъ всегда, поймавши, соленой водой поимъ. Возьмемъ горсть соли, разведемъ ее въ піалѣ[1]) и заставимъ выпить, потомъ еще и еще. Четыре - пять піаловъ такихъ въ него вольемъ и потомъ пускаемъ. Идетъ такой воръ часъ, два, а потомъ солится начнетъ: пройдетъ у него соль по всѣмъ жиламъ и загорится кровь. Мучаетъ его жажда, а нѣту нигдѣ воды. Бѣшенымъ такой воръ становится и умираетъ черезъ нѣсколько часовъ, какъ дурная собака. А если попадется изъ своихъ родовъ, тому уши, носъ рѣжемъ, чтобы помнилъ.

У насъ, бояръ, свой адатъ Кара-Кумскій, степной. Живемъ, какъ отцы наши жили, такъ и мы. Аллахъ Милосердный терпитъ, а никакого начальства мы не видимъ. Сами по себѣ живемъ. Чего у насъ нѣтъ—муки, рисъ покупаемъ въ Пальвартѣ, куда наши люди ѣздятъ на базары. Иногда и въ Керки ѣздимъ, но только рѣдко: тамъ бекскіе люди обижаютъ, а жаловаться некому—бекъ ихъ сторону всегда держитъ. Мясо, катыкъ, шерсть, все свое. Можно жить и Аллаха благодарить.

— А много у васъ барановъ?

Старикъ усмѣхнулся, на минуту задумавшись.

— Должно быть много, бояръ, но только кто вѣрно знаетъ.— У богатаго—люди говорятъ много—онъ думаетъ у него много. А сколько—мы записей не ведемъ и писать не умѣемъ. На пескѣ запишешь—вѣтеръ замететъ. Въ памяти держимъ послѣ того, какъ пачъ и зякетъ платимъ; только тогда считаемъ, но только это не каждый годъ.

---

[1]) Піала—чашка.

XV.

Меня въ особенности интересовало, нѣтъ ли гдѣ на обширной Кара-Кумской равнинѣ остатковъ прежней жизни отъ того далекаго времени, когда вся мѣстность, начиная отъ Мерва и до Керковъ и Чарджуя была покрыта засѣянными полями.

— Ата (отецъ) навѣрное знаетъ всѣ Кара-Кумы?

— Да, я былъ въ нихъ вездѣ и нѣтъ такого мѣста, куда бы не ступали ноги моихъ верблюдовъ и барановъ. Много зимъ прошло и онѣ запушили бѣлымъ снѣгомъ мои волосы на бородѣ и головѣ.

— Если такъ, ата, то не знаешь ли ты гдѣ-нибудь развалинъ старыхъ городовъ, крѣпостей и вообще мѣстъ, гдѣ люди давно жили въ Кара-Кумахъ?

— О, бояръ, это каждый изъ насъ знаетъ, не я одинъ. Было время, когда воды быстраго Балха проходили черезъ всѣ Кара-Кумы и тогда вездѣ здѣсь была жизнь, какъ и на побережьи Дарьи. Мнѣ мой дѣдъ разсказывалъ, а онъ умеръ уже очень давно, когда я былъ еще такимъ баранчукомъ,—указалъ онъ рукою на мальчика 10—12 лѣтъ.—Онъ говорилъ, что во время его молодости отъ Керковъ до Мерва пшеница росла на поляхъ, которыя тянулись безпрерывно черезъ всѣ Кара-Кумы. Теперь отъ этихъ полей остались одни лишь старые арыки, перерѣзающіе равнину, да и они въ значительной степени занесены песками. За Какъ-Аладегляромъ лежатъ развалины стараго обширнаго города; другой городъ по направленію Тарашена, и оба они вмѣщали много людей. Окруженные высокими стѣнами, разрушенными нынѣ вѣтрами и дождями, виднѣются древнія мечети жженаго кирпича, караванъ-сараи и дворцы прежнихъ хановъ, но лишь скорпіоны, фаланги да летучія мыши живутъ теперь въ нихъ, а люди объѣзжаютъ эти мѣста потому, что тѣни умершихъ, витающія надъ городами, мѣшаютъ жить и пугаютъ живыхъ.

— А далеко до этихъ городовъ?

— Два - три дня пути, бояръ. Но только трудно туда итти, такъ какъ колодцы неисправны и воды въ нихъ мало. Еще есть

старыя калы и города въ другихъ мѣстахъ по Кара-Кумамъ. Иные имѣютъ названія, а имена другихъ уже давно забыты, но никто изъ самыхъ старыхъ людей не помнитъ, кто въ нихъ жилъ. Можетъ еще построены они въ то время, когда по всей странѣ ходили войска Искандера.

Большой черный баранъ, давно привезенный откуда-то изъ-за холмовъ, стоялъ около, ожидая своей участи. Двое подростковъ, быстро отведя его въ сторону и зарѣзавъ, принялись сдирать съ него кожу. Высокая молодая туркменка начала имъ помогать, весело смѣясь и дѣлясь съ юношами впечатлѣніями, повидимому вынесенными изъ внимательнаго осмотра нашихъ персонъ.

Костеръ, разведенный подъ чугуннымъ большимъ котломъ, страшно дымилъ, благодаря массѣ кизяку, замѣнявшему дрова. Наливъ на большую сковороду воды и прибавляя постепенно въ нее муки, туркменка замѣсила довольно жидкое тѣсто, а затѣмъ, опрокинувъ на угли другой котелъ, на полукруглой его поверхности стала печь темныя лепешки, распространявшія аппетитный запахъ печенаго хлѣба, хотя выглядѣвшія не особенно презентабельно. Рисъ, насыпанный въ растопленное курдючное сало, скоро сварился. Рядомъ на другомъ кострѣ шипѣлъ и бурлилъ другой котелъ съ положенными въ него огромными кусками баранины, лукомъ и морковью, варившимися вмѣстѣ съ какими-то желтоватыми пряными кореньями.

Присѣвъ кружкомъ около котла и черпая изъ него большими чашками супъ, называемый по-туркменски шурпою, мы утоляли свой голодъ, не чувствуя даже соленовато-горькаго привкуса воды. Баранина была бѣла и душиста, и всѣ ѣли до тѣхъ поръ, пока рѣшительно ничего, кромѣ обглоданныхъ костей, отъ цѣлаго барана не осталось. Очередь наступила за пловомъ, который красивою огромною бѣлою горою возвышался на мѣдномъ подносѣ. Прибѣгая къ помощи пальцевъ, туркмены быстро справились и съ этимъ кушаніемъ. Пиръ, устроенный въ честь почетныхъ гостей, приходилъ къ концу. Лица всѣхъ сдѣлались сонливыми, и черезъ полчаса вялаго разговора въ кибиткѣ слышалось громкое храпѣніе крѣпко спавшихъ сытыхъ людей.

По дорогѣ къ Чекурчи масса различной птицы виднѣлась около небольшой ямы, берега которой поросли камышемъ. Крики гусей, журавлей смѣшивались съ кряканіемъ утокъ. Видимо огромныя стаи остановились здѣсь для отдыха на перелетѣ, завидя небольшое пространство воды на равнинѣ.

Вооружившись длиннымъ фитильнымъ ружьемъ, заряжаемымъ пулей небольшого калибра, поползъ на ближайшій пригорокъ одинъ туркменъ и, разставивъ сошки, на которыя упирался длинный стволъ, долго цѣлился въ стаю. Тихо, будто щелканіе орѣха, пронесся звукъ выстрѣла, и, хлопая крыльями, поднялась часть стаи, но почти сейчасъ же опустилась на прежнее мѣсто, давъ возможность снова зарядить ружье нѣсколько разъ. Еще и еще трещали звуки выстрѣловъ, пока наконецъ всѣ стаи поднялись на воздухъ и, описавъ два-три круга, унеслись въ даль. Штукъ пятокъ подбитой птицы сидѣло и лежало около ямы.

Вся дѣтвора, съ интересомъ наблюдавшая за стрѣлкомъ, перегоняя другъ друга, кинулась къ ямѣ, толкаясь и оглашая окрестности веселыми криками.

Старикъ туркменъ усмѣхнулся, глядя на это неподдѣльное оживленіе.

— Иногда у насъ въ Кара-Кумахъ, когда наступаютъ сильные дожди, а потомъ разомъ задуетъ сѣверный вѣтеръ и принесетъ ледяной холодъ, начинается настоящая охота; степная птица—дрофа ходитъ въ это время огромными стадами. Дожди смочатъ ихъ перья, а морозъ ихъ скуетъ вмѣстѣ, и тогда цѣлыя стада можно перебить, догоняя верхомъ и убивая палками. Даже и дикіе гуси попадаютъ въ такое же положеніе. Въ этихъ случаяхъ наша молодежь много скачетъ и веселится.

— Теперь уже скоро погода измѣнится, такъ какъ вонъ появились на сѣверѣ облака.

Дѣйствительно, къ вечеру подулъ холодный вѣтеръ и застучали крупныя капли дождя.

Въ обложенной снизу землею войлочной кибиткѣ было тепло. Разведенный посерединѣ на полу костеръ дымилъ порядочно и лишь небольшая часть дыма уходила въ отверстіе, устроенное въ крышѣ кибитки.

Порою вѣтеръ, завертѣвшись надъ кибиткою, врывался въ середину, раздувая пламя костра.

Въ кибитку набралось много народа. Сидя у стѣнъ прямо на землѣ и тѣсно прижавшись другъ къ другу, при колеблещемся свѣтѣ костра виднѣлись сѣдобородыя и молодыя лица, съ большимъ вниманіемъ слѣдившія за каждымъ нашимъ движеніемъ и прислушивавшіяся къ разговорамъ.

— Когда же у васъ ложатся спать, аксакалъ?

— Спать, тюра, ложатся всегда послѣ ѣды, но долгія осеннія ночи мы любимъ сидѣть и слушать разсказы о томъ, какъ живутъ другіе люди и жили наши дѣды на здѣшнихъ равнинахъ. Молодежь научается примѣрами какъ надо жить, а старики вспоминаютъ свою жизнь и дни молодости, когда и они были юношами.

— Вотъ если хочешь, бояръ, старый Анна-Хошъ-Батырь разскажетъ про свою молодость,—указалъ онъ на бѣлобородаго старика, устало смотрѣвшаго изъ-подъ косматыхъ нахмуренныхъ бровей.

— Старый Анна-Хошъ-Батырь много видѣлъ; онъ, бояръ, еще самъ аламаны водилъ и во многихъ аламанахъ бывалъ, и въ Хорасанѣ, и Хаздоранѣ, и дальше за горами Бенди-Туркестана въ Афганистанѣ.

Старикъ, видимо польщенный словами аксакала, съ важностью погладилъ свою сѣдую бороду.

— Да, бояръ, много зимъ видѣли мои старые глаза, и я помню хорошо, какъ протекала моя молодость и половина жизни.

Много тогда было храбрыхъ батырей, и лишь весну и лѣто проводили они у своихъ кибитокъ; но какъ только наставала осень, поднимались они и, собравшись вмѣстѣ подъ начальствомъ самаго опытнаго и смѣлаго, шли въ аламанъ.

На быстроногихъ коняхъ своихъ переносились они черезъ равнины и какъ снѣгъ на голову нападали на персидскія богатыя селенья. И тогда, бояръ, сердца воиновъ бились отвагою.

Тихо ночною порою подходили мы со всѣхъ сторонъ къ кишлакамъ и ждали установленнаго знака. Окончивъ свои по-

левыя работы и промѣнявъ хлѣбъ на золото и ковры и матеріи, проводили время персы, не ожидая бѣды. Собравшись около сакль, веселились они, слушая музыкантовъ и любуясь пляскою бачей. Еще болѣе веселились женщины, щебеча какъ птицы и любуясь своими нарядами и другъ другомъ.

А мы, какъ тигры, крались тихо-тихо, подползая все ближе и ближе, держа въ зубахъ ножи и сжимая руками рукоятки острыхъ клынчей.

Ахъ, тюра, какъ весело было тогда на душѣ у каждаго и каждый изъ темноты уже заранѣе высматривалъ себѣ кто крѣпкаго раба, а кто и дѣвушку съ огненными глазами. Громко вдругъ раздавался выстрѣлъ, означавшій знакъ нападенія.

Будто стая испуганныхъ куропатокъ, начинали метаться съ криками ужаса молодыя дѣвушки и женщины. А мужчины быстро хватались за сабли и ружья и встрѣчали насъ, отбиваясь отъ нападенія. Грудь съ грудью, скрежеща зубами, сходились враги и бились до тѣхъ поръ, пока острая сталь ножа не перерѣзала горло или стальная полоса шашки свистя не скосила головы съ плечъ. Кровь лилась вездѣ вокругъ. Но храбрые получали награду. Не могли селяне, не привыкшіе къ оружію, бороться съ воинами, всю свою жизнь рубившимися въ бояхъ. Падали они на землю, какъ спѣлые колосья, подрѣзанные серпами. А тѣ, у кого билось въ груди заячье сердце, бросали свое оружіе и падали на колѣни, прося пощады.

И захвативъ ихъ всѣхъ, связавъ парами на арканы, мы потомъ отходили, взявъ ихъ, женщинъ и дѣвушекъ и, подѣливъ между собою, мы сами себѣ давали награду за храбрость.

Я уже старикъ, бояръ, а до сихъ поръ мнѣ не забыть этихъ веселыхъ ночей.

Собравъ все взятое имущество, нагрузивъ его на верблюдовъ и посадивъ сверху всего красивыхъ дѣвушекъ, мы быстро уходили въ свои степи. А вокругъ привязанные на арканахъ бѣжали наши рабы и шли стада барановъ, взятые нами съ бою. И шли мы всегда къ Чарджую, гдѣ на базарахъ продавали за золотыя тилля и дѣвушекъ, и рабовъ, и барановъ, и верблюдовъ.

Ахъ, тюра, ты видѣлъ зарево пожаровъ, видѣлъ моря огня? Они красивы, но еще красивѣе и радуетъ сердце храбрыхъ, когда видишь страхъ бѣгущихъ враговъ и сквозь клубы дыма ихъ горящіе дома.

Я уже старъ, тюра, но если бы кто кликнулъ кличъ, я сѣлъ бы на коня и снова кинулся бы въ бой, чтобы умереть смертію храбрыхъ, какъ умирали наши отцы и дѣды.

— Какъ странно: въ этихъ мѣстахъ мы уже второй разъ слышимъ такія воспоминанія о прежней вольной жизни, о набѣгахъ и стычкахъ. Видно слишкомъ глубоко пустили корни старые взгляды и понятія.

— Ну, это навѣрное только у стариковъ, помнящихъ тѣ условія жизни.

— Да, бояръ, наши молодые, конечно уже не такіе, какъ мы; они родились и выросли среди тишины долгаго мира,— подтвердилъ аксакалъ.

— Разумѣется, они кромѣ своихъ стадъ ничего не знали и не видѣли, кочуя по равнинамъ каракумскимъ.

Переходъ до Какъ-Аладегляра вначалѣ былъ такимъ же тяжелымъ, а по виду мѣстность передъ глазами тянулась все та же — однообразная равнина съ рѣдкими зарослями гребенщика, но, пройдя верстъ около двадцати, съ лѣвой стороны на горизонтѣ показалась какая-то сѣрая сплошная линія.

— Что это такое виднѣется? — сталъ всматриваться полковникъ.

— Это, тюра, лѣсъ. Онъ тянется на большомъ пространствѣ песковъ и росъ много-много долгихъ лѣтъ, пока выросъ такимъ высокимъ и густымъ.

— Какъ лѣсъ?—удивился я, совершенно не будучи въ состояніи понять, какъ можетъ рости лѣсъ на безводныхъ пескахъ.

— Да, тюра, это заросли саксаула...

Я вспомнилъ интересное средне-азіатское дерево, растущее на пескахъ крайне медленно и достигающее чуть не въ теченіе столѣтія роста двухъ-трехъ аршинъ. Твердое какъ желѣзо, плотное и тяжелое какъ камень, оно имѣетъ видъ безлиственныхъ, сѣраго цвѣта сучковатыхъ стволовъ, оканчиваю-

щихся на макушкахъ зеленоватыми кисточками, похожими на хвои. Общій видъ саксаула страшно напоминалъ олени рога огромнаго размѣра, торчащіе прямо изъ земли. Дерево по своему строенію отличается поразительной твердостью и никакой топоръ не въ состояніи его разрубить, а въ то же время оно разбивается на куски при сильномъ ударѣ плашмя.

— Для меня знакомую картину представляетъ этотъ лѣсъ,— сказалъ полковникъ, всматриваясь въ деревья.

— Еще когда на Хиву ходили, да въ другихъ мѣстахъ и около Ташкента и въ Кизилъ-Кумахъ, прежде были громадныя заросли, но потомъ, съ проведеніемъ линіи желѣзной дороги, появилась огромная потребность въ топливѣ, и въ короткое время эти лѣса были вырублены и проданы подрядчикамъ на линію. Какъ-то страшно безтолково погибло такое богатство, которымъ могли бы пользоваться несравненно большее время при нѣкоторой системѣ. Слишкомъ уже хищнически распорядились саксаульными зарослями, и теперь ихъ осталось сравнительно очень немного. Надо думать, что управленіе земледѣлія и государственныхъ имуществъ приметъ мѣры къ наблюденію за ними и къ правильной эксплоатаціи ихъ.

Навѣрное здѣсь только потому, что далеко отъ желѣзной дороги и городовъ, могли уцѣлѣть эти заросли. Туркмены вырубаютъ для своей надобности и для выжига угля на монгалы не особенно много, въ силу чего онъ и успѣваетъ выростать, достигая полной своей величины.

— Мнѣ вспомнился къ названію саксаулъ, крайне характерный анекдотъ, рисующій полное отсутствіе знанія туземныхъ названій у назначаемыхъ въ край представителей высшей администраціи. Разыгрался онъ съ покойнымъ генераломъ Духовскимъ, получившимъ назначеніе въ Туркестанъ изъ Приамурья и имѣвшимъ о новомъ краѣ самое смутное представленіе. Ѣхалъ онъ первый разъ по всѣмъ областямъ съ большой свитой.

Представлялись вездѣ ему почетные туземцы старики-аксакалы, называемые такъ по своимъ бѣлымъ бородамъ; „акъ“ вѣдь—бѣлый, „сакалъ“—борода; въ подстрочномъ переводѣ будетъ—„бѣлобородые“. Затѣмъ во многихъ мѣстахъ на стан-

ціяхъ желѣзной дороги видѣлъ онъ сложенныя оригинальныя по виду сѣрыя дрова—саксаулъ.

Интересуясь всѣмъ, спрашивалъ онъ, разумѣется, какъ все называется, и сталъ твердить, стараясь запомнить: аксакалъ— бѣлобородый, саксаулъ — дрова. Потомъ, вѣроятно, все это у него въ памяти перепуталось; пріѣзжаетъ онъ въ одинъ кишлакъ, видитъ—собрались старики; вздумалось ему тогда удивить ихъ знаніемъ туземнаго слова, подошелъ онъ къ нимъ съ привѣтливостью и говоритъ: „здравствуйте, саксаулы“.

А немного времени спустя, въ разговорѣ съ кѣмъ-то изъ свиты, жена его стала просить ей напомнить, какъ зовутся дрова, и онъ совершенно серьезно ей замѣтилъ:

— Какъ тебѣ не стыдно забывать слова, которыя повторяли десятокъ разъ; ну, разумѣется, ихъ зовутъ—аксакалами...

Старое русло рѣки Балха или какого-либо древняго протока Аму-Дарьи виднѣлось мѣстами довольно ясно, образуя глубокія впадины, весной и осенью послѣ дождей наполняющіяся водою, а съ наступленіемъ лѣтнихъ жаровъ быстро пересыхающія. Кое-гдѣ можно было опредѣлить помимо направленія на юго-западъ еще и другое—съ востока на западъ, что подтверждало предположеніе, что когда-то Аму-Дарья протекала въ низменности немного выше Мерва.

Какъ-Аладегляръ устроенъ въ одной изъ впадинъ, сохраняющихъ въ себѣ воду все лѣто почти до поздней осени, вслѣдствіе чего около него, какъ около удобнаго мѣста для жилья, поставлено нѣсколько кибитокъ.

— У насъ, бояръ, весною рай. Вся равнина превращается въ зеленое пастбище, покрытое цвѣтами, и тогда здѣсь такъ много людей со своими стадами, что вся степь покрывается кибитками, и караваны изъ Афганистана въ Хиву проходятъ будто по широкой улицѣ,—такъ разсказывалъ намъ одинъ изъ туркменъ.

— Кого-кого тутъ нѣтъ: проходятъ и узбеки изъ Афганистана, и солоры изъ Пенде, и текинцы изъ Мерва, и туркмены изъ Чарджуя, и хивинцы изъ далекой Хивы. Здѣсь встрѣчаются люди каждую весну изъ разныхъ мѣстъ, но каждое племя живетъ отдѣльно и если вступаютъ въ браки, то только

между лицами однихъ родовъ, не смѣшиваясь съ другими. Разумѣется, бываетъ, что молодые люди выкрадываютъ невѣсту и изъ другого рода. Темная ночь и обоюдное согласіе лучшіе помощники въ такихъ дѣлахъ.

Соберетъ такой молодецъ на всякій случай еще нѣсколько своихъ друзей сверстниковъ и тогда выкрадываетъ понравившуюся ему дѣвушку, приблизившись къ ея аулу; затѣмъ, сѣвъ на коней, несутся къ своимъ, запутывая и сбивая слѣды. Узнаютъ родные и кидаются тогда въ погоню. Если нагонятъ, то большая драка бываетъ, даже и убійства случаются. Ну, а потомъ старики съ казіемъ разберутъ и приговорятъ къ штрафу, который и уплачиваетъ женихъ. Старики эти похищенія не любятъ, а молодежь не прочь поскакать и умчать дѣвушку для товарища.

Все это наши старые обычаи и разбираемся мы во всѣхъ своихъ дѣлахъ по нашему же степному адату-обычаю, безъ всякихъ судовъ.

Только вотъ человѣка убить не хорошо, а остальныя дѣла очень дурными не считаются. Каждый провиниться можетъ. Судьба и шайтанъ сильны.

XVI.

Темныя тучи низко нависли, закрывая собою все небо. Холодный и рѣзкій вѣтеръ дулъ порывами. День былъ сѣрый, и послѣ яркихъ солнечныхъ мѣсяцевъ сразу чувствовалось, что наступаетъ уже осень. Крупныя капли дождя падали порою, какъ будто извѣщая о началѣ дождливаго времени. Съ утра уже нѣсколько разъ начиналъ итти этотъ рѣдкій, но крупный дождь и къ полудню разомъ, какъ сквозь частое сито, безостановочно пошелъ мелкій осенній дождь, закрывая вокругъ весь горизонтъ. Мы закутались въ бурки, а туркмены, вынувъ изъ вьюковъ, надѣли коричневые изъ грубаго сукна халаты. Невольно всѣ какъ-то съежились и потеряли расположеніе духа. Лошади, поджимаясь, ступали по размокнувшей глинѣ, скользя и порою оступаясь.

Попавшееся намъ навстрѣчу стадо барановъ тѣсно столпилось вмѣстѣ и, опустивъ головы внутрь, стояло плотною, компактною массою. Нѣсколько человѣкъ, укрывшись какимъ-то тряпьемъ, лежали въ сторонѣ, и лишь собаки-овчарки сторожили стадо, веселымъ лаемъ оглашая окрестности при нашемъ пріѣздѣ.

Приходилось ѣхать крайне медленно по распустившейся почвѣ, шагъ за шагомъ, и поэтому, чтобы скоротать длинную дорогу, можно было заняться разговорами.

Жизнь туркменскихъ племенъ—этихъ дѣтей пустыни—до крайности меня интересовала, а потому, пользуясь временемъ, я обратился къ полковнику за разъясненіями, зная, что онъ, какъ старый туркестанецъ, прожившій въ немъ больше 40 лѣтъ, долго изучалъ обычаи и нравы туземцевъ.

Старикъ былъ въ разговорчивомъ настроеніи и поэтому, охотно отозвавшись на мой вопросъ, сейчасъ же началъ объяснять все для меня непонятное, порою обращаясь къ туркменамъ и получая отъ нихъ подтвержденіе; затѣмъ уже въ последовательномъ порядкѣ сталъ знакомить меня съ жизнью и понятіями жителей Кара-Кумовъ.

— Адатъ, о которомъ упоминали уже нѣсколько разъ наши туркмены, это обычное право, обнимающее всю жизнь туркмена и являющееся правилами, выработанными каждымъ племенемъ особо, сохраняясь въ памяти народной путемъ устной передачи. Многіе взгляды у всѣхъ туркменскихъ племенъ общіе, но на нѣкоторыя явленія каждое племя имѣетъ свои правила. По адату въ бракъ могутъ вступить юноша 15 лѣтъ и дѣвушка 12 лѣтъ, при чемъ женихъ уплачиваетъ родителямъ невѣсты калымъ. Обыкновенно къ родителямъ невѣсты пріѣзжаютъ сваты изъ почетныхъ родственниковъ со стороны жениха и въ случаѣ согласія вырабатываютъ размѣръ калыма и назначаютъ день свадьбы. Въ этотъ день женихъ въ сопровожденіи 5 женщинъ и 25—30 мужчинъ пріѣзжаетъ къ аулу для притворнаго похищенія своей невѣсты. Замѣтивъ подъѣзжающую толпу, родственники невѣсты ее прячутъ и отбиваются, и тогда разыгрывается сцена похищенія и погони, иногда кончающаяся въ

азартѣ основательной потасовкою. Обрядъ брака совершается муллою въ присутствіи брачущихся и трехъ свидѣтелей, при чемъ должно быть обязательно высказано обоими вступающими въ бракъ добровольное на него согласіе.

Разводъ же производится лишь произнесеніемъ мужемъ словъ „я далъ тебѣ разводъ“, послѣ чего жена еще три мѣсяца должна жить въ домѣ мужа, а затѣмъ она свободна. При прелюбодѣяніи адатъ разрѣшаетъ мужьямъ и отцамъ безнаказанно убивать уличенныхъ въ этомъ женъ и дочерей и ихъ любовниковъ, равно какъ изнасилованная женщина или дѣвушка имѣетъ право убить своего оскорбителя. За обыкновенное убійство установлена кровавая месть, но обычай разрѣшаетъ уплату денежнаго штрафа по соглашенію, что практикуется при нанесеніи увѣчій, кражахъ и т. п. Обвиняемый при совершеніи преступленія можетъ представить двухъ почетныхъ людей, которые принимаютъ присягу, что считаютъ его невиновнымъ, и тогда онъ освобождается отъ наказанія. Такая присяга считается очистительной и вполнѣ достаточной.

— Обыкновенно, тюра, теперь мы ѣздимъ судиться по большимъ дѣламъ къ казіямъ и бекамъ въ Чарджуй или Керки, а по маленькимъ разбираютъ наши старики, — подтвердилъ одинъ изъ туркменъ на вопросъ, кто же рѣшаетъ ихъ дѣла.

— Еще амлякдары, если къ нимъ обращаются люди, также разбираютъ, но только судятъ они плохо: и казіи, и беки, и амлякдары больше о себѣ и о своей выгодѣ заботятся: если что случится, такъ они со всего рода штрафъ въ свою пользу берутъ. Только справедливыхъ людей мало, а мудрыхъ можно встрѣтить за всю жизнь не больше одного,—такъ они рѣдки. Мнѣ одинъ старикъ разсказывалъ про мудреца такую сказку, что видно и въ старину ихъ нельзя было встрѣтить каждый день.

— Что же это за сказка? Разскажи, пожалуйста. Я очень люблю слушать сказки, да и дорога не будетъ казаться такою длинною.

— Эту сказку, бояръ, знаютъ всѣ люди, кто слушалъ разсказы стариковъ сказочниковъ, разсказывающихъ про далекую старину. Если желаешь—я разскажу, мнѣ не трудно!

— Давно, очень давно, около Бухары жилъ старый Азратъ-Кулъ-Бай со своею старою женою. Жили они одни, такъ какъ, несмотря на ихъ просьбы, Аллахъ не давалъ имъ дѣтей, а старикъ, жалѣя свою старую жену, съ которой прожилъ пятьдесятъ зимъ, не хотѣлъ брать себѣ молодую жену. Каждый день творили они намазы и не было часа, когда мысленно не просили Аллаха дать имъ радость и продолжить ихъ потомство.

И сжалился надъ ними Милосердный. Родила старая жена сына, на утѣшеніе и радость старика. Но видно не было уже силъ у стариковъ—родился ребенокъ слабый, хилый и маленькій, не больше какъ крыса. Стало грустно на сердцѣ у стариковъ, опечалилъ ихъ видъ перворожденнаго сына. Хотя скоро они утѣшились мыслью, что и въ слабомъ тѣлѣ живетъ иногда сильная душа, а сынъ все же можетъ продолжить ихъ родъ. Рѣшилъ старый Бай на радостяхъ сдѣлать большой праздникъ, отпраздновавъ рожденіе первенца, котораго назвали Азгина, что значитъ маленькій, потому что онъ былъ малъ, меньше всѣхъ дѣтей. Большой той [1]) сдѣлалъ Бай; можетъ пятьсотъ барановъ и сотню верблюдовъ зарѣзали для гостей, собравшихся отовсюду. Цѣлые огромные котлы жирнаго плова, шурпы и ковардаку было разставлено на большой равнинѣ. Горы чуреков лежали во всѣхъ мѣстахъ и ѣли всѣ и веселились дважды семь дней.

Уже къ концу приближался богатый той и по обычаю вынесли показать гостямъ новорожденнаго и каждый, творя молитву, отъ души желалъ вновь появившемуся на свѣтъ Божій человѣку всякаго счастія и благополучія. И въ то время надъ народомъ высоко въ воздухѣ пролетѣла райская птица Хума, блестя какъ драгоцѣнными камнями своими яркими перьями, отливавшими всѣми цвѣтами радуги на солнцѣ. И задержалась она на минуту въ своемъ полетѣ, замѣтивъ красивую колыбель новорожденнаго.

— Хотя и свѣтлы были крылья Хумы, но минуты было достаточно, чтобы закрыть лучи солнца и бросить темную тѣнь

[1]) Той—праздникъ.

на голову ребенка. И всѣ старые люди сразу увидѣли въ этомъ счастливое предзнаменованіе, указывавшее, что судьба будетъ милостива къ нему, такъ какъ его осѣнили крылья райской птицы, приносящей людямъ счастье.

Много лѣтъ уже прошло съ рожденія Азгина-Бай-Бача, а онъ росъ настолько мало, что продолжалъ быть почти такимъ же маленькимъ какъ прежде, хотя въ то же время всѣ люди удивлялись его большому уму, по которому онъ равнялся взрослымъ, и съ каждымъ днемъ слава о немъ разносилась все дальше и дальше, такъ какъ не только люди на базарахъ, но и птицы разносили о немъ славу по всѣмъ городамъ и кишлакамъ Благородной Бухары. Стали приходить къ нему простые кишлакъ-адамы [1]) за совѣтами, присылали и баи и ханы затѣмъ же, и наконецъ дошла слава о его мудрости до самого повелителя Бухары—Великаго Эмира. Услышалъ онъ о немъ отъ своихъ женъ и захотѣлъ увидѣть Азгина-Бай-Бачу. Тогда сейчасъ же поскакали джигиты на быстрыхъ коняхъ и привезли во дворецъ Эмира мудреца.

Понравился сразу Бай-Бача Эмиру такъ, что не захотѣлъ онъ его отпускать отъ себя и приказалъ жить во дворцѣ, куда и пріѣхали его родители.

Долго прожилъ Бай-Бача при Эмирѣ въ почетѣ на радость своимъ старикамъ. Отличалъ Эмиръ его передъ другими, одаривая подарками и ведя съ нимъ долгіе разговоры. Но люди завистливы и поэтому Эмиру нашептывали въ уши, что Бай-Бача ужъ не такъ мудръ, какъ говорятъ. Не вѣрилъ Эмиръ сначала, но потомъ сталъ колебаться и, чтобы узнать истину, рѣшилъ сдѣлать ему испытаніе.

Собрались ученые люди-казіи, ишаны и улемы. Долго думали и придумали разсказать Бай-Бачѣ одну исторію, чтобы онъ разсудилъ правильно, если Милосердный дѣйствительно отмѣтилъ его мудростью.

И заговорилъ тогда самъ Великій Эмиръ.

— Давно, очень давно въ далекой землѣ на полудень, въ самомъ отдаленномъ царствѣ жила дочь хана, такая красавица,

[1]) Кишлакъ-адамъ—поселянинъ.

что каждый, кто ее видѣлъ, уже не могъ сдержать своего сердца и сейчасъ же въ нее влюблялся. Она была прекрасна, какъ небесная хури. И слава о ея красотѣ разносилась далеко по всему свѣту. Услышали о ней три сосѣднихъ повелителя, три эмира, и въ одинъ день и часъ съ огромными свитами прiѣхали къ ней и, тотчасъ же влюбившись, стали ее просить выйти за нихъ замужъ. Красивы были всѣ молодые эмиры, и никого не хотѣла обидѣть ханша, а поэтому и сказала:

— Всѣ вы красивы, храбрые эмиры, и не могу я ни одному изъ васъ дать предпочтенiе передъ другими. Но сдѣлаемъ такъ: летите на своихъ быстрыхъ коняхъ во всѣ стороны и привезите откуда хотите каждый по подарку мнѣ, по такому, про который только въ сказкахъ разсказываютъ. Чей подарокъ будетъ лучше—за того я и выйду замужъ.

Ускакали сейчасъ же храбрые эмиры исполнять ея желанiе, и ровно черезъ годъ въ глухой степи свела ихъ всѣхъ вмѣстѣ судьба. Одинъ досталъ трубку, въ которую стоило только посмотрѣть, чтобы видѣть все на какое-угодно разстоянiе; у другого оказался конь, могущiй въ минуту проскакать тысячи верстъ, а третiй нашелъ райское яблоко жизни, возвращающее жизнь человѣку даже послѣ смерти.

Стали они на отдыхъ, поговорили, осмотрѣли подарки другъ у друга и захотѣли посмотрѣть на молодую ханшу въ чудесную трубку. Повернули трубку въ сторону ея царства и видятъ—лежитъ красавица ханша на шелковыхъ коврахъ и мучитъ ее тяжкiй недугъ, отъ котораго уже нѣтъ помощи на землѣ.

Испугались эмиры, вскочили всѣ на чудеснаго коня и въ минуту перенеслись черезъ горы и пустыни къ дворцу красавицы. Вынулъ тогда третiй эмиръ райское яблоко жизни и далъ больной откусить отъ него кусокъ, и сейчасъ же больная выздоровѣла, встала и сдѣлалась еще красивѣе.

Вотъ тутъ-то и не могъ никто рѣшить, за кого изъ эмировъ должна выйти замужъ красавица ханша: не будь у перваго эмира волшебной трубы—не узнали бы они о ея болѣзни; безъ чудесной лошади не доскакали бы въ срокъ до далекаго

царства, а безъ райскаго яблока жизни не выздоровѣла бы красавица.

Задумался мудрый Бай-Бача, выслушавъ разсказъ, потомъ, быстро рѣшивъ, сказалъ:

— Славный повелитель! красавица должна была выйти замужъ за того, кто пострадалъ—за третьяго эмира. У перваго и второго остались цѣлыми и волшебная труба и чудесная лошадь, а райское яблоко у третьяго уменьшилось на кусокъ, который откусила ханша.

Увидѣли тогда всѣ великую мудрость Бай-Бачи, и назначилъ его Эмиръ старшимъ Кушъ-Беги и управителемъ всего ханства.

Но недолго продолжалась счастливая жизнь новаго Кушъ-Беги. Завидовали ему всѣ остальные слуги Эмира и рѣшили они устранить его, обвинивъ въ заговорѣ противъ Эмира.

Сильно разгнѣвался такою неблагодарностью Эмиръ, позвалъ передъ себя Кушъ-Беги и объявилъ ему приказъ: „готовиться къ смерти“.

Упалъ мудрый Кушъ-Беги на колѣни и тихо заговорилъ:

— О, великій владыка моей жизни, не казни меня, не выслушавъ. Прикажи говорить.

Согласился Эмиръ, давъ на то милостивое разрѣшеніе.

Тогда вновь заговорилъ малый ростомъ, но великій мудростью Кушъ-Беги.

У одного падишаха такъ же, какъ и въ твоей сказкѣ, была красавица дочь, еще дѣвочка, которую падишахъ хотѣлъ скрыть отъ взоровъ всѣхъ мужчинъ, чтобы она осталась на всю жизнь прекрасною дѣвою, чистою и непорочною. Призвалъ онъ тогда самаго стараго, мудраго и ученаго улема и спросилъ его, какъ это сдѣлать. Задумался старикъ. „Не слѣдуетъ тебѣ, повелитель, итти противъ судьбы; что ею предопредѣлено, то сбудется, и спрятать отъ нея твою дочь невозможно, ибо вездѣ судьба ее отыщетъ“. Разгнѣвался падишахъ такими рѣчами, распалилось его сердце и приказалъ онъ казнить старца, а красавицу дочь отослалъ далеко, въ сосѣднія земли, и скрылъ ее на неприступномъ островѣ, среди большого моря, назначивъ лишь одну служанку, чтобы прислуживать ей.

Много лѣтъ прошло, и изъ дѣвочки превратилась она въ молодую дѣвушку, а поэтому скучала, тосковала и все время ждала своей судьбы. И однажды, вдругъ изъ волнъ моря, на которыя она подолгу смотрѣла, показалась голова человѣка, приплывшаго издалека и потерпѣвшаго крушеніе и наконецъ принесеннаго волнами на берегъ. Увидѣла его красавица и сразу влюбилась въ пришельца — единственнаго мужчину, котораго видѣла.

Еще пролетѣлъ годъ, вздумалъ падишахъ навѣстить свою дочь. Съ трудомъ доѣхалъ падишахъ до далекаго острова, присталъ къ берегу и, пройдя за растущіе камыши, увидѣлъ свою прекрасную дочь съ ребенкомъ на рукахъ, а около нея красиваго мужчину, видимо ея мужа. Понялъ тогда падишахъ, что отъ судьбы нельзя спрятаться, и пожалѣлъ тогда онъ казненнаго стараго улема, проливъ много слезъ надъ его могилою.

Поникъ головою Эмиръ и задумался надъ сказкою, а мудрый Кушъ-Беги тихо заговорилъ снова.

— Нехорошо, о, великій Эмиръ, если и ты, казнивши меня, потомъ переживешь долгіе часы скорби и сожалѣнія о непоправимомъ; но если все-таки ты рѣшилъ меня казнить, то очевидно судьбою начертано, чтобы я умеръ безъ всякой вины.

И тутъ увидѣлъ Эмиръ, что Кушъ-Беги ему вѣренъ и говоритъ правду.

— Да, бояръ, отъ своей судьбы никуда не уйдешь и никто не въ силахъ нарушить ея предначертанія, записанныя въ великой книгѣ людской жизни.

Дождь густой непроницаемой завѣсою закрывалъ весь горизонтъ со всѣхъ сторонъ. Капли воды, стекая съ бурокъ, ручейками падали на землю. Глинистая почва страшно размокла, и лошади, увязая, шли шагъ за шагомъ, утомляя всадниковъ этимъ медленнымъ движеніемъ.

Судя по пройденному времени, скоро должна была начаться песчаная полоса.

— Дѣйствительно, черезъ часъ высокая гряда бархановъ какъ будто выдвинулась изъ сѣрой мглы.

Смоченный дождемъ песокъ пріобрѣлъ твердость, и дорога по немъ сдѣлалась легче.

— Скоро ли ночлегъ, Оразъ?—уже въ девятый разъ спрашивалъ уставшій полковникъ.

— Погоди немножко, бояръ. Два-три таша еще надо пройти, а потомъ у Сары-Хатынь становиться будемъ. Теперь не знаю есть ли тамъ кто, а можетъ быть придется дальше до Кашъ-Кудука итти. Нехорошо теперь въ пустынѣ ночевать, да и корму лошадямъ уже мало осталось. Лучше дальше сколько можно пройдемъ.

XVII.

Наши лошади уже порядочно притомились, благодаря нѣкоторому сокращенію фуража, выдаваемаго ежедневно, вьюкъ съ которымъ на верблюдахъ уже сильно и замѣтно для глазъ уменьшился. Степной ковыль, встрѣчавшійся вездѣ, вслѣдствіе своей жесткости, не особенно нравился конямъ, привыкшимъ къ нѣжному туркестанскому клеверу.

— Теперь еще пара переходовъ, и мы выѣдемъ на старую трактовую дорогу между Керками и Чарджуемъ,—утѣшалъ меня полковникъ близостью культурной полосы.

— Я помню эту дорогу. Очень давно, еще въ то время, когда она была единственною для сообщенія между двумя русскими гарнизонами, тогда за ней слѣдили бухарскія власти и постоянно она исправлялась бухарскимъ населеніемъ натуральною повинностью. Позднѣе, съ учрежденіемъ Аму-Дарьинской флотиліи, значеніе дороги утратилось, благодаря чему она годъ отъ года стала приходить въ запустѣніе, но все-таки въ тѣхъ случаяхъ, когда прекращается навигація, замерзаетъ Аму-Дарья, она остается единственнымъ путемъ, по которому возможно добраться изъ Керковъ въ Чарджуй и обратно.

Русское торговое населеніе и служащіе въ этихъ случаяхъ нанимаютъ бухарскія арбы съ запряжкою въ одну лошадь, и такой экипажъ съ большимъ трудомъ можетъ пройти разстояніе въ 200 верстъ въ 5—6 дней. Въ особенности трудна ѣзда,

когда наметаетъ много снѣгу, такъ какъ о саняхъ туземное населеніе понятія не имѣетъ. Если же зима безснѣжная, то все равно дорога тяжела, благодаря большому количеству песковъ, встрѣчающихся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и наметенныхъ вѣтромъ цѣлыми горами. Станцій никакихъ нѣтъ и лишь есть по дорогѣ нѣсколько караванъ-сараевъ, въ которыхъ ничего найти кромѣ фуража нельзя.

Зато я помню крайне интересные проѣзды большого начальства, начиная отъ командира бригады и выше. Выставятъ бывало лошадей отъ артиллеріи въ видѣ подставъ на каждыя 20 верстъ. Въ запряжкѣ въ тарантасъ полный комплектъ изъ трехъ паръ артиллерійскихъ лошадей съ ѣздовыми. Ну и несется такая запряжка со скоростью 20 верстъ въ часъ, такъ что весь путь въ 200 верстъ проѣзжали въ 7—8 часовъ.

— Пожалуй, правду сказать, это было время, когда артиллерійскіе кони чаще возили начальство, чѣмъ свои орудія.

Полоса барахановъ снова давала себя чувствовать. То поднимаясь на гребень, то спускаясь внизъ, шагъ за шагомъ двигались мы за проводникомъ, увѣренно ѣхавшимъ безъ компаса впереди.

— Не заблудимся мы въ этихъ пескахъ?—заинтересовался я, не видя снова никакихъ оріентировочныхъ пунктовъ.

Туркменъ усмѣхнулся, видимо надъ нелѣпостью моего вопроса.

— Нѣтъ, тюра, днемъ, когда хорошая погода — съ дороги сбиться нельзя. Въ это время каждый бача доведетъ до мѣста; вотъ другое дѣло ночью, безъ звѣздъ или во время бурана, тогда и старый человѣкъ легко не туда выѣдетъ, а то и совсѣмъ можетъ пропасть. Здѣсь же мѣста уже идутъ хорошо извѣстныя, прямо на востокъ Аму лежитъ.

Сары-Хатынь и Кашъ-Кудукъ не могли остановить на себя вниманія, благодаря полной однохарактерности со всѣми другими уже видѣнными нами колодцами въ здѣшнихъ мѣстахъ, на которыхъ или встрѣчалась баранта и два-три туркмена съ нею, или же, за исключеніемъ сильно вытоптанной слѣдами животныхъ земли, ничего рѣшительно не было. Вода въ колодцахъ была

на глубинѣ 10—20 аршинъ, въ большинствѣ случаевъ солоноватая, съ нѣкоторымъ привкусомъ навоза и мутная. Отсутствіе срубовъ въ колодцахъ ведетъ къ ихъ сравнительно скорому загрязненію, вслѣдствіе осыпанія почвы внутрь колодца, но и эта вода, несмотря на всѣ ея отрицательныя качества, считается въ пустынѣ благословеніемъ Божьимъ, давая возможность жить.

Надо видѣть съ какимъ благоговѣніемъ относятся жители пустыни къ водѣ, считая самымъ большимъ пожеланіемъ не благополучія и здоровья, а хорошей воды.

„Желаю вамъ хорошей воды“—говоритъ туркменъ, провожая уѣзжающихъ въ степь. И этимъ пожеланіемъ наглядно обрисовывается значеніе воды.

Мѣстами встрѣчались пространства лёса, выглядѣвшія какъ острова среди песчанаго моря. Кое - гдѣ барахань окружали глубокія впадины, имѣвшія видъ высокихъ озеръ съ дномъ, покрытымъ отложеніями соли. Чахлый гребенщикъ окружалъ ихъ берега, покрытые пометомъ птицъ, отдыхающихъ на перелетѣ весною, когда эти берега бываютъ наполнены короткое время тающей отъ снѣговъ водою.

Ночлегъ около Клычъ-Кудука среди пустыни подъ открытымъ небомъ не былъ пріятенъ. Костеръ, разведенный изъ кизяка и сырого гребенщика, давалъ мало свѣта и тепла. Укрывшись за гребнемъ высокаго бархана въ глубокой впадинѣ, мы провели тяжелую ночь, порядочно страдая отъ сырости и холода, и поэтому, часто вставая и подходя къ костру, грѣлись около него.

Туркмены, относясь совершенно безразлично къ обстановкѣ ночлега, улеглись тѣснымъ кружкомъ, накрывшись съ головами кошмами.

Ночь была темная, и лишь звѣзды тускло свѣтились, мерцая въ высотѣ. Тишина ночи нарушалась завываніемъ шакаловъ, подходившихъ совсѣмъ близко къ нашему становищу.

Утро было сѣрое и туманное. Капли росы виднѣлись на всѣхъ растеніяхъ. Продрогшіе кони шли широкимъ шагомъ, чуя уже воды рѣки, изрѣдка мелькавшей въ дали съ высоты бархановъ и снова скрывавшейся при проѣздѣ по впадинамъ.

Порою видны были развалины какой-то крѣпости, высоко поднимавшейся надъ гаризонтомъ.

— Вонъ, бояръ, уже Кутнамъ виднѣется,—указалъ одинъ изъ туркменовъ.

— Сегодня хорошій пловъ ѣсть будемъ,—облизнулся онъ въ предвидѣніи вкуснаго обѣда.

— Что же это за развалины? Крѣпость видно была и должно быть давно разрушена?

— Да, тюра. Бекъ здѣсь прежде жилъ и было особое Кутнамское бекство, но только никто этого изъ насъ не помнитъ. Старики разсказываютъ, что не разъ они въ этой Кутнамской калѣ прятались, когда приходили враги. А кто былъ бекомъ— никто не помнитъ. Иногда наши мальчики играя выкапываютъ въ калѣ различныя вещи и деньги, только ничего хорошаго не находятъ. Змѣй очень много подъ старыми стѣнами и среди всякаго мусора, они все время ползаютъ, а потому ходить тамъ опасно. Такихъ крѣпостей здѣсь по берегу Аму очень много; однѣ больше, другія меньше.—Жили въ нихъ беки, ханы, властвуя надъ простыми людьми и собирая съ нихъ подати. Въ Пальвартѣ кала также большая.

По берегу Аму-Дарьи протянулся почти сплошной рядъ кишлаковъ, населенныхъ туркменами, обрабатывающими всѣ удобныя земли и постоянно ведущими тяжелую борьбу съ одной стороны съ капризной рѣкой, каждый годъ отмывающей значительные участки берега, а съ другой—съ песками, засыпающими ихъ поля. Отсутствіе какихъ-либо загражденій, а главное насажденій со стороны песковъ даетъ возможность вѣтру наносить цѣлыя горы песку, уменьшая годъ отъ году культурную полосу.

Кишлаки Сарлы, Чишлянъ и Акъ-Тюбе уже имѣютъ сравнительно немного земли и изъ этихъ мѣстъ въ послѣдніе годы началось выселеніе вверхъ по рѣкѣ.

То проѣзжая мимо обработанныхъ полей, то пересѣкая пространство сыпучаго песку, мы постепенно подвигались впередъ, параллельно Аму-Дарьѣ, значительно обмелѣвшей и покрытой цѣлою сѣтью островов, заросшихъ мелкимъ камышемъ. У берега виднѣлись небольшія рыбачьи лодки, качавшіяся на волнахъ.

Тяжело нагруженные каюки, пользуясь вѣтромъ, распустивъ паруса, будто огромная птица, поднимались вверхъ по рѣкѣ, осторожно нащупывая все время фарватеръ. Чувствовалась близость большого города и пристани, откуда везлись различные товары, благодаря чему рѣка уже не казалась такою пустынною.

Группа какихъ-то людей въ халатахъ съ ружьями на плечахъ еще издали привлекала наше вниманіе. Окруживъ арбу на высокихъ колесахъ, шли сарбазы (солдаты) небрежно, не въ ногу, совершенно не похожіе на военныхъ.

Развалившись на кучѣ одѣялъ, ѣхалъ въ крытой арбѣ толстый сѣдой бухарецъ, почти закрывая собою худенькаго старика, сидѣвшаго сзади него.

— Кто это такой? Куда идутъ солдаты?

Туркмены подъѣхали ближе и, перебросившись нѣсколькими словами съ сарбазами, тотчасъ же удовлетворили наше любопытство.

— Это, тюра, амлякдаръ изъ Пальварта,—везутъ его по приказу бека въ Чарджуй. Провинился онъ въ чемъ-то. Тамъ наказывать его будуть палками. Не знаютъ только сколько палокъ ему дать бекъ прикажетъ. Если бекъ сердитъ, такъ много его спина получитъ. Махрамъ[1]) посланъ былъ, чтобы привезти. Говорятъ, что съ казіемъ онъ все время ссорился, а тотъ на него въ Бухару писалъ. Теперь амлякдаръ много денегъ приготовить долженъ, чтобы всѣмъ подарки сдѣлать. Хорошій человѣкъ, говорятъ, и народъ не обижалъ, а это не хорошо, мало значитъ маліату — подати—собиралъ; вотъ бекъ и разсердился.

— Плохо, когда казій съ амлякдаромъ ссорятся, а еще хуже, когда живутъ между собою въ дружбѣ. Тогда очень тяжело народу бываетъ: все, что есть, отнимаютъ и за все большіе штрафы накладываютъ. У насъ здѣсь оттого много людей въ Хиву уходятъ, что жить очень трудно.

— Я помню, бояръ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Чарджуѣ русскій народъ бунтовалъ. Только это не хорошо, вашъ начальникъ и казій ничего не берутъ, а народъ недоволенъ; вотъ если бы наши стали бунтовать, то всѣ бы мы пошли.

---

[1]) Махрамъ—чиновникъ для порученій.

Туркменъ замолчалъ и ѣхалъ нѣкоторое время задумавшись.

— А скажи мнѣ, бояръ, отчего Акъ-Падишахъ не возьметъ насъ у Эмира?—минуту спустя, задалъ онъ новый вопросъ.

— Зачѣмъ онъ взялъ Мервъ, Пенде, а Чарджуй ему оставилъ, это не хорошо.

Я былъ въ большомъ затрудненіи объяснить причины этого страннаго явленія, бывшія и для меня совершенно непонятными, и постарался перевести разговоръ на менѣе щекотливую тему, но туркменъ не унимался.

— Эмиръ какъ волкъ пьетъ кровь изъ туркменовъ, а урусъ Акъ-Падишахъ добрый, своихъ людей любитъ и всѣ говорятъ про это. Даже Хивинскій ханъ не такой, какъ Эмиръ.

Мы подъѣзжали уже къ кишлаку Хаджа-Фаслами, гдѣ предполагали сдѣлать послѣдній ночлегъ до Чарджуя.

Погода продолжала хмуриться, и, благодаря темнымъ тучамъ, низко нависшимъ надъ землею, картины окружающихъ мѣстъ казались особенно безотрадными своими песками, разстилавшимися на значительное разстояніе.

Камышевыя кибитки, стоявшія тѣснымъ рядомъ, указывали на бѣдность населенія, не имѣющаго возможности завести войлочныхъ, а потому и зимующихъ въ этихъ примитивныхъ жилищахъ. Нѣсколько ощипанныхъ куръ съ голыми шеями сновали около кибитокъ. Все имѣло какой-то особенно заброшенный видъ и подчеркивало отсутствіе благосостоянія у населенія, занимающагося преимущественно рыбною ловлею, но и то лишь въ благопріятное для нея время года.

Худыя лошади понуро стояли на приколахъ подъ попонами. Даже собаки имѣли особенно захудалый видъ.

XVIII.

Когда-то всѣ эти мѣста, лежавшія близъ большой караванной дороги между Мервомъ и Бухарою, пользовались несравненно большимъ благосостояніемъ, благодаря тому, что населеніе занималось почти исключительно сопровожденіемъ и охраною каравановъ отъ различныхъ шаекъ, бродившихъ вездѣ около дороги и нападавшихъ на караваны. Проведеніе русскими же-

лѣзной дороги на этомъ участкѣ совершенно убило караванное движеніе, и старая торговая дорога, существовавшая долгое время между Чарджуемъ и Мервомъ, занесена совсѣмъ песками, и врядъ ли возможно найти даже намеки на ея былое существованіе, вслѣдствіе полнаго разрушенія саргдобъ и рабатовъ. А населеніе, въ виду измѣнившихся условій, принуждено было перейти къ новымъ способамъ существованія, при чемъ значительное число верблюдовъ, имѣвшихся у населенія, подверглось сокращенію; хотя нѣкоторое количество товаровъ и доставляется на нихъ по берегу Аму-Дарьи до Хивы, но промыселъ этотъ годъ отъ году падаетъ, вслѣдствіе болѣе выгодной и дешевой перевозки товаровъ на каюкахъ и на пароходахъ флотиліи. Съ открытіемъ же дѣйствій частнаго пароходства на этомъ участкѣ рѣки перевозка на верблюдахъ сухимъ путемъ отходитъ уже въ область преданій.

Составляя собою одно изъ богатѣйшихъ мѣстъ ханства, Чарджуйское бекство издавна считалось крайне важнымъ, благодаря соприкосновенію съ границами Россіи и нахожденію въ гор. Чарджуѣ значительнаго русскаго гарнизона, расположеннаго въ русскомъ городѣ, выросшемъ въ шести верстахъ отъ туземнаго Чарджуя; близость его замѣчалась уже по жителямъ, не имѣвшимъ вида дикарей пустыни и видимо часто встрѣчавшимся съ русскими.

Ходжа-Фаслама когда-то представляла собою крѣпостцу, а въ настоящее время это небольшой кишлакъ, производящій унылое впечатлѣніе, благодаря отсутствію растительности. Пески здѣсь подошли совсѣмъ близко къ самымъ стѣнамъ жилищъ.

Нѣсколько десятковъ рогатаго скота стояло на берегу, пережевывая жвачку. Среднихъ лѣтъ туркменъ, съ хитрыми глазами наблюдавшій за стадомъ, поднялся съ кошмы, на которой сидѣлъ, и, привѣтливо приложивъ руку къ своей огромной косматой папахѣ, по-русски сказалъ „здравствуй“.

Мы остановились.

— Здравствуй, ошна[1]). Куда ѣдешь?

---

[1]) Ошна—другъ.

— Мы русски подрядчикъ. Баталіонъ мясо доставляемъ,— заговорилъ онъ, показывая свои бѣлые зубы. Въ Афганистанъ ходилъ, тамъ покупалъ быковъ, теперь въ Чарджуй идемъ, — удовлетворилъ туркменъ нашу любознательность.

— Вездѣ скотъ, барановъ покупаемъ. Много торгуемъ. Мы хорошій купецъ и русски любимъ,—закончилъ онъ свою рекомендацію, идя уже рядомъ съ нами къ кибиткѣ, въ которой мы разсчитывали сдѣлать привалъ.

— Здѣсь переправа есть въ Наразымъ и много людей съ того берега пріѣзжаютъ и на базаръ въ Наразымъ ѣздятъ. Но только Чарджуй лучше, чѣмъ Наразымъ, — прищелкивалъ онъ языкомъ.

— Хорошій городъ, урусъ: марджа[1]) много. Веселый домъ—пай-кабакъ есть,—уже съ особымъ наслажденіемъ вспоминалъ онъ интернаціональное учрежденіе.

Старикъ туркменъ, владѣлецъ кибитки, неодобрительно смотрѣлъ на подрядчика.

— Что, ата, по твоему русскій народъ не хорошъ?—спросилъ я его.

— Да, тюра, не хорошъ, для нашихъ людей, —откровенно отвѣтилъ тотъ.

— Много веселья, много вина, водки и пива пьютъ, въ карты играютъ. Къ вольнымъ дѣвушкамъ ходятъ и молодые и старики. Все, что имѣютъ, туда отвозятъ и тамъ оставляютъ, а дома ничего нѣтъ. Наши раисы[2]) безсильны смотрѣть за мусульманами въ русскомъ городѣ, но и въ туземномъ Чарджуѣ они также не смотрятъ, и тамъ правовѣрные стали напитки пить. А нашихъ женщинъ тоже много въ веселыхъ домахъ живутъ.

— Прежде лучше было, — вздохнулъ онъ съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ. Тогда люди другъ другу на слово вѣрили и слово исполняли. Теперь бумагу пишутъ и ее не исполняютъ, а словамъ уже вѣрить нельзя.

Холмистая мѣстность приняла болѣе рѣзкія очертанія, песчаная полоса придвинулась почти къ самой рѣкѣ и сы-

[1]) Марджа—женщина.
[2]) Раисъ—духовное лицо, наблюдающее за нравами.

пучіе пески, покрытые мѣстами гребенщикомъ, дѣлали мѣста по дорогѣ мало привлекательными.

Съ высокаго холма открывался видъ на Аму-Дарью съ массою кишлаковъ по обоимъ берегамъ, спускавшимся къ водѣ съ лѣвой стороны въ видѣ холмистыхъ обрывовъ, а съ правой—широкой низиной, сливавшейся съ гладкой поверхностью рѣки. Впереди виднѣлся легкій ажурный и казавшійся безконечнымъ по своей длинѣ желѣзнодорожный мостъ черезъ Аму-Дарью, переброшенный около Чарджуя и утвержденный на двадцати четырехъ желѣзныхъ круглыхъ фермахъ. На правомъ берегу прилегала къ мосту сплошная заросль огромнаго тугая, казавшаяся издали лѣсомъ.

Мы подъѣзжали къ Чаудыру, и полковникъ, внимательно присматривавшійся къ открывающейся передъ нами картинѣ, замѣтно впалъ въ уныніе.

— Что это вы какъ будто не въ своей тарелкѣ, Павелъ Ивановичъ?

— Видите ли, смотрю на новый мостъ и невольно вспоминаю прежнее. Я вѣдь былъ, какъ вамъ извѣстно, однимъ изъ первыхъ, прибывшихъ въ Чарджуй. Помню хорошо, какъ много пришлось перенести людямъ при постройкѣ желѣзнодорожнаго полотна по пескамъ Кара-Кумовъ отъ Репетека до Чарджуя. Потомъ, когда дошли до Аму-Дарьи, возникъ вопросъ о продолженіи линіи и устройствѣ переправъ. Лишь энергія и непоколебимая вѣра въ свои силы такого человѣка, какъ строитель дороги, генералъ Анненковъ, могли преодолѣть препятствія и такъ просто разрѣшить сложный вопросъ.

Смѣло рѣшилъ онъ построить деревянный мостъ черезъ Аму-Дарью и, подсчитавъ его стоимость, выразившуюся около 200 тысячъ рублей, немедленно приступилъ къ его постройкѣ. И это на такой капризной огромной рѣкѣ, какъ Аму-Дарья. Біли сваи, стлали настилку подъ злорадный шопотъ патентованныхъ инженеровъ, предсказывавшихъ полную неудачу и грандіозный скандалъ этой постройкѣ на гроши.

Что долженъ былъ пережить Анненковъ за это время? Не унялся этотъ шепотъ и когда мостъ былъ совершенно готовъ;

тогда предсказывали, что первый же поѣздъ мостъ разрушитъ и погибнетъ въ быстрыхъ водахъ рѣки.

Но на удивленіе всѣхъ мостъ былъ оконченъ и поѣзда по немъ стали ходить.

Скрипѣлъ мостъ подъ поѣздами; охалъ, жаловался на тяжесть, но стоялъ, даже не давая осадокъ, и такимъ образомъ на удивленіе всѣхъ простоялъ почти пятнадцать лѣтъ, требуя ежегодно очень небольшого ремонта.

Когда его увидѣлъ извѣстный инженеръ Бѣлелюбскій, строитель новаго желѣзнаго моста, то только развелъ руками и сказалъ: „Да, смѣлый видно былъ строитель Анненковъ, я бы на такую постройку ни за что не рѣшился“.

А какое хорошее время было. Я помню здѣсь Хорвата, теперешняго начальника Восточной китайской дороги, а тогда еще начальника участка въ чинѣ штабсъ-капитана. Также одинъ изъ желѣзныхъ характеровъ, недаромъ его Анненковъ такъ выдвигалъ, несмотря на то, что онъ не былъ инженеромъ.

— Но вѣдь нельзя же не сказать, что новый мостъ лучше, безопаснѣе,—попробовалъ я перебить старика.

— Да, это-то такъ, но не забудьте — онъ стоилъ 2 милліона рублей, а затѣмъ вонъ посмотрите-ка—рѣка все отходитъ въ правую сторону и уже мостъ на половину стоитъ на сухомъ берегу и скоро его придется вытягивать, а то рѣка обойдетъ и оставитъ на сухопутьи. А потомъ ежегодно крѣпятъ берега и бросаютъ въ воду сотни тысячъ рублей въ буквальномъ смыслѣ. Все время валятъ камень въ воду, а рѣка преблагополучно всѣ эти матеріалы уноситъ, и снова валятъ и валятъ безъ конца...

Около Каркина огромная толпа туземцевъ съѣхалась на байгу. Масса всадниковъ, то съѣзжаясь группами, то въ одиночку, носились по песчаной равнинѣ. Халаты всѣхъ цвѣтовъ придавали особенно красивый видъ этой картины. Статные, рослые кони привлекали невольно наше вниманіе.

— Посмотрите, вотъ гдѣ вырабатывается умѣнье ѣздить и лихость,—указалъ полковникъ.—Все здѣшнее населеніе является чуднымъ матеріаломъ для пополненія кавалеріи, не регулярной,

конечно, потому что они слишкомъ дики, но частей въ родѣ туркменскаго дивизіона, который давно бы не грѣшно, превративъ въ полкъ, комплектовать и аму-дарьинскими туркменами.

Видя носившихся смѣло удальцовъ, мнѣ лишь пришлось согласиться, что пора уже использовать многія племена Средней Азіи, привлекши ихъ къ отбыванію воинской повинности въ особыхъ туземныхъ частяхъ съ офицерскимъ составомъ изъ регулярной кавалеріи.

Сто почти лѣтній опытъ Англіи въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особаго къ себѣ вниманія и изученія, съ примѣненіемъ его въ томъ объемѣ, какой окажется удобнѣе для нашихъ среднеазіатскихъ владѣній.

Вдали уже обрисовывалась густая растительность, широкой почти безконечной полосой виднѣвшаяся, начинаясь отъ рѣки, и протянувшаяся до самаго горизонта. Среди деревьевъ выступали сѣрожелтыя постройки русскаго Чарджуя, надъ которымъ клубился дымъ заводовъ. Берегъ рѣки, сходя къ самой водѣ широкой отмелью былъ покрытъ штабелями дровъ, мѣшками съ зерномъ, бочками, разгружаемыми съ пароходовъ, стоявшими невдалекѣ на водѣ. Правильной пристани Чарджуй не имѣетъ, и, вслѣдствіе постояннаго измѣненія глубины у берега, пароходы пристаютъ въ разныхъ мѣстахъ, мѣняя ихъ нѣсколько разъ въ годъ.

Высокая насыпь, по которой проходитъ полотно желѣзной дороги, примыкая къ желѣзнодорожному мосту, закрываетъ собою значительную часть горизонта. За вокзальными постройками кое-гдѣ бѣлыми пятнами изъ растительности выступали дома съ побѣленными стѣнами и цвѣтными крышами, нарушавшіе общій видъ этого русскаго средне-азіатскаго города.

Открытое пространство виднѣлось лишь къ востоку, гдѣ въ шести верстахъ находится туземный Чарджуй, являющійся резиденціей Бухарскаго бека.

Кишлаки Моръ-Объ, Сакаръ-Баръ и Каракчи, составляя собою небольшіе населенные пункты, ничего интереснаго не представляютъ, служа мѣстами для отдыха двигающихся мимо ихъ каравановъ.

XIX.

Чарджуй извѣстенъ съ глубокой древности, составляя собою независимое владѣніе, носившее въ четвертомъ и третьемъ вѣкѣ до Рождества Христова названіе государства Амуль, а позднѣе Амуйе съ главнымъ городомъ Заріаспой; входившее прежде въ число сатрапій персидскаго государства, оно отложилось затѣмъ во время Александра Македонскаго, напавшаго со своими войсками подъ предводительствомъ Бесса на Дарія, искавшаго спасенія въ бѣгствѣ въ земляхъ Амуль и убитаго Бессомъ недалеко отъ Заріаспы.

Позднѣе, войдя въ составъ Бактрійскаго царства, Амуль долго велъ войну съ Харезмомъ, но въ первые вѣка нашей эры главный его городъ пріобрѣтаетъ извѣстность подъ именемъ Чихарджуя, какъ пунктъ, лежавшій на торговой дорогѣ между Гератомъ, Мервомъ, Бухарой и Самаркандомъ. Выгодное положеніе на переправѣ черезъ Аму-Дарью развили особенно сильно торговлю Чарджуя, превративъ его въ большое полунезависимое ханство, признававшее то власть Гератскихъ государей, то Бухарскихъ эмировъ, пока наконецъ уже съ VII вѣка окончательно оно не было включено въ число земель Бухарскаго ханства, являясь въ послѣдующій періодъ сильною крѣпостью, стоявшею на стражѣ Кара-Кумской пустыни.

Съ присоединеніемъ къ Россіи Закаспійской области, а позднѣе Мервскаго и Пяндинскаго оазисовъ, явилась настоятельная необходимость связать новыя русскія владѣнія съ Туркестаномъ, вслѣдствіе чего Закаспійскую желѣзную дорогу было рѣшено продолжить отъ Мерва далѣе до Ташкента. Нахожденіе Чарджуя въ центральномъ пунктѣ всей желѣзнодорожной линіи и удобство положенія его въ плодородномъ оазисѣ, привели къ выбору этого города, въ качествѣ лучшаго мѣста, для постройки различныхъ желѣзнодорожныхъ учрежденій въ видѣ мастерскихъ, депо, складовъ и т. п., что постепенно привлекло въ Чарджуй большое число различныхъ желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ. Постепенно около станціи сталъ строиться городъ, исключительно съ русскимъ населеніемъ, а удобство по-

ложенія его на сплавной судоходной рѣкѣ между Хивой, Керками и Афганистаномъ двинуло сюда русскіе товары, при чемъ русскія торговыя фирмы открыли здѣсь свои конторы и отдѣленія, и въ теченіе двухъ десятилѣтій городъ развился и выросъ въ большой торговый пунктъ съ милліонными торговыми оборотами и населеніемъ до десяти тысячъ человѣкъ.

Устройство Аму-Дарьинской флотиліи съ ея управленіемъ и мастерскими также послужило къ развитію города, который обстроился, принявъ видъ красиваго среднеазіатскаго уѣзднаго города, съ гимназіей, казначействомъ, отдѣленіемъ банка и различными торговыми и промышленными предпріятіями, при нѣсколькихъ десяткахъ большихъ и малыхъ магазиновъ, торгующихъ бойко всевозможными русскими товарами.

Но насколько сильно развился русскій городъ, настолько же сравнительно мало отразилось проведеніе дороги на туземномъ Чарджуѣ.

Небольшой крытый базаръ съ полутемными сартовскими лавками имѣетъ какой-то заброшенный видъ, указывая, что всѣ торговыя дѣла перешли въ русскій городъ, а туземный сохранилъ лишь нѣкоторое значеніе, какъ мѣстожительство Бухарскаго бека. Обветшалыя, когда-то высокія, глинобитныя стѣны бекской крѣпости, построенной на высокомъ холмѣ, далеко видны вокругъ, наводя уныніе своимъ запустѣніемъ. Грозныя когда-то амбразуры осыпались и размытыя дождями стѣны башенъ испещрены трещинами и вывѣтрились. Безпощадные зубы времени изгрызли и разрушили массивныя входныя ворота, къ которымъ поднимается выстланная камнями насыпь, съ проложенной для въѣзда дорогой.

— Хотите видѣть бека?—спросилъ меня полковникъ;—это одинъ изъ самыхъ большихъ по чину лицъ въ ханствѣ.

Я отказался.

— Пожалуй вѣрно, что не стоитъ; интереснаго ничего не увидимъ — все то же, что и вездѣ. Назначаютъ же сюда по большому выбору, такъ какъ жизнь бокъ-о-бокъ съ русскимъ городомъ и начальствомъ требуетъ многихъ дипломатическихъ

качествъ и изворотливости. Надо отстаивать права Бухары отъ посягательствъ русскихъ подданныхъ, и поэтому имъ приходится ежечасно политиковать, въ особенности при нѣкоторой настойчивости мѣстнаго начальника гарнизона, который является здѣсь единственною русскою властью, сосредоточившей въ себѣ и административныя и полицейскія обязанности.

Въ чай-хане было много народу, и, забравшись въ заднее полутемное помѣщеніе, мы видѣли передъ собою всю картину жизни и движенія на его широкомъ переполненномъ людьми и животными дворѣ. Рядомъ въ небольшой комнатѣ слышалось какое-то неясное бормотаніе, сопровождавшееся тихими стонами.

— Больной тамъ?—позвалъ чайчи[1]) полковникъ.

— Нѣтъ, тюра, такъ человѣкъ тамъ лежитъ,—уклончиво отвѣтилъ чайчи.

Не удовлетворившись такимъ отвѣтомъ, полковникъ подошелъ къ двери и широко распахнулъ обѣ ея половинки, давъ возможность видѣть внутренность помѣщенія.

На кошмѣ среди комнаты лежало два туркмена; видимо они крѣпко спали, порою бормоча что-то и охая. Около нихъ лежали какія-то трубочки, чашки съ темными коричневыми шариками.

— Опіумъ, по здѣшнему теріакъ, курятъ,—разрѣшилъ мое недоумѣніе полковникъ, притворяя двери.—Обыкновенное явленіе по всей Бухарѣ, да и въ русскихъ областяхъ тоже встрѣчается довольно часто.

— Опіумъ здѣсь распространенъ очень сильно; привозится онъ преимущественно изъ Китая и отчасти изъ Афганистана, при чемъ существуетъ нѣсколько его видовъ, изъ которыхъ одинъ принимаютъ внутрь, а другой курятъ въ особыхъ трубкахъ. Въ общемъ эти наркотики крайне вредно отражаются на здоровьи людей. Очень характерно, что многіе считаютъ, что въ распространеніи опіума можно видѣть симптомы грядущаго вліянія Азіи на Европу. Между прочимъ, русскіе люди въ Азіи также усваиваютъ себѣ пагубную привычку куренія и упо-

---

[1]) Чайчи—владѣлецъ чай-хане.

требленія опіума, при чемъ дѣйствіе ихъ на организмъ туземцевъ несравненно меньше, благодаря долголѣтней привычкѣ цѣлаго ряда поколѣній, а на русскихъ дѣйствіе это очень разрушительно.

— Вездѣ на всѣхъ базарахъ Бухары можно найти теріакъ въ какомъ-угодно количествѣ, продаваемый по сравнительно дорогой цѣнѣ. Добывается онъ изъ маку, которымъ засѣваютъ громадныя пространства въ Китайскомъ Туркестанѣ и въ англо-индійскихъ владѣніяхъ. Когда макъ уже почти созрѣлъ, то на головкахъ его дѣлаются надрѣзы, откуда выступаетъ сокъ—бѣлая жидкость, собираемая въ сосуды и подъ вліяніемъ воздуха превращающаяся въ твердое вещество темнаго цвѣта. Чѣмъ больше лѣтъ лежитъ опіумъ, тѣмъ онъ дѣлается лучше и цѣнится дороже. Здѣсь почти всѣ курятъ.

— Правда, вѣдь?—обратился онъ къ хозяину, прислушивавшемуся къ нашему разговору.

— Вѣрно, тюра. Многіе курятъ. Раисъ даже самъ куритъ,— засмѣялся онъ, вспомнивъ мѣстнаго блюстителя законовъ и нравовъ.

Заинтересовавшись, я спросилъ, какое ощущеніе испытываютъ при куреніи.

— Ты хочешь знать, что видятъ, тюра, тѣ люди, которые выкурятъ теріакъ? Я самъ курю, но трудно разсказать. Вначалѣ бываетъ немного тяжело — кровь приливаетъ къ головѣ, но потомъ мысль проясняется, и человѣкъ видитъ передъ собою весь міръ. Одинъ за другимъ проходятъ передъ его глазами другіе народы съ ихъ жизнью, даже тѣ, про которыхъ онъ никогда не слыхалъ и не видѣлъ. Битвы, осады городовъ, сраженія, набѣги чередуются съ мирною жизнью. Безконечно большіе базары открываются передъ нимъ и люди проходятъ, толпятся тысячами. Дни съ яркимъ солнцемъ, ночи съ блѣдною луною чередуются каждую минуту. Женщины, прекрасныя, какъ гуріи, танцуютъ, сплетаясь длинными вереницами, и снова волны, города, кишлаки и пустыни.

— Ахъ, тюра, нельзя этого разсказать, все лишь можно видѣть, чтобы помнить; но разъ увидишь — другой разъ захо-

чешь. Скучна потомъ наша жизнь становится и хочется снова чувствовать и жить въ томъ, другомъ прекрасномъ мірѣ, гдѣ все время услаждается слухъ чудною музыкою, пѣніемъ птицъ и бачей и женщинъ. Хорошо, тюра, очень хорошо!

И старикъ на минуту задумался, будто переживая вновь всѣ картины и ощущенія.

— Потомъ только дѣлается плохо,—заговорилъ онъ снова.— Болитъ голова, дрожатъ руки и ноги. Весь человѣкъ становится больнымъ. Ѣстъ плохо, но опять-таки легко можетъ поправиться, надо немного въ мѣру покурить. Все проходитъ, и здоровъ человѣкъ. Если много курить — спать хочется, снова сны приходятъ и снова больной, а немного—-очень хорошо.

Невольно приходитъ на мысль, что борьба съ распространеніемъ опіума, теріака, гашиша и анаши, всѣми этими наркотиками, въ Средней Азіи почти не ведется и большое количество ихъ водворяется тайнымъ путемъ въ видѣ контрабанды черезъ Китайскую и Бухарско-Афганскую границы. Между прочимъ врачами признается главный вредъ въ тайной продажѣ наркотиковъ, благодаря которой они проникаютъ не въ чистомъ видѣ, а съ подмѣсями, особенно разрушительно дѣйствующими на здоровье.

Широкія улицы русскаго Чарджуя, обсаженныя деревьями съ садиками около каждаго дома и съ большимъ паркомъ посреди города, придаютъ ему особенно нарядный видъ. Тротуары, мостовыя, керосино-калильные фонари и электрическое освѣщеніе заводовъ подчеркиваютъ значеніе этого новаго города.

Небольшая деревянная церковь красиво выступаетъ среди парка, а сзади нея тянутся ряды казармъ расположенныхъ въ нихъ войскъ. Улицы пестрятъ вывѣсками магазиновъ, гостиницъ и ресторановъ, но на всемъ лежитъ особый средне-азіатскій отпечатокъ, дѣлающій городъ совершенно непохожимъ на города Европейской Россіи. Типы армянъ, грузинъ, персовъ и татаръ преобладаютъ, и русскія лица тонутъ въ этомъ морѣ восточныхъ людей.

Порядочный ресторанъ при одной изъ гостиницъ способствовалъ быстрому завоеванію нашихъ симпатій къ Чарджую.

Въ большой залѣ съ недурной обстановкою, казавшейся послѣ долгаго пребыванія въ кибиткахъ послѣднимъ словомъ комфорта, было людно. Устроившись за однимъ изъ столиковъ, мы скоро увидѣли и знакомыхъ, радостно насъ встрѣтившихъ и забросавшихъ цѣлымъ рядомъ вопросовъ.

— Откуда и куда путь держите?

— И не стыдно не заѣхать къ пріятелю?

— Что-что, а этого не ожидалъ, чтобы мимо моей хаты проѣхать!..

Едва успѣвая отвѣчать, мы уже были окружены большимъ обществомъ. Изъ сосѣдней залы слышались звуки струннаго оркестра, и вся обстановка напоминала обыденную ресторанную картину, въ которой лишь непривычнымъ рѣзкимъ пятномъ выдѣлялась группа бухарцевъ, сидѣвшихъ въ своихъ яркихъ цвѣтныхъ халатахъ въ углу и усердно уничтожавшихъ цѣлую батарею бутылокъ пива.

— Какъ видите, мы цивилизуемся, — указалъ на нихъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Да, это вѣрно, но только пожалуй цивилизація вливаетъ въ ихъ жизнь свои отрицательныя стороны.

— Ну, не скажите,—теперь туземцы совсѣмъ другими стали. На нихъ наша забастовка произвела огромное впечатлѣніе. Какъ можно видѣть, недовольство у нихъ своимъ правительствомъ очень большое и замѣчается броженіе, которое, надо думать, окончится общимъ возстаніемъ, если своевременно не введутъ реформы въ управленіи. Надо только удивляться Эмиру, насколько онъ вѣритъ своимъ приближеннымъ, скрывающимъ отъ него настроеніе населенія. Въ этомъ отношеніи не мѣшаетъ ему кое-что позаимствовать у новаго Хивинскаго хана. Тотъ болѣе понимаетъ современныя условія жизни и недаромъ онъ, вступивъ на престолъ, тотчасъ же обратился къ генералъ-губернатору съ просьбою рекомендовать ему типъ учебнаго заведенія для хивинскаго народа.

Невольно я вспомнилъ дошедшую до меня новость, что извѣстному знатоку Средней Азіи Н. П. Остроумову поручена разработка проекта учительской школы для хивинцевъ, при чемъ

въ основаніе его положена мысль сохранить бытовыя стороны, но ввести новые образовательные предметы, чтобы имѣть возможность подготовить просвѣщенныхъ учителей для туземныхъ школъ Хивинскаго ханства.

— Странно, что, имѣя возможность воздѣйствія на эмирское правительство, Россія имъ не пользуется,—заговорилъ сосѣдъ—путеецъ,—и еще страннѣе, что вѣдь, достигнувъ почти окончательныхъ результатовъ въ дѣлѣ нашего стремленія къ завоеванію востока, мы остановились и не присоединимъ къ своимъ владѣніямъ Бухарское ханство.

— Но вѣдь это не вполнѣ вѣрно: Россія никогда не хотѣла завоевать Средней Азіи,—попробовалъ опонировать военный инженеръ Д.

— Это вы ошибаетесь. Еще когда въ 1619 году было послано посольство Ивана Хохлова въ Бухару, то оно имѣло инструкцію склонить Эмира къ заключенію союза съ Россіею, а уже наказъ Петра Великаго князю Бековичу-Черкасскому говоритъ по этому вопросу вполнѣ опредѣленно: „Будучи у Хивинскаго хана провѣдать о Бухарскомъ, нельзя ли его хоть не въ подданство, то въ дружбу привести“. Здѣсь уже мысль о подданствѣ очень сильна, а при Аннѣ Іоанновнѣ въ 1734 году статскій совѣтникъ Кирилловъ, отправленный для построенія Оренбурга, получилъ приказаніе разработать проектъ о приведеніи Ташкента и Туркестана въ подданство, и 13 августа того же года онъ доносилъ о возможности завоеванія Хивы, Бухары, Балха и Бадакшана. Такимъ образомъ все это идетъ, отвѣчая государственной программѣ Россіи, а не является случайностью. Въ этомъ все время было стремленіе: къ солнцу, къ незамерзающему морю и къ всемірной торговлѣ.

Мы невольно согласились съ этимъ взглядомъ, раздѣляемымъ почти всѣми старыми туркестанцами. Событія прошлаго съ особою рельефностью показали, что Бухарское ханство готовитъ Россіи въ будущемъ не одинъ сюрпризъ, а недовольство населенія своимъ правительствомъ особенно рельефно было подчеркнуто во время январскаго возстанія, послѣ котораго, несмотря на обѣщанія, никакихъ реформъ въ управленіи не введено.

— Интересно знать, насколько отразилось на порядкахъ управленія послѣднее возстаніе?—спросилъ я мѣстнаго старожила, имѣющаго постоянныя сношенія съ бухарскимъ населеніемъ.

— Какъ вамъ сказать? репрессіи были большія,—отвѣтилъ онъ, подумавъ,—ну и бить стали больше. Всѣ беки думаютъ, что битьемъ все сдѣлаютъ и все выбить изъ народа можно. Лишь бы палками ударить, какъ въ извѣстномъ разсказѣ про Тамерлана и гусей.

— Какихъ гусей?—удивился я этому сравненію.

— А видите ли, къ Тамерлану пришелъ на поклонъ извѣстный мулла Насръ-Эддинъ. Жилъ онъ въ кишлакѣ около Бухары и, собираясь итти, рѣшилъ поднести Эмиру Тимурленгу въ подарокъ жаренаго гуся. Дорога была дальняя, и мулла, проголодавшись, съѣлъ у гуся одну ногу, но все же представилъ повелителю гуся. Разумѣется Тимуръ-Ханъ это увидѣлъ и сейчасъ же спросилъ, куда дѣвалась другая нога. Насръ-Эддинъ былъ большой острякъ,—онъ быстро нашелся, отвѣтивъ: „У насъ всѣ гуси съ одной ногой; если не вѣришь, о, повелитель, то посмотри самъ вонъ гусей: у всѣхъ у нихъ по одной ногѣ,—указалъ онъ на стадо гусей, стоявшихъ у хауза.

Тамерланъ, посмотрѣвъ на хитраго муллу, размѣялся, но тотчасъ же взялъ длинную палку и ударилъ ближайшаго гуся. Остальные гуси, услышавъ рѣзкій звукъ удара, испугались и тотчасъ же опустили ноги и быстро побѣжали.

— Вотъ смотри-ка, мулла, а вѣдь гуси-то съ двумя ногами,—обратился Эмиръ къ хитрецу, думая, что тотъ попался.

Но Насръ-Эддинъ былъ человѣкъ сообразительный и за словомъ въ карманъ не лазилъ.

— О, Эмиръ!—отвѣтилъ онъ,—въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: вѣдь если и тебя начнутъ бить палкой, то ты побѣжишь не только на двухъ ногахъ, но и на четверенькахъ...

Въ залѣ сдѣлалось шумно. Говоръ людей смѣшивался съ звуками музыки и стукомъ посуды. Дымъ папиросъ носился цѣлыми облаками.

Часъ уже былъ поздній; клонило ко сну.

XX.

Безконечно длинный желѣзнодорожный мостъ, утвержденный на двадцати четырехъ желѣзныхъ круглыхъ фермахъ, поражалъ своею длинною и ажурной легкостью очертаній. Видъ съ него открывался далеко во всѣ стороны. Весь Чарджуй со своими домами и улицами былъ виденъ, какъ на ладони. Аму-Дарья, прихотливо извиваясь, бѣжала на сѣверъ и на югъ, а на востокъ и западъ разстилалось полотно желѣзной дороги. Рядомъ съ новымъ мостомъ виднѣлись остатки стараго деревяннаго моста съ частью сохранившейся настилки и торчавшими изъ воды толстыми сваями. Какъ-то невольно становилось жаль этого старика, послужившаго желѣзнодорожному движенію болѣе пятнадцати лѣтъ.

Груды камня, фашинъ правильными пирамидами были сложены подъ мостомъ, закрывая огромное пространство. Вездѣ по берегу устроены были длинныя и высокія дамбы, облицованныя каменными плитами.

День былъ яркій, и сразу сдѣлалось тепло, какъ будто раннею весною. Широкая полоса тугаевъ разстилалась по лѣвому берегу, имѣя видъ густого лѣса.

Сѣвъ на приведенныхъ лошадей, мы ѣхали по зарослямъ, слыша грохотъ проходившихъ невдалекѣ параллельно нашей дорогѣ поѣздовъ. Талы, тополя, джида стояли по сторонамъ дороги безъ листвы, темнѣя своими стволами. Кое-гдѣ виднѣлись заросли камышей, окружавшихъ небольшія озерца, оставшіяся отъ разливовъ рѣки. Мѣстами попадались болотистыя пространства. Пахло сыростью и цвѣлью.

Невдалекѣ отъ Аму-Дарьи раскинулся значительный бухарскій кишлакъ Фарабъ. Когда проводили желѣзную дорогу, то вначалѣ былъ проектъ устроить около него русское поселеніе, но затѣмъ по какимъ-то соображеніямъ мысль эта была оставлена, и поселеніе возникло на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи въ Чарджуѣ, превратившемся, какъ мы видѣли, нынѣ въ городъ. Фарабъ же, благодаря своей богатой растительности, все

же привлекъ къ себѣ вниманіе желѣзнодорожной администраціи, устроившей здѣсь паровозное депо съ небольшими мастерскими. Въ будущемъ повидимому этому пункту предстоитъ играть роль передаточной узловой станціи, какъ только появится проектъ проведенія желѣзной дороги въ Хиву по правому берегу Аму-Дарьи, представляющему собою равнину; также неоднократно при возникновеніи проектовъ соединенія желѣзнодорожной линіей Керковъ и Термеза съ главной Средне-азіатскою магистралью исходною точкою новой дороги намѣчалась станція Фарабъ и надо думать, что рано или поздно, но пунктъ этотъ, имѣющій большія данныя для устройства русскаго поселенія, привлечетъ къ себѣ предпріимчивыхъ людей.

У бухарцевъ кишлакъ Фарабъ пользуется извѣстностью, какъ мѣсто, сыгравшее крупную роль въ исторіи страны во время монгольскаго завоеванія.

Относясь враждебно къ пришельцамъ, покорившимъ Бухару, жители ея, принадлежавшіе къ туркменскимъ племенамъ, крайне неохотно переносили иго монголовъ-завоевателей. Цѣлый рядъ бунтовъ и возмущеній возникали среди населенія покоренной страны, подавлявшихся монголами съ безпощадною суровостью, но эти казни не могли заглушить національнаго самосознанія народа и лишь являлись почвою, на которой созрѣвало народное недовольство противъ завоевателей;—достаточно было затѣмъ лишь предлога, чтобы весь народъ тотчасъ же поднялся вновь какъ одинъ человѣкъ, стремясь свергнуть власть поработителей. Взоры всѣхъ невольно отыскивали человѣка, могущаго стать во главѣ движенія, но такого не было ни среди представителей аристократіи, ни среди ученыхъ, ни среди воиновъ. Но наконецъ вождь совершенно неожиданно нашелся среди простонародья, въ кишлакѣ Фарабѣ.

Въ царствованіе Чагатая, сына Чингизъ-Хана, въ 1232 г въ кишлакѣ Фарабѣ проживалъ корзинщикъ Махмудъ, человѣкъ нервный, экзальтированный, фанатикъ и ясновидящій. Глубоко вѣрующій и увлекательный расказчикъ-импровизаторъ, онъ уже давно имѣлъ большое вліяніе на своихъ односельчанъ, считавшихъ его отмѣченнымъ высшею силою. Его ре-

месло—плетеніе корзинъ—способствовало размышленію, а нервность вскорѣ повлекла къ галюцинаціямъ.

Не будучи въ состояніи скрыть свои видѣнія, онъ разсказалъ о нихъ сестрѣ, а та разгласила это всѣмъ родственникамъ. Передаваемая другъ другу съ добавленіями и прикрасами, такая новость быстро облетѣла окрестности, а такъ какъ ясновидящіе и прорицатели пользовались большимъ почетомъ въ народѣ, вѣровавшемъ въ ихъ чудодѣйственную силу, то скоро къ Махмуду потянулись изъ ближайшихъ мѣстъ всѣ больные и одержимые. И Махмудъ, вѣря самъ въ свою силу, сталъ дѣлать чудеса, возвращая слѣпымъ зрѣніе, вдувая имъ въ глаза какую-то особаго вида пыль и говоря всѣмъ, что онъ сносится съ высшими духами.

Быстро разносилась молва о появленіи новаго святого, и въ самое короткое время достигла до столицы Старой Бухары. Чуткіе ко всѣмъ новостямъ, базары заволновались, и во всѣхъ чай-хане только и было разговоровъ о муллѣ Махмудѣ.

Еще спустя нѣсколько дней пронеслась и другая новость: пользовавшійся большимъ почетомъ бухарскій мулла Шамсутдинъ-Махбуби вычиталъ въ одной древней книгѣ, что изъ Фараба долженъ появиться освободитель міра.

Объявивъ во всеуслышаніе объ этомъ, мулла тѣмъ самымъ призналъ Махмуда изъ Фарабы призваннымъ къ высшей миссіи.

И потянулись люди къ новому святому, оказавшемуся во главѣ народнаго движенія, къ которому примыкали всѣ недовольные монгольскимъ управленіемъ.

Мирное теченіе возстанія, не проявившее себя никакими насиліями, еще болѣе испугало монголовъ, незнакомыхъ съ религіозными движеніями. Рѣшивъ устранить причину и тѣмъ уничтожить возстаніе, монгольскій бекъ, намѣстникъ Бухары, послалъ къ Махмуду депутацію, прося осчастливить Бухару своимъ пріѣздомъ, но въ то же время давъ конвою инструкцію убить его во время дороги.

Въ сопровожденіи большого числа приверженцевъ, подъ охраной огромнаго монгольскаго конвоя, двинулся Махмудъ изъ Фараба, но, не доходя до мѣста, гдѣ его предполагали убить,

онъ, очевидно, узнавъ объ этомъ отъ кого-либо изъ своихъ приверженцевъ, остановился и, ставъ передъ монголами, началъ упрекать ихъ въ измѣнѣ, вѣроломствѣ, грозя ослѣпить всѣхъ своею волшебною силою. Суевѣрные, дикіе монголы растерялись и, испугавшись, не выполнили даннаго имъ приказанія, благодаря чему Махмудъ прибылъ въ Бухару, гдѣ былъ встрѣченъ народомъ какъ пророкъ, съ такимъ почетомъ, съ какимъ не встрѣчали самого правителя. Люди цѣловали слѣды его ногъ на землѣ и лизали слюну, когда онъ плевалъ на землю...

Народное движеніе разрасталось все больше и больше, переходя мѣстами въ нападенія на монгольскія войска.

Боязнь за свое положеніе понудила монгольскаго бека—правителя искать помощи среди бухарской аристократіи, не относившейся сочувственно къ народному возстанію изъ опасенія за свое имущество.

Узнавъ о готовящемся на него нападеніи, пророкъ Махмудъ со своими приверженцами ночью вышелъ изъ города и занялъ близъ лежащія высоты. Среди простого же народа разнесся слухъ, что онъ ушелъ туда по воздуху.

Воодушевленіе охватило все бухарское населеніе, спѣшившее на призывъ своего новаго пророка и захватившее уже въ свои руки часть города.

Чернь, пользуясь замѣшательствомъ власти, грабила лавки на базарахъ.

Объявивъ призывъ къ возстанію и приказавъ вооружаться, Махмудъ черезъ нѣсколько дней уже вступилъ въ Бухару во главѣ значительныхъ силъ, собравшихся подъ его знаменемъ съ цѣлью избіенія невѣрныхъ-монголовъ. Послѣдователи и сторонники провозгласили его не только пророкомъ, но и повелителемъ страны.

Занявъ крѣпость и дворецъ, пророкъ назначилъ муллу Шамсутдинъ-Махбуби Саръ-Джигапомъ, т. е. первымъ духовнымъ сановникомъ страны, и разрѣшилъ черни грабежъ лавокъ и караванъ-сараевъ. Вѣра въ него у народа была такъ велика, что когда однажды, явившись передъ нимъ и разсказавъ о своей великой миссіи, онъ сказалъ, что ему покрови-

тельствуетъ Аллахъ, посылающій духовъ для помощи, то никто и не усомнился. Народъ вѣрилъ также, что оружіе ему приносятъ духи.

А самъ пророкъ передъ огромнымъ собраніемъ, на замѣчаніе кого-то, что мало войскъ для изгнанія монголовъ, указалъ на небо:

„Войска у меня въ воздухѣ, они скрыты за облакомъ. Вонъ посмотрите теперь—ихъ видно. Видите тьму людей въ бѣломъ платьѣ, а дальше—въ зеленомъ; я подамъ знакъ, и они тотчасъ же явятся на землю“.

И достаточно было одному изъ близъ стоявшихъ людей сказать: „да мы ихъ видимъ“, какъ вся наэктрализованная толпа подтвердила это чудо, закричавъ: „видимъ, Хазретъ!“

Въ первую же пятницу во всѣхъ бухарскихъ мечетяхъ читались молитвы объ Эмирѣ Махмудѣ, уже поселившемся въ старомъ дворцѣ правителей Бухары. Желая обезсилить несочувствующихъ ему лицъ аристократіи и крупныхъ торговцевъ и въ то же время завоевать еще большую любовь простонародья, Эмиръ Махмудъ издалъ приказъ о конфискаціи имуществъ у богатыхъ. Масса товаровъ, денегъ и вещей тотчасъ же были отобраны и свалены въ огромныя кучи среди площади Регистана, откуда довѣренныя лица начали производить выдачу всему простонародью поровну.

И народъ славилъ щедраго, святого по его понятію Эмира, пророка, готовый грудью защитить его противъ общихъ враговъ.

Окруженный красавицами гарема и держа себя какъ настоящій повелитель, на недосягаемую высоту поднялся въ глазахъ народныхъ пророкъ-Эмиръ, завоевывая все больше и больше сторонниковъ.

Мнѣ уже не разъ приходилось слышать объ этой темной страницѣ въ исторіи Бухары, гдѣ время лжепророка Махмуда обрисовано крайне неполно, въ силу чего за разъясненіями хотѣлось обратиться къ кому-либо изъ знатоковъ, и, что рѣдко бываетъ, старый имамъ Фарабской мечети не только могъ объяснить многое непонятное, но и даже признавалъ себя въ какомъ-то родствѣ по женской линіи съ пророкомъ Махмудомъ.

Сидя на цыновкахъ около едва тлѣющаго мангала, бросавшаго красноватый свѣтъ на тонувшіе во мракѣ углы комнаты и не дававшаго ясно видѣть лица другъ друга, я съ большимъ интересомъ прислушивался къ словамъ старика.

— Пророкъ Махмудъ былъ великій Хазретъ!—убѣжденно высказалъ старый мулла.

И въ иномъ мірѣ, когда Аллахъ призоветъ его на свой судъ, то онъ послушаетъ, что скажетъ въ его защиту пророкъ Магометъ—печать всѣхъ пророковъ. И не осудитъ его Милосердный—засвидѣтельствуетъ пророкъ Магометъ, что Махмудъ совершалъ все во славу Аллаха противъ невѣрныхъ монголовъ.

Онъ былъ, тюра, рода тюркъ, правовѣрный мусульманинъ, а они безбожники. Но предали его свои же измѣнники рода тюркъ, которые стали изъ выгодъ держать сторону монголовъ. Собрались они въ странѣ Міанкаль, въ городѣ Кермине: знатные беки, ханы и богатые баи—всѣ тѣ, которыхъ изгналъ изъ Бухары Махмудъ. Соединившись съ войсками монголовъ, двинулись они со всѣхъ сторонъ на Бухару въ несчетномъ числѣ. Но не испугался ихъ самъ пророкъ Махмудъ, созвалъ онъ простыхъ людей изъ Бухары и ближайшихъ кишлаковъ и ауловъ. И не было даже у нихъ достаточно оружія. Вѣрилъ онъ, что защититъ самъ Милосердный вѣрнаго раба своего. Вмѣстѣ съ Саръ-Джиганомъ, муллою Шамсутдинъ-Махбуби вышли они безъ оружія и панцырей впереди своего бухарскаго народа изъ города навстрѣчу войскамъ монголовъ сражаться за Коранъ, который несли передъ ними муллы и мударисы, призывая имя Аллаха, Магомета—печать пророковъ—и пророка Махмуда.

— И исполнилось по вѣрѣ ихъ.

Въ тихій солнечный день разомъ поднялся страшный буранъ и ангелы съ неба, посланные Аллахомъ, стали забрасывать пескомъ враговъ, а пыль какъ стѣною закрыла собою правовѣрныхъ. Страшно испугались тогда монголы, видя такое чудо, и кинулись они бѣжать, уносясь на своихъ скакунахъ, какъ вѣтеръ. А вооруженные воины, стоявшіе сзади безоружнаго народа, стали рубить бѣгущихъ, покрывая ихъ тѣлами всѣ окрестности. Великую радость послалъ Аллахъ людямъ своимъ въ

этой побѣдѣ надъ врагами, но, спустя короткое время, онъ повергъ ихъ и въ бездонное море печали. Увидѣлъ Милосердный, что недостойны люди имѣть среди себя праведника, и съ закрутившимся вихремъ поднялъ онъ пророка Махмуда на седьмое небо, гдѣ посадилъ его у ногъ Великаго Хазрета — Магомета, печати пророковъ.

Братья его и Шамсутдинъ-Махбуби попробовали собрать вокругъ себя народъ, но недолго могли они продержаться. Пришли новыя войска монголовъ и подъ начальствомъ Найона Илдырой-Чингиза-Куръ послѣ кровопролитной битвы овладѣли г. Бухарой, уничтоживъ всѣхъ ея защитниковъ.

Но живъ пророкъ Махмудъ и живетъ во вѣки.

Угли прогорѣли и покрылись налетомъ золы, благодаря чему темнота уже была непроглядною, а отсутствіе свѣчей понуждало лечь спать на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ мы сидѣли, выслушавъ интересную страницу исторіи, подъ угломъ современнаго пониманія событія, разыгравшагося въ этомъ же самомъ почти мѣстѣ, гдѣ мы находились, шестьсотъ лѣтъ тому назадъ.

Снаружи слышалось завываніе вѣтра, проносившагося порывами и, проникая въ помѣщеніе, выдувавшаго все оставшееся тепло.

XXI.

Кишлакъ Фарабъ довольно разбросанъ и, отличаясь лишь значительною растительностью, не сохранилъ никакихъ памятниковъ старины за исключеніемъ мечети да надмогильныхъ камней на кладбищѣ. Небольшой базаръ былъ многолюденъ и на немъ среди туземной толпы виднѣлось нѣсколько полуевропейскихъ костюмовъ какихъ-то скупщиковъ.

— Вы что тутъ дѣлаете?—обратился полковникъ къ приземистому немолодому субъекту, стоявшему около какихъ-то тюковъ.

— Мое почтеніе,—поднялъ тотъ шапку...—Мы здѣсь скупаемъ кое-что, по своимъ дѣламъ, т.-е. отъ фирмы вѣрнѣе. Всегда въ Бухарѣ живемъ, а сюда за долгами пріѣхали. Надо

собрать со здѣшняго народа, что выдано было товаромъ въ кредитъ. Да очень трудно приходится.

— Отчего же такъ? Разъ должны, значитъ можно и взыскать,—вмѣшался я въ разговоръ.

— Такъ оно у насъ, а здѣсь по другому. Вѣдь здѣсь ни нашихъ векселей, ни суда, ни исполнительныхъ листовъ—ничего и въ поминѣ нѣтъ. Все на вѣру: дашь подъ росписку, а если не захочетъ платить—ничего не подѣлаешь. Подавай, не подавай въ политическое агентство—толку мало. Напишутъ бухарскимъ властямъ, а тѣ, получивъ взятку, отвѣтятъ: ничего такой-то не имѣетъ и взыскать поэтому нельзя. Такъ и бьемся сами; то же взятки бекамъ и амлякдарамъ даемъ и кое-какъ взыскиваемъ, только все же убытковъ много.

За Фарабомъ разстилалась безконечная равнина, на которой не видно было ни одной возвышенности. Тугайная полоса растительности кончилась и началась степь, мѣстами покрытая песками съ чахлыми кустами гребенщика и колючками.

Взявъ направленіе на кишлакъ Гуджели, мы вступили въ преддверіе пустыни Кимъ-Ирекъ-Кумъ, составляющей продолженіе песковъ Батыкъ-Кумъ, въ свою очередь соединяющихся съ пустыней Кизилъ-Кумовъ.

Мѣстность имѣла характерный видъ прибрежной къ Аму-Дарьѣ полосы, со слѣдами прежнихъ рукавовъ и протоковъ, засыпанныхъ частью пескомъ и занесенныхъ иломъ, въ которыхъ густо разрослись различныя болотныя растенія и камыши.

Присоединившійся къ нашему каравану скупщикъ N, интеллигентный, предпріимчивый и энергичный человѣкъ, среднихъ лѣтъ, знающій Бухару какъ свои пять пальцевъ, воспользовался случаемъ заглянуть въ кочевые аулы, разбросанные около Акъ-Калы, съ которыми у него велись какіе-то денежные расчеты по проданнымъ въ кредитъ товарамъ.

— Проклятый край, — сердито говорилъ онъ, вспоминая свои дѣла.—Никакой въ дѣйствительности здѣсь нѣтъ власти и произволъ страшнѣйшій, и каждое туземное должностное лицо, кромѣ заботъ о своемъ карманѣ, ничѣмъ рѣшительно не интересуется. А ужъ о средствахъ для пополненія этихъ без-

донныхъ кармановъ и говорить нечего: всѣ средства считаются хорошими и допустимыми. И при всемъ томъ полная безнаказанность, потому что вся администрація продажна, въ родствѣ и свойствѣ другъ съ другомъ и кромѣ того высшая власть окружена цѣлой стаей разнаго люда, имѣющаго большое значеніе, благодаря своему положенію, и никогда не отказывающагося отъ подарковъ и взятокъ для устройства темныхъ дѣлъ, изъ которыхъ развѣ по какой-либо случайности доходитъ что до ушей Эмира.

— Ну, а онъ-то самъ неужели не видитъ, что творятъ имъ поставленныя власти?—спросилъ я.

N только безнадежно махнулъ рукою.

— Гдѣ ужъ тамъ; онъ все-таки человѣкъ, воспитанный на многихъ старыхъ взглядахъ и понятіяхъ, а отъ нихъ отрѣшиться трудно. Все народонаселеніе имъ разсматривается, какъ источникъ дохода, который никакихъ протестовъ заявлять не имѣетъ права.

Восточный деспотъ сказывается въ немъ на каждомъ шагу. Вѣдь когда однажды Эмиру Абдулъ Ахаду доложили, что народъ требуетъ уменьшенія налоговъ, то онъ страшно разсердился. Говорятъ, въ это время онъ держалъ въ рукахъ свою любимую куропатку и сидѣлъ, лаская красивую птицу. Вскочилъ сразу, потомъ сѣлъ и, нервно теребя несчастную птицу, сталъ рвать изъ нея живой, трепетавшей, перья, а когда всю ее оборвалъ, бросилъ въ сторону и, задыхаясь отъ охватившаго его волненія, сказалъ: „Такъ раньше я поступлю съ моимъ народомъ, а потомъ уже облегчу бремя его податей“.

Сынъ Музаферъ-Хана и внукъ Эмира Насрула-Хана сказывается въ немъ часто, и тѣ черты мягкости, которыя ему приписывались русскими, не знающими, каковъ онъ въ дѣйствительности, совершенно чужды его характеру, во многомъ крайне жестокому и нетерпящему никакихъ противорѣчій и новшествъ.

Послушайте только, что говорятъ на базарахъ: вѣдь во всемъ винятъ русское правительство и даже окружаютъ особымъ ореоломъ Эмира, считая, что непосильныя подати идутъ русскимъ.

Темнота—народъ здѣшній. Но только если не обратятъ должнаго вниманія наши власти, такъ плохо будетъ. Народное долготерпѣніе лопнетъ, и тогда трудно сказать, во что выльется движеніе. Ну, а разные ишаны и муллы изъ Турціи, бродящіе здѣсь вездѣ, этимъ пользуются. Кромѣ того много шляющагося народа проникаетъ изъ Индіи, а что они преслѣдуютъ и къ чему стремятся—откроется, когда будетъ поздно. Пожалуй, рука Индо-Англійскаго правительства проглядываетъ въ этомъ. Коли вдуматься—его стремленіе возможно умалить вліяніе Россіи въ Средней Азіи, а для этого всѣ средства хороши.

Желая провѣрить, какъ смотритъ населеніе на свою администрацію, я заговорилъ съ сопровождавшими насъ туркменами, ѣхавшими, тихо переговариваясь, не обращая на насъ никакого вниманія.

— Скажи, пожалуйста, ашна, здѣсь у васъ хорошій человѣкъ амлякдаръ?

— Хорошій, тюра, очень хорошій,—заторопился онъ отвѣтомъ, хитро улыбнувшись и переглянувшись со своими.

— Не дай только Аллахъ попасть въ его руки: обдеретъ и ничего не оставитъ. Страсть жаденъ на деньги, а человѣкъ ничего онъ. Деньги любитъ, а только кто ихъ не любитъ, тюра?—философски закончилъ туркменъ вопросомъ.

— А зачѣмъ же попадать къ нему; вѣдь если ничего дурного не дѣлать—и онъ не тронетъ?—спросилъ я въ свою очередь.

— Да это такъ, но только вѣдь ты, тюра, нашихъ законовъ и шаріата не знаешь. Я ихъ много не знаю, а вотъ мулла Назаръ—онъ въ медрессе былъ и все знаетъ,—указалъ онъ на пожилого узбека, ѣхавшаго немного въ сторонѣ и также присоединившагося къ нашему каравану.

— Вѣдь мулла Назаръ все знаетъ, онъ въ казіи готовился, а только съ нимъ несчастье случилось—Аллахъ допустилъ человѣка убить. Ну и пришлось ему долго въ тюрьмѣ сидѣть. Потомъ онъ анаша куритъ и водку пить сталъ. Пропалъ человѣкъ,—сокрушенно вздохнулъ онъ.

Услышавъ свое имя, повторенное нѣсколько разъ, среднихъ

лѣтъ узбекъ подъѣхалъ ближе и, приложивъ правую руку къ сердцу, поклонился наклономъ головы.

Нервное красивое лицо его было желтаго, нездороваго оттѣнка, темные глаза смотрѣли устало и безучастно.

— Мулла съ нами далеко ѣдетъ?—обратился къ нему полковникъ.

— Да, тюра, стада моего брата около кол. Сары-Булака ходятъ; надо мнѣ ихъ пересмотрѣть и его людей видѣть.

— Что жъ отлично, вмѣстѣ доѣдемъ. А правда ли досточтенный мулла готовился въ казіи и медрессе кончилъ?

— Да, тюра, это такъ, но только судьба-кысметъ не была благосклонна ко мнѣ, не удалось. Больше десяти лѣтъ я въ медрессе въ Бухарѣ былъ,—словоохотливо сообщилъ мулла всѣ свѣдѣнія о себѣ, и мы закидали его рядомъ вопросовъ о судопроизводствѣ и административной власти ханства.

— Тюра хочетъ знать, какъ у насъ судятъ. Но только вѣдь шаріатъ одно, дѣло другое, а амлякдаръ и казій третье, и всѣ вмѣстѣ не идутъ. Судитъ казій; судитъ амлякдаръ; судитъ бекъ. И каждый по своему, а шаріатъ лежитъ на почетномъ мѣстѣ въ сундукѣ, и его никто не вынимаетъ. Забыли всѣ, что онъ есть, и помнятъ только деньги. Берутъ особый налогъ—химатопу—деньги за исполненіе службы, со всякаго, кто только попадетъ подъ арестъ, а сажаютъ часто. При амлякдаръхана сидятъ арестованные. На ноги надѣваютъ тяжелыя колодки, а на шею тяжелыя цѣпи, которыми сковываютъ людей по нѣсколько вмѣстѣ, а цѣпь еще приковываютъ къ стѣнѣ.

Тяжело сидѣть, тюра; цѣпь въ тѣло входитъ; раны болятъ, сидѣть можно или лежать на спинѣ, а повертываться нельзя.

Я, тюра, шесть лѣтъ сидѣлъ; знаю хорошо. Въ колодки заковываютъ всякаго, который долженъ сидѣть больше пяти часовъ, и при этомъ каждый долженъ кормиться самъ; родственники приносятъ или же кто милостыню подаетъ. Но только если есть деньги, всегда можно откупиться—выпустятъ. Кромѣ того съ людей состоятельныхъ берутъ и люди амлякдара шкаляну — налогъ за сидѣніе — по двѣ теньги въ день. А еще когда сажаютъ, то все платье снимутъ, и халаты, и чалму и все

это амлякдарскимъ людямъ идетъ. Голымъ почти выходитъ человѣкъ изъ тюрьмы.

Но только это еще, тюра, ничего; терпѣть можно. Бьютъ только много тамъ. Хотя мы къ этому съ дѣтства привыкаемъ, а все-таки очень нехорошо. Когда выходитъ какой джанджалъ [1]), такъ тутъ ужъ бьютъ сильно всѣхъ—и кто сдѣлалъ, и кто видѣлъ, и кто мимо шелъ, потомъ штрафъ наложатъ и выпустятъ.

Да, у насъ палокъ не жалѣютъ и всѣ бьютъ — и казій, и раисъ, и бекъ, и амлякдаръ. По шаріату больше 75 палокъ нельзя, а бьютъ—сколько хотятъ: за одну вину 25, за другихъ четыре по 40, а тамъ еще за шестую маленькую 20—и выходитъ двѣ полныхъ сотни, а все — какъ по закону полагается; и наказываемый долженъ самъ въ это время кричать, за что его бьютъ, чтобы видѣли всѣ люди, что его наказываютъ за вину, а не даромъ. А попробуй не кричать это, такъ еще прибавятъ.

— Охъ, тюра, у меня все тѣло до сихъ поръ болитъ. Очень много били.

Равнина какъ будто дѣлалась все шире и шире и небольшіе холмы и лощины встрѣчались гораздо рѣже, зато песчаныя пространства ежеминутно узкими полосами пересѣкали дорогу, выдѣляясь красноватымъ и свѣтлымъ оттѣнкомъ на общемъ желтоватомъ фонѣ равнины.

Солнце, показавшееся съ утра, спряталось за тучи, низко нависшія надъ землею. Небольшія пушинки снѣга падали на землю и, тотчасъ же тая, служили намекомъ, что уже началась бухарская зима, безснѣжная, съ холодными, рѣзкими вѣтрами и снѣговымъ покровомъ, выпадающимъ иногда на нѣсколько дней. Вѣтеръ, шевеля колючки, съ шуршаніемъ проносился навстрѣчу, заставляя кутаться въ кавказскую бурку. Лошади отворачивались отъ вѣтра и шли ему навстрѣчу крайне неохотно.

Кишлакъ Гуджели лежитъ на краю Кара-Кульскаго бекства и служитъ какъ бы преддверіемъ пустыни, разстилающейся къ сѣверу, а поэтому въ немъ надо было запастись продуктами для дальнѣйшаго путешествія.

1) Джанжалъ—шумъ, драка.

Бѣдная сравнительно растительность отличала это мѣсто отъ всѣхъ кишлаковъ побережья Аму-Дарьи. Глинобитныя постройки особенно уныло выглядятъ своими размытыми дождями стѣнами и дувалами. Сквозь плоскую глинобитную крышу просачивалась вода, сбѣгая небольшою струйкою и образуя на полу порядочную лужу.

— Неважный будетъ ночлегъ,—бросилъ полковникъ, разсматривая помѣщеніе,—отъ дождя укрыться негдѣ, ишь вездѣ мокро.

— Ничего, какъ нибудь переночуемъ, бурками закрывшись,—утѣшилъ я его.

Постройки, сдѣланныя изъ глины съ мазаными глиною же крышами сверху тонкаго слоя камыша, хороши только лѣтомъ. Отсутствіе фундамента и цоколя даетъ возможность влагѣ изъ земли подниматься по стѣнамъ, которыя въ этомъ случаѣ похожи на губки, впитывающія въ себя воду, а присутствіе соли въ глинѣ еще болѣе развиваетъ сырость, благодаря которой стѣны снизу постоянно осыпаются, а черезъ нѣсколько времени даже падаютъ. Вообще современныя постройки бухарцевъ крайне примитивны и особой прочностью не отличаются.

Мангалъ распространялъ тепло, и горячій воздухъ, смѣшиваясь съ испареніями, создавалъ особую духоту, благодаря которой приходилось постоянно открывать двери на дворъ, чтобы освѣжить помѣщеніе.

Мы, мулла Назаръ, туркмены — всѣ вмѣстѣ размѣстились на полу довольно большой комнаты.

Мулла Назаръ, оказавшійся крайне разговорчивымъ, охотно отвѣчалъ на всѣ наши вопросы, касавшіеся суда въ ханствѣ.

— Много, тюра, въ Бухарѣ слезъ людскихъ проливается отъ большой несправедливости, потому у насъ каждый чиновный человѣкъ можетъ судить и за это собирать деньги, а если кто когда сдѣлалъ джанджалъ (скандалъ) — такъ прямо бѣда. Его судятъ не одинъ разъ за всѣ вины, а всегда за каждую вину отдѣльно. Если на грѣхъ, положимъ, кто напился пьянымъ побилъ пять человѣкъ, валялся на улицѣ, порвалъ двумъ людямъ халаты, сопротивлялся нукерамъ, когда его вели, то его

будутъ судить не одинъ разъ, а десять разъ, за каждую вину особо. И всякій разъ казій или амлякдаръ съ него возьметъ все, что только можно, потому что на каждое дѣло сколько-угодно у насъ можно свидѣтелей найти и всякій, хоть и не видѣлъ ничего, скажетъ за деньги, что видѣлъ.

— Да, тюра, тяжело народу. Всѣ берутъ съ него: и казій, и бекъ, и амлякдаръ, и раисъ, и бѣда, если онъ когда на судъ попадетъ: всего лишится и ничего имѣть не будетъ.

— Да вотъ, тюра, я здѣсь слышалъ, что завтра будутъ утромъ судить одного бая; коли хотите — можно посмотрѣть. Только судъ будетъ Божій, а не простой.

— Какой же это Божій судъ?—заинтересовался я новымъ названіемъ.

— Это судъ особенный: кто правъ — за того Аллахъ, и тотъ правъ будетъ; но только у насъ это нехорошо бываетъ и часто и на Божьемъ судѣ невинный виновнымъ становится, потому что Божье дѣло дѣлаютъ злые, нехорошіе люди.

Однообразное трещаніе какого-то насѣкомаго въ родѣ сверчка нарушало тишину. Всѣ устали и съ нетерпѣніемъ ожидали плова, приготовляемаго на ужинъ рядомъ на дворѣ. Запахъ жаренаго кунжутнаго масла и бараньяго сала носился въ воздухѣ, возбуждая аппетитъ. Плотно поужинавъ и завернувшись въ бурки, мы улеглись вповалку всѣ рядомъ, и скоро дружный храпъ указывалъ, что дорога тяжела и утомительна, но спать можно при всякой обстановкѣ.

Капли дождя просачивались сквозь крышу и ритмическій, однообразный стукъ падающей воды навѣвалъ крѣпкій сонъ, безъ грезъ и сновидѣній.

На дворѣ слышался шумъ дождя, и вѣтеръ, проникая сквозь щели дверей, шелестѣлъ въ камышевой настилкѣ крыши.

XXII.

Утро было сырое, туманное. Осклизлыя деревья, крыши и стѣны зданій казались болѣе темнаго оттѣнка. Лужи воды послѣ

дождя стояли вездѣ, образуя въ узкихъ улицахъ кишлака непроходимую грязь, которую размѣшивали проѣзжавшіе на базаръ, гдѣ виднѣлась уже значительная толпа людей, столпившихся около центра базара—возвышенія, устроеннаго для сидѣнія на немъ должностныхъ лицъ.

Толпа хранила молчаніе и изрѣдка лишь слышались отвѣтныя привѣтствія вполголоса къ позже пріѣхавшимъ.

Мѣстный казій—старикъ съ длинной рыжею, какъ огонь, бородою показался на углу, выѣзжая изъ улицы, и вся толпа какъ одинъ человѣкъ отдала глубокій поклонъ, привѣтствуя представителя судебной власти. За нимъ черезъ минуту выѣхалъ мѣстный амлякдаръ, и оба должностныя лица, медленно проѣхавъ площадь, остановились около возвышенія и, сойдя съ лошадей при помощи десятка рукъ ближайшихъ изъ толпы, были съ особою почтительной торжественностью введены подъ руки на возвышеніе. Нѣсколько нукеровъ, расталкивая толпу, ввели въ середину изможденнаго старика узбека, около котораго сталъ плечистый, крайне не симпатичнаго вида сартъ съ хитрыми, бѣгающими во всѣ стороны глазами.

Казій, поднявшись съ мѣста и повернувшись на западъ по направленію къ Меккѣ, зашепталъ слова какой-то молитвы, и вся толпа, опустившись на колѣна, въ безмолвіи послѣдовала его примѣру, кланяясь въ землю, прикладывая раскрытыя ладони къ ушамъ и проводя ими по своимъ лицамъ. Затѣмъ казій вынулъ изъ-подъ халата толстую старую книгу въ кожаномъ желтомъ переплетѣ и положилъ ее передъ собою.

— Слушайте, люди,—заговорилъ онъ скрипучимъ, разбитымъ голосомъ,—Алимъ Бай пріѣхалъ недавно въ кишлакъ на лошади, пригнавъ стадо барановъ, которыхъ Махмудъ-Ходжа призналъ своими, украденными нѣсколько времени тому назадъ. Но свидѣтелей они оба не представили, хотя оба и приняли уже разъ присягу. Теперь они снова присягнутъ на коранѣ и пусть Аллахъ ихъ разсудитъ и мы будемъ тогда видѣть на чьей сторонѣ правда.

Махмудъ-Ходжа въ богатомъ халатѣ увѣренно выступилъ впередъ и, обмѣнявшись рукопожатіемъ съ амлякдаромъ, до-

тронулся рукою до старой книги и быстро отступилъ въ сторону, уступая мѣсто Алиму Баю, боязливо подошедшему ближе и сконфуженному общимъ вниманіемъ. Старый, потрепанный халатъ старика, какъ говорили, въ недавномъ прошломъ богатаго человѣка, служилъ достаточнымъ нагляднымъ подтвержденіемъ, что его уже порядочно пощипали власти при разсмотрѣніи тяжебнаго дѣла.

Махмудъ-Ходжа, дружелюбно переглянувшись съ казіемъ и амлякдаромъ, зашепталъ что-то быстро рядомъ съ нимъ стоявшему нукеру въ то время, когда Алимъ Бай съ большимъ благоговѣніемъ коснулся рукою корана.

Поднявшись съ мѣста и снова вполголоса прочитавъ какую-то молитву, казій взялъ довольно большой чурекъ и, разломивъ его на двѣ половины, протянулъ ихъ обоимъ тяжущимся, сказавъ: „хлѣбъ Аллаха дастъ намъ возможность видѣть на чьей сторонѣ правда“.

Быстро взявъ свою часть, Махмудъ-Ходжа, отрывая куски крѣпкими зубами, сталъ быстро его пережевывать, проглатывая и въ то же время съ усмѣшкою посматривая на стараго Бая, съ трудомъ пережевывавшаго сухой чурекъ съ помощью немногихъ оставшихся у него зубовъ.

Полная тишина царствовала въ толпѣ, внимательно слѣдившей за тяжущимися. Старикъ съ усиліемъ наконецъ проглотилъ кусокъ и, тутъ же поперхнувшись, закашлялся старческимъ сухимъ кашлемъ.

— Мои бараны, — радостно закричалъ Махмудъ - Ходжа, схватывая одновременно съ тѣмъ за горло Алима Бая и сжимая его.

— Смотрите, люди: не можетъ онъ проглотить хлѣба. Почтенный казій и вы, амлякдаръ, видите, что я правъ!

Старикъ, схватившись трясущимися руками за сильную мускулистую руку своего врага, посинѣлъ и закашлялся еще сильнѣе, весь сжавшись и со слезами на глазахъ ища сочувствія среди окружавшаго народа.

— Вѣрно! воля Аллаха указала намъ, что виноватъ Алимъ Бай,—рѣшилъ казій, переглянувшись съ амлякдаромъ.—Ничего

не подѣлаешь: судъ Божій совершился на вашихъ глазахъ люди...

И сказавъ нѣсколько словъ шепотомъ амлякдару, казій поднялся съ мѣста и направился къ своей лошади, стремя которой уже держалъ пододвинувшійся къ ней Махмудъ-Ходжа. Нѣсколько нукеровъ въ это время кинулись къ старику и, снявъ съ его головы чалму, начали ею же связывать ему руки на спинѣ, а затѣмъ, окруживъ его, погнали, подталкивая пинками и подбадривая нагайками къ амлякдаръ-хану.

Черезъ полчаса въ помѣщеніи амлякдара казій, амлякдаръ и Махмудъ-Ходжа, разговаривая, распивали чай. Должностныя лица, нѣсколько разъ пересчитавъ порядочныя кучки денегъ, полученныхъ отъ Махмудъ-Ходжи, степенно ихъ прятали въ свои глубокіе карманы, со спокойною совѣстью считая, что все дѣло прошло и рѣшено вполнѣ правильно.

Мы, пораженные всѣмъ видѣннымъ, обмѣниваясь впечатлѣніями, тихо выѣхали по направленію къ Акъ-Рабату.

Бывшій казій давалъ намъ разъясненія.

— Видѣлъ, тюра, какъ судъ Божій казій дѣлалъ. Вѣдь чурекъ-то не одинъ и тотъ же: у казія въ халатѣ и другая половина стараго чурека была; только что испеченный кусокъ далъ онъ Махмуду-Ходжѣ, а старый, черствый—Алимъ Баю. И разжевать то его не могъ старый своими старыми зубами. Но теперь ничего не подѣлаешь: все онъ потерялъ, потому на судъ Божій жаловаться нельзя никому. А народъ весь хорошо знаетъ, что Махмудъ-Ходжа большой мошенникъ и дурной человѣкъ; даже женъ своихъ сыновей въ покоѣ не оставляетъ. Всѣ они ему за женъ по очереди служатъ, когда только захочетъ. Онъ не хорошій человѣкъ; бараны никогда его не были, это я самъ знаю.

— Отчего же мулла Назаръ этого не сказалъ казію?— спросилъ я, желая узнать причину такого уклоненія.

— Нельзя, тюра. Скажу я—знаю, сейчасъ амлякдаръ прикажетъ заковать въ колодки, а потомъ нукеры могутъ все, что онъ захочетъ, сказать. Скажутъ, что та лошадь, на которой я ѣду, украдена. Выставятъ свидѣтелей, и будешь виноватъ, если

нѣтъ денегъ дать амлякдару за безпокойство. У насъ вѣдь такъ: кто богатъ—тотъ всегда правъ будетъ. Съ деньгами все можно сдѣлать. Эхъ, кабы у меня были деньги, я давно бы самъ казіемъ былъ и жилъ бы ай какъ хорошо, тюра.

Обрывки облаковъ, несшихся по небу, постепенно превращались въ тучи, низко нависшія надъ землею; изъ нихъ порою начинался проливной дождь, лившій, казалось, цѣлые потоки воды, образовавшей лужи во впадинахъ и жидкую, но вязкую грязь на болѣе высокихъ мѣстахъ.

Мы уже выѣхали на караванную дорогу, пролегающую отъ города Кара-Куля по направленію Гугерджели на Аму-Дарьѣ и къ Хивинскимъ владѣніямъ. Дорога эта, имѣвшая прежде особенно важное значеніе, постепенно пришла въ упадокъ съ развитіемъ судоходства на рѣкѣ Аму-Дарьѣ, а караваны, ходившіе въ Хиву, стали появляться сравнительно крайне рѣдко, и лишь немногіе слѣды тропъ указывали, что все-таки еще здѣсь продолжается торговое движеніе.

Мало-по-малу появлявшіяся въ началѣ небольшія песчаныя площади превратились въ песчаную пустыню, разстилавшуюся во всѣ стороны до самаго горизонта, гдѣ сѣрыя тучи, сливаясь съ барханами, создавали какой-то особенный фонъ желто-сѣроватаго цвѣта, придавая ему видъ мертваго, заколдованнаго мѣста, въ которомъ уже не было видно никакой растительности.

Когда-то, не болѣе двухъ-трехъ столѣтій тому назадъ, всѣ эти мѣста принадлежали къ числу культурныхъ земель, и лишь впослѣдствіи пески Кизилъ-Кумовъ, двигаясь въ юго-восточномъ направленіи, стали постепенно засыпать плодородный лёсъ, составляющій такимъ образомъ подпочву песчаной пустыни; въ ней еще видны кое-гдѣ слѣды протоковъ рѣки Заравшана, впадавшей прежде въ Аму-Дарью, а въ настоящее время разбираемой на орошеніе и частью исчезающей въ пустынѣ, гдѣ воды ея образуютъ во впадинахъ значительныя заболоченныя пространства, покрытыя зарослями камышей и являющіяся излюбленными мѣстами для всякой водяной птицы, водящейся въ несмѣтномъ количествѣ во всѣ времена года.

— Много лѣтъ назадъ мнѣ пришлось побывать въ этой

пустынѣ,—заговорилъ полковникъ, задумчиво осматривая окрестности.—Но только мы шли гораздо восточнѣе отъ Самарканда и пересѣкали ее въ направленіи отъ Самарканда къ Хивѣ, во время хивинскаго похода въ 1872 году. Тоже тогда какое-то недоразумѣніе въ дипломатическихъ сферахъ происходило, въ силу котораго министерство иностранныхъ дѣлъ категорично настояло, чтобы территорія Бухарскаго ханства не была нарушена; поэтому и пришлось войскамъ нашимъ итти по самой тяжелой дорогѣ, по сыпучимъ пескамъ, и около колодцевъ Адамъ-Кырганъ чуть не погибъ весь отрядъ отъ недостатка воды. Да, ужасный это былъ походъ, и теперь страшно вспомнить, какъ за прошедшимъ отрядомъ валялись сотни павшихъ верблюдовъ, лошадей и наконецъ людей, умершихъ отъ изнуренія и недостатка воды.

Только когда подошли къ Аму-Дарьѣ, люди воскресли и подбодрились.

— А вы, полковникъ, все время этого похода пробыли?—спросилъ я, разсчитывая услышать что-нибудь новое изъ исторіи завоеванія Хивинскаго ханства.

— Мнѣ съ самаго выхода изъ Ташкента пришлось побывать во всѣхъ дѣйствіяхъ, а добравшись до Хивы, я потомъ уже, десять лѣтъ спустя, вновь въ Хивинское ханство былъ посланъ для изслѣдованія стараго Аму-Дарьинскаго русла — Узбоя по тамошнему. Вѣдь Аму-Дарья когда-то впадала въ Каспійское, а не Аральское море, и лишь потомъ хивинцы построили на ней плотины, загородивъ старое русло Узбоя.

Много въ свое время вызвалъ споровъ этотъ вопросъ. Одни доказывали, что Аму-Дарья не могла течь къ Каспію, а другіе увѣряли въ противномъ, указывая, что она въ него впадала еще 350 лѣтъ тому назадъ. И тѣ и другіе подбирали историческіе факты, подтверждавшіе ихъ взгляды. Не знаю, на чьей сторонѣ была бы истина. Древніе арабскіе географы подтверждали первое предположеніе, а новѣйшіе уже описывали Аму впадающей въ Аральское море.

Вотъ тутъ-то вмѣшайся во все это дѣло—состоявшій при туркестанскихъ войскахъ Великій Князь Николай Константино-

вичъ. Сами знаете его несокрушимую энергію, проявленную имъ при орошеніи Голодной степи. Но вѣдь это теперь, когда ему уже почти 60 лѣтъ; а лѣтъ 30 тому назадъ силы-то были у него куда больше. Рѣшилъ онъ тогда изслѣдовать старое русло Узбоя, и выборъ палъ на меня. Съ десяткомъ казаковъ и топографомъ двинулись мы въ началѣ мая 1890 г. по Узбою среди далеко недружелюбно относившагося къ намъ хивинскаго населенія, принадлежащаго въ этихъ мѣстахъ къ племеня юмудовъ. Но наши побѣды такъ прогремѣли и слухъ о русскихъ силахъ принялъ настолько большіе размѣры, что мы проѣхали больше 300 верстъ какъ будто бы подъ стѣнами самого Ташкента, пользуясь помощью всѣхъ хивинскихъ бековъ.

Сдѣланныя нивеллировки подтверждали всѣ предположенія, а породы рыбъ, встрѣчавшіяся во всѣхъ озерахъ по Узбою, доказывали, что это остатки тѣхъ же породъ, которые попали сюда съ водами Аму-Дарьи, протекавшими по старому руслу, для прегражденія которыхъ хивинцы построили въ XVI столѣтіи плотины Ханбентъ и Ташбогулъ.

Получивъ доказательства, Великій Князь сейчасъ же приступилъ къ работамъ, поставивъ на свой счетъ тысячи рабочихъ хивинцевъ. Въ теченіе трехъ недѣль продолжались земляныя работы по прорытію плотинъ и углубленію протока, идущаго отъ Аму-Дарьи къ старому протоку Лаузанъ, и наконецъ вечеромъ 29 іюня 1890 года работы были окончены и вода Аму-Дарьи пущена въ старое русло по протокамъ Лаузанъ, Нуракъ къ озеру Сафаръ Куль по Шарнрауку. Съ ревомъ понеслись воды рѣки черезъ прокопанную плотину Ташбогутъ, образовавъ на Шарнраукѣ огромный водопадъ. Дойдя 11 іюля до стараго русла Узбоя, вода направилась дальше къ озеру Саракамышу, въ которое влилась 4 августа, наполнивъ озеро и превративъ сухое русло въ огромную рѣку на протяженіи слишкомъ двухсотъ верстъ.

Но только дѣло не было окончено. Плотины, построенныя ниже Саракамыша, не были прокопаны, и вода стала разливаться, затопляя окрестности, да вдобавокъ къ тому же населеніе, живущее около Хивы, оставшееся безъ воды для своихъ

полей, стало просить пустить имъ воду. Просьбу ихъ исполнили и вновь засыпали проходы въ плотинахъ Ташбогутъ и Ханбентъ, и Аму-Дарья пошла снова къ Аральскому морю. Разумѣется, главной причиною, помѣшавшей довести опытъ до конца, была неподготовленность населенія, сдѣлавшаго свои посѣвы на старыхъ мѣстахъ? Если бы объ этомъ они были предварены раньше, то стали бы дѣлать запашки около стараго русла по Узбою.

Но во всемъ этомъ дѣлѣ главное, что возможность пустить воды Аму-Дарьи по Узбою была фактически доказана. Жаль только, что потомъ не воспользовались этимъ опытомъ для производства правильныхъ работъ, могущихъ имѣть огромное значеніе для всей Средней Азіи устройствомъ новаго воднаго пути изъ Каспійскаго моря по Аму-Дарьѣ вплоть до кишлака Сарая на далекихъ верховьяхъ этой рѣки, находящагося уже всего въ пяти дняхъ пути отъ Пешавера.

Если провѣрить всѣ преданія о загражденіи плотинами Аму-Дарьи, то приходится вывести заключеніе, что главною причиною явилось желаніе монголовъ подчинить себѣ всю степь, по которой протекала Аму-Дарья, лишивъ кочевниковъ-юмудовъ воды и этимъ заставивъ ихъ покориться. Эти преданія слышалъ еще и князь Бековичъ, когда шелъ по порученію Великаго Петра въ Хиву разрушать загражденія и плотины на Аму-Дарьѣ...

Кишлакъ Акъ-Рабатъ, съ остатками развалинъ значительныхъ построекъ, лишній разъ подтверждалъ значеніе этой дороги въ прежнее время.

Найдя себѣ пріютъ въ кибиткѣ киргизовъ, кочующихъ въ здѣшнихъ мѣстахъ со своими стадами, и поставивъ коней на приколы, мы съ особымъ удовольствіемъ стали устраиваться на ночлегъ въ юртѣ, разсчитывая не только хорошо провести ночь, но и узнать кое-что изъ жизни кочевниковъ-киргизовъ, крайне словоохотливыхъ и любящихъ гостей, привозящихъ имъ новости, до которыхъ такъ падки эти сыны пустыни. Наши ожиданія увѣнчались вскорѣ успѣхомъ. Разспросивъ о жизни и услышавъ жалобы на тяжелыя условія существованія, обиды и не-

справедливости бухарскихъ властей, полковникъ, желая утѣшить людей, сказалъ:

— Подождите, друзья, авось плачъ вашъ дойдетъ до слуха Акъ-Падишаха и тогда онъ прикажетъ Эмиру облегчить жизнь своего народа.

Хозяинъ, среднихъ лѣтъ, киргизъ Касымъ махнулъ рукою и разсмѣялся.

— Эхъ, тюра, гдѣ же тамъ Акъ-Падишаху узнать про насъ маленькихъ людей. Мы, какъ мошки, живемъ до тѣхъ поръ, пока не раздавитъ кто-либо ударомъ ладони и слѣда существованія ихъ не останется.

— Не грѣши, Касымъ,—раздался голосъ старика киргиза, сидѣвшаго въ глубинѣ юрты.

— Все можетъ быть. Все зависитъ отъ воли Аллаха. Захочетъ онъ—и даже языкъ мертваго заговоритъ, когда нужно. Ты молодъ, не знаешь, а я почти сто лѣтъ доживаю и самъ слышалъ отъ своего отца, что былъ такой уже разъ случай.

— Какой это случай, отецъ? разскажи, пожалуйста, — поспѣшилъ я спросить старика, хмуро посматривавшаго изъ-подъ сѣдыхъ всклокоченныхъ бровей на яркій огонь мангала.

— Да, тюра, все воля Аллаха. Я вамъ разскажу все, что помню. А ты слушай,—уже сердито обратился онъ къ сыну.

— Очень много, можетъ быть тысячу лѣтъ тому назадъ, жили на бѣломъ свѣтѣ два брата. Одинъ изъ нихъ—богатый, страшно богатый бай. Велики были его стада барановъ, безчисленными связками ходили его верблюды по караваннымъ дорогамъ, возя товары. Много было у него бачей и женъ, молодыхъ красавицъ. Другой братъ былъ байгушъ, ничего не имѣлъ, т. е. имѣлъ, только очень мало: одного-двухъ верблюдовъ и одну старую жену,—на молодую не было у него денегъ; а ужъ бачей видѣлъ онъ только чужихъ на базарѣ, да и то рѣдко.

Поселилъ иблисъ въ его сердцѣ зависть, и не находилъ себѣ покоя бѣдный братъ, пока не подстерегъ своего богатаго брата и не перерѣзалъ ему горла острымъ кривымъ ножемъ, воспользовавшись, что ѣхалъ тотъ одинъ по тугаю безъ своихъ людей. Взялъ онъ тѣло убитаго и отвезъ къ стоявшимъ

невдалекѣ богатымъ кишлакамъ другого рода и бросилъ тамъ между двумя кишлаками тѣло.

Нашли утромъ кишлачные люди убитаго и узнали въ немъ богатаго бая. Заплакали его слуги и жены и бачи, но только плакали недолго; пришелъ его братъ, бывшій единственнымъ наслѣдникомъ, взялъ себѣ всѣ стада, верблюдовъ, коней, женъ и бачей вмѣстѣ съ мѣшками золотыхъ тиллей и серебряной теньги.

Но самъ знаешь, тюра, много имущества, много денегъ— и сейчасъ же начинается у человѣка новая болѣзнь—жадность. Заболѣлъ ею и новый бай. Стало ему казаться, что мало оставилъ братъ наслѣдства. Рѣшилъ онъ его увеличить и для этого заявилъ казію, что убили его брата богатые кишлачные люди обоихъ кишлаковъ, между которыми было найдено тѣло несчастнаго, и сталъ онъ съ тѣхъ людей требовать хунъ[1]) за кровь брата. Большой хунъ, потому былъ убитый богатый бай, дорого стоилъ. Стали кишлачные люди между собою спорить, каждый кишлакъ виноватъ и долженъ заплатить цѣну крови. Долго они спорили, но ни до чего договориться не могли, пока аксакалы не рѣшили спросить совѣта мудраго Мусу-Ишана, жившаго невдалекѣ.

Пошли къ Мусѣ-Ишану самые почетные люди и разсказали ему свое дѣло. Выслушалъ ихъ Ишанъ, подумалъ и сказалъ свое святое слово.

„Аллахъ всемогущій, всевѣдущій, милостивый, справедливый, но Онъ не можетъ самъ разбирать всѣ людскія дѣла, и поэтому Онъ по милосердію своему указалъ мнѣ дать вамъ совѣтъ:

— О, люди! Найдите восьмилѣтняго быка, не ходившаго въ ярмѣ и подъ сѣдломъ. Купите его, зарѣжьте, мясо раздайте бѣднымъ, а языкъ его вложите еще теплымъ въ ротъ убитаго бая, и тогда по волѣ Аллаха онъ самъ скажетъ, кто его убійца“.

И стали кишлачные люди искать такого быка и долго искали они его, пока не нашли у одной бѣдной вдовы чернаго, восьмилѣтняго быка, не ходившаго ни подъ сѣдломъ, ни

[1]) Хунъ – штрафъ, вознагражденіе.

въ ярмѣ. Зарѣзали они быка, роздали мясо бѣднымъ, а теплый еще языкъ вложили въ ротъ убитаго бая.

И по волѣ Аллаха совершилось чудо, сталъ языкъ говорить и назвалъ имя убійцы, своего меньшого брата. Побилъ тогда народъ убійцу камнями, какъ полагается по шаріату.

— Видишь ли, если есть воля Аллаха, то и мертвый языкъ можетъ сказать слово, — съ укоризной въ голосѣ обратился старикъ къ сыну.

— Захочетъ Милосердный, и наши вопли маленькихъ людей долетятъ до слуха Великаго Акъ-Падишаха урусовъ, сильнаго, могущественнаго, передъ которымъ трепещутъ всѣ народы.

Броситъ онъ взглядъ на несчастную бухарскую землю и, какъ солнечный лучъ разгоняетъ тучи, такъ и отъ взора исчезнетъ всякая неправда и спрячутся всѣ злодѣи.

Вы не помните, а я видѣлъ самъ своими старыми глазами, какъ много лѣтъ тому назадъ разгнѣвался Акъ-Падишахъ на Эмира и послалъ свои войска и въ Бухару и въ Хиву. Какъ трусливые зайцы бѣжали тогда всѣ беки, сарбазы, амлякдары, нукеры въ пустыни, боясь предстать передъ лицомъ справедливыхъ начальниковъ войска урусовъ.

И снова настанетъ это время. Захочетъ Аллахъ, и все будетъ...

Глубокою вѣрою въ свѣтлое будущее звучалъ голосъ старика. Сидя у мангала и смотря на огонь, я невольно задумался. Вспомнилась мнѣ вся исторія присоединенія Бухарскаго ханства послѣ завоеванія къ Россіи, и невольно эти мысли не были отрадными.

Вся исторія завоеванія прошла передъ глазами, и ясно вездѣ были видны тѣ огромные потоки русской крови, которой была полита бухарская земля. Но моря чернилъ, пролитыхъ дипломатіей при рѣшеніи бухарскаго вопроса, были еще больше, и среди нихъ исчезли это кровавые потоки. Въ дипломатическихъ измышленіяхъ обнаружилась какая-то странная боязнь Англіи, помѣшавшей правильному рѣшенію бухарскаго вопроса. Отсутствіе настойчивости нашихъ представителей создало особенно выгодное положеніе, при которомъ Бухарское ханство по-

степенно усилилось, и въ концѣ концовъ наша дипломатія пошла на уступки, а договоръ о дружбѣ 1873 года во многомъ пересталъ исполняться и русскіе подданные стали на бухарской территоріи мало-по-малу терять права по пріобрѣтенію земель, по освобожденію отъ податей и налоговъ, одновременно съ чѣмъ постепенно утрачивалось вліяніе русскаго дипломатическаго представителя при Бухарскомъ Дворѣ.

Какъ бы подтверждая мои мысли, полковникъ, сидѣвшій долго молча, заговорилъ:

— А вѣдь старикъ по своему правъ. Разумѣется, безъ вмѣшательства русскаго правительства въ бухарскія дѣла ничего Бухарскій Эмиръ не сдѣлаетъ и никакихъ реформъ въ ханствѣ не введетъ. Нѣтъ ни умѣнія, ни желанія, ни пониманія необходимости реформъ, а главное нѣтъ людей, могущихъ ихъ провести. Наши же дипломаты не дальновидны, да и плохо знаютъ положеніе бухарскаго ханства и его населенія. Какъ бы не пришлось Россіи тяжкими жертвами расплачиваться за ихъ ошибки. Сами вы вездѣ повсемѣстно слышали, что народное недовольство растетъ, и надо думать не иначе, какъ завтра можетъ вспыхнуть страшное кровопролитное возстаніе, которое не такъ-то легко потушить, какъ кажется, особенно если народные безпорядки коснутся Восточной Бухары и Гисарскаго края, куда и добраться-то черезъ горные перевалы большая задача.

Помню я покойнаго Лессара. Это былъ представитель Россіи, умѣвшій требовать и настаивать. При немъ бухарское правительство покорно исполняло каждое его слово. Ну, а потомъ, при другихъ, картина уже была иная.

Прямо обидно, какъ испортили русское дѣло и забыли наши государственные интересы, отошедшіе на задній планъ.

Мы долго еще обсуждали ненормальное положеніе, въ которое оказался поставленнымъ бухарскій вопросъ, нуждающійся въ рѣшительной рукѣ, могущей однимъ ударомъ разрубить всѣ образовавшіяся около него хитросплетенія, введя нужныя реформы въ Бухарскомъ ханствѣ и объявивъ Эмиру требованія о нихъ русскаго правительства въ порядкѣ Высочайшей воли. Не-

даромъ покойный Лессаръ всегда, когда заходилъ вопросъ о Бухарѣ, любилъ говорить:

„Какъ можно меньше регламентаціи по бухарскому вопросу. Все, что нужно, надо объявлять Эмиру въ порядкѣ Высочайшей воли, забывъ накрѣпко всякіе договоры о дружбѣ, которые, кстати сказать, обѣими сторонами давно уже нарушены“.

Верстахъ въ 20 за кол. Саръ-Булакомъ пески стали уменьшаться и мѣстность снова приняла видъ при-Аму-Дарьинской рѣчной равнины съ зарослями гребенщика и тамариска по низинамъ, въ которыхъ весною и осенью скапливаются воды отъ тающихъ снѣговъ. Вѣтеръ разогналъ тучи, и погода снова установилась.

Небольшіе зайцы порою перебѣгали дорогу, вызывая воркотню со стороны полковника.

— Ужасно не люблю этого звѣря. Хотите—смѣйтесь, а по моему всегда неудача, когда перейдетъ косой дорогу. Помню, шли мы походомъ на Хиву; невдалекѣ отъ Чандыра, перебѣжалъ заяцъ дорогу моей ротѣ и — что бы вы думали? — подъ Чандыромъ меня ранили, да еще вдобавокъ глиняной пулей. Рана пустая, а проболѣла долго.

Я посмѣялся надъ примѣтами старика, но уже къ полудню вмѣстѣ съ нимъ ругалъ всѣхъ зайцевъ на свѣтѣ. Мой конь сталъ припадать на ногу. Съ большимъ трудомъ удалось добраться до кочевки туркменъ, гдѣ, перемѣнивъ лошадь, лишь поздно къ вечеру мы доѣхали до колодца Ишъ-Маданъ, остановившись на ночлегъ.

— Провѣрьте и здѣсь, почти на границахъ Хивы и русскаго Аму-Дарьинскаго отдѣла, какъ относится населеніе къ бухарскимъ властямъ и Эмиру, и вы признаете, что я въ своихъ взглядахъ правъ,—сказалъ полковникъ, указывая глазами мнѣ на группу туркменъ, присѣвшихъ у порога, разсматривая своихъ неожиданныхъ гостей.

Я послушался и заговорилъ съ хозяевами.

Высокій, съ энергичнымъ лицомъ, но усталыми добрыми глазами туркменскій аксакалъ не отказался отъ соблазнительно пахнувшей чашки коньяку, который я предложилъ ему.

Выпивъ и разомъ оживившись, онъ очень охотно сталъ отвѣчать на всѣ вопросы.

— Ты хочешь знать, бояръ, гдѣ лучше людямъ живется?— переспросилъ онъ меня.—Объ этомъ каждый тебѣ, даже и маленькій бача скажетъ—у русскихъ на русской землѣ. Русскій шаріатъ—хорошій шаріатъ, русскіе начальники въ Чамбаѣ, Кунградѣ—справедливые люди; не обижаютъ народъ. Одно только плохо: мнѣ мулла изъ Бухары говорилъ — они не мусульмане и поэтому не попадутъ въ рай, а, какъ невѣрные, будутъ долго мучиться въ аду.

У насъ же и казій, и бекъ, и амлякдаръ, и зякетчи деньги любятъ, а правду не любятъ. Давно уже забыли они мусульманскій шаріатъ и судятъ не по совѣсти, оттого народу трудно жить.

Ты хочешь знать, любимъ ли мы Эмира? Что̀ намъ Эмиръ. Его отецъ Музаферъ-Ханъ и дѣдъ Насрула-Ханъ любилъ народъ туркменскій, называя его славнымъ храбрымъ войскомъ Аллаха, и мы отъ него имѣли всегда подарки.

А теперь. Теперь мы не нужны, но, тюра, и онъ тоже намъ не нуженъ со своимъ бекомъ, сидящимъ въ Кабаклахъ.

Если бы русскій начальникъ разрѣшилъ, мы давно выгнали бы его изъ калы, а сами стали бы платить зякетъ и аминану, и хераджъ русскому начальнику.

Но отчего же русскіе не хотятъ брать съ насъ податей и оставляютъ бухарскаго бека. Не знаешь ли ты, тюра?

Я невольно сталъ втупикъ передъ этимъ наивнымъ вопросомъ.

— Видишь ли, у Акъ-Падишаха очень много людей, и ему трудно за всѣми доглядѣть, поэтому онъ и оставилъ Эмира въ Бухарѣ, — извернулся полковникъ, политично отвѣчая на щекотливый вопросъ туркмена.

— Кажется, мы съ вами достаточно насмотрѣлись и наслушались на всей обширной территоріи ханства, которую намъ удалось посѣтить; вездѣ одно и то же.

Полное безправіе населенія и страшный произволъ бухарскихъ административныхъ властей. Съ одной стороны бѣдность

туземцевъ, а съ другой—богатая привольная жизнь бековъ, казiевъ, амлякдаровъ и всего безчисленнаго сонма всякихъ чиновниковъ. Картина въ общемъ до-нельзя грустная, наводящая на печальныя размышленiя.

Мѣстность постепенно оживлялась показавшимися вдали на берегу Аму-Дарьи кишлаками, окруженными куртинами деревьевъ. Вдали съ гряды холмовъ уже виднѣлась излучина огромной рѣки, виднѣвшейся среди отлогихъ береговъ и катившей свои мутныя волны къ Аральскому морю, той таинственной странѣ Аралъ, которая, по понятiямъ древнихъ вавилонянъ, являлась началомъ иного мiра, куда уходитъ все живущее на землѣ и откуда уже нѣтъ возврата.

По берегу рѣки начиналась снова культурная полоса съ пашнями и посѣвами, глинобитными постройками кишлаковъ, населенiе которыхъ, какъ и вездѣ на Аму-Дарьинскомъ побережьи, имѣетъ своимъ главнымъ врагомъ пески пустыни, засыпающiе годъ отъ года узкую лёсовую полосу.

Съ высотъ прибрежныхъ холмовъ уже виднѣлись постройки кишлака Кукертли, а дальше на горизонтѣ разстилался дымъ парохода Аму-Дарьинской флотилiи, съ огромнымъ трудомъ шедшаго противъ теченiя, везя тяжело нагруженную баржу изъ хивинскихъ владѣнiй.

Отдохнувъ въ Кукертли и простившись съ нашими спутниками, мы къ вечеру уже были на палубѣ парохода, на которомъ будто яркiй цвѣтникъ виднѣлась одѣтая въ халаты всѣхъ цвѣтовъ толпа пассажировъ-туземцевъ.

Стоя около пароходной трубы, дававшей тепло, я смотрѣлъ на бухарскiй берегъ, выступавшiй неяснымъ абрисомъ изъ темноты.

Бухарское ханство съ его своеобразною жизнью, особымъ управленiемъ и стонущимъ отъ тяжелаго гнета народонаселенiемъ рисовалось какъ тяжелый кошмарный сонъ, и въ памяти невольно вставали эпизоды, сопровождавшiе завоеванiе русскими войсками этой страны, о существованiи которой покойный М. Г. Черняевъ всегда писалъ: „Бухара не должна быть независи-

мой", но голосъ этого знатока средне-азіатскихъ дѣлъ потонулъ въ дружномъ хорѣ противниковъ этого взгляда.

И, несмотря на письмо сложившаго оружіе послѣ пораженія, нанесеннаго бухарской арміи русскими войсками на Зерабулакскихъ высотахъ, бывшаго Бухарскаго Эмира Музаферъ-Хана командующему войсками генералъ-адъютанту Кауфману, въ которомъ онъ, признавая свое ничтожество передъ мощью великой Россіи, писалъ: „Теперь мнѣ остается лишь передать Бѣлому Царю свою страну и оружіе и просить, чтобы онъ позволилъ мнѣ отправиться въ Мекку замаливать грѣхи моего народа и мои",—все же Бухарское ханство оставлено было существовать въ качествѣ независимаго государства, лишь состоящаго подъ протекторатомъ Россіи, имѣвшей возможность разъ навсегда покончить бухарскій вопросъ, въ которомъ впослѣдствіи такъ неудачно запуталась наша дипломатія, оттянувъ его рѣшеніе на полстолѣтія, уступивъ при этомъ всѣ выгоды положенія завоевателей страны, владыка которой въ то время, заключая договоръ о дружбѣ съ Россіей, вполнѣ признавалъ себя ея подданнымъ, обозначивъ это самъ первыми строками названнаго высокопоучительнаго историческаго документа.

„Въ угоду Государю Императору Всероссійскому и для вящшей славы Его Императорскаго Величества Высокостепенный Эмиръ Сеидъ-Музаферъ-Ханъ постановилъ открыть свободу торговли, уплатить контрибуцію" и т. д.

— Испортили все дѣло съ Бухарою,—какъ бы отзываясь на мои мысли, заговорилъ полковникъ.

— Ну, а теперь поправлять уже гораздо труднѣе.

Но ничего не подѣлаешь: скоро придется Россіи принять рѣшительныя мѣры, если не захотятъ завоевывать второй разъ Бухарское ханство.

Недовольство населенія ханства достигло высшей степени напряженія и не сегодня, такъ завтра разразится гроза народнаго возстанія, и молодому Эмиру не справиться съ этою стихійною силою.

Разсѣкая волны стремительно бѣжавшей рѣки, пароходъ тяжело подвигался противъ теченія.

Колеса били лопастями воду, и въ этомъ ритмическомъ стукѣ мнѣ слышались впечатлѣнія путешествія по странѣ безправія, хищеній, дикаго произвола, злоупотребленій, носящей названіе Бухарскаго ханства, населеніе котораго живетъ надеждами на вмѣшательство въ его жизнь Великой Россіи.

Косыя лучи осенняго солнца передъ заходомъ освѣтили пароходную палубу.

Вся масса туркменъ, хивинцевъ и киргизъ, ѣхавшихъ на пароходѣ, зашевелилась, и, разославъ кто коврики, а кто и свои халаты, опустились на колѣни.

Насталъ часъ вечерней молитвы...

Ярко вспыхнули электрическія лампочки на мачтахъ парохода...

Сильный прожекторъ, бросая снопы свѣта, освѣтилъ русло Аму-Дарьи и, скользнувъ по берегамъ, далъ возможность выбрать мѣсто для остановки.

Гдѣ-то въ камышахъ неутѣшнымъ плачемъ заплакали шакалы...

пограничной полосы, но, имѣя много данныхъ о торговлѣ, культурѣ, характерѣ и исторіи туземцевъ, могутъ служить прекраснымъ пособіемъ при изученіи Средней Азіи.

(„*Вѣстовой*" 1909 г.).

. . . Авторъ давно извѣстенъ, какъ увлекательный разсказчикъ. Въ новомъ своемъ произведеніи онъ мастерски передаетъ картины природы, бытовыя особенности туземцевъ, историческія, статистическія и иныя любопытныя справки. Личныя наблюденія автора всюду вѣрны: край имъ посѣщенный встаетъ передъ глазами, какъ живой. Могу сказать, что авторъ обладаетъ рѣдкою способностью схватывать характерныя черты каждой мѣстности. Положительно книги заслуживаютъ самаго широкаго распространенія: географъ найдетъ здѣсь вѣрный, серьезный, и, можетъ быть, новый матеріалъ о далекомъ и малоизвѣстномъ краѣ. Русскія власти и депутаты найдутъ въ книгахъ матеріалъ для своихъ заключеній и мѣропріятій и каждый получитъ вѣрный отчетъ объ этой окраинной Россіи. Литературныя качества книгъ дѣлаютъ ихъ отличнымъ чтеніемъ для юношества. Наконецъ, авторъ собралъ весьма выразительныя черты военныхъ свойствъ этой „позиціи о Россіи" на Средне-Азіатскомъ фронтѣ.

А. Шеманскій. „*Развѣдчикъ*" 1909 г. № 955.

Посвящается высокому вниманію
Государственной Думы

Д. Н. Логофетъ.

Давно забытый Бухарскій вопросъ скрываетъ въ себѣ непочатый ворохъ глубокаго трагизма вмѣстѣ съ игривостью веселаго фарса.

„Страна безправія".

Бухарское Ханство и его современное состояніе . . . . . **1** р. **25** к.

. . . Книга хорошая, тепло и съ пониманіемъ дѣла написанная. Можно только пожелать, чтобы она нашла себѣ широкій кругъ читателей.

(***А. Снѣссаревъ.*** „*Русскій Инвалидъ*" 1908 г. № 34).

. . . Авторъ, безспорно, одинъ изъ немногихъ у насъ, отлично знающій Бухару и Бухарскій вопросъ и не только изъ книгъ, а наблюдая и то и другое на мѣстѣ, во время долгой службы въ этой странѣ. Правдиво и доказательно съ цифрами въ рукахъ, со ссылками на офиціальные документы оцѣниваетъ Бухарскій вопросъ съ его главныхъ сторонъ. Авторъ тысячу разъ правъ и его заслуга передъ обществомъ велика за это.

(***А. Шеманскій.*** „*Развѣдчикъ*" 1909 г. № 940).

. . . Книга полна интересныхъ свѣдѣній.

(„*Слово*" 1909 г. № 707).

. . . Не столько о Бухарскомъ вопросѣ задумаешься, прочитавъ эту книгу, сколько о Русскомъ государствѣ, объ его бездарной и трусливой дипломатіи, о безнадежной близорукости нѣкоторыхъ администраторовъ.

(*„Голосъ Москвы“* 1909 г. № 273).

. . . Вся интеллигентная часть нашего общества заинтересуется этою книгою, дающею полное и всестороннее представленіе о Бухарѣ и Бухарскомъ вопросѣ.

(*„Туркестанскія Вѣдомости“* 30 октября 1908 г.).

. . . Авторъ, извѣстный читателямъ по ряду статей, помѣщенныхъ на страницахъ періодическихъ военныхъ журналовъ, даетъ въ своемъ трудѣ весьма обстоятельное описаніе современнаго положенія Бухары.

(*„Вѣстовой“* 1909 г.).

. . . Книга Д. Н. Логофетъ даетъ массу цѣннаго матеріала для правильнаго рѣшенія Бухарскаго вопроса.

(*„Голосъ Москвы“* 1908 г. № 236).

. . . Желающимъ болѣе подробно ознакомиться съ Бухарскимъ вопросомъ можно рекомендовать талантливо написанную Д. Н. Логофетъ книгу „Страна Безправія“.

(*„Военный Сборникъ“* 1910 г. № 5).

. . . Книга посвящена высокому вниманію Государственной Думы и надо сказать, что посвященіе это чрезвычайно удачно. Но не только Государственная Дума въ цѣломъ и отдѣльные ея члены должны заинтересоваться книгою Д. Н. Логофетъ—она прочтется съ большимъ интересомъ и всѣмъ образованнымъ русскимъ обществомъ.

(*„Биржевыя Вѣдомости“* 1909 г. № 236).

. . . Авторъ „Страны Безправія“ старый туркестанецъ, въ мрачныхъ краскахъ, но совершенно правдиво обрисовалъ язвы бухарскаго управленія и весь ужасъ положенія беззащитнаго, угнетеннаго населенія.

(*„Новое Время“* 1910 г. № 12161).

Д. Н. Логофетъ. „По Каспійскому морю и персидской границѣ“. (Путевые очерки). С.-Петербургъ 1905 г. . . . . **75** к.

Д. Н. Логофетъ. Очерки и разсказы, т. I. Ташкентъ . . . . **1** р. **25** к.

Д. Н. Логофетъ. Очерки и разсказы, т. 2.

Ташкентъ . . . . 1 р. 25 к.

. . . Въ только что вышедшихъ книгахъ авторъ яркими красками рисуетъ своеобразную и суровую жизнь пограничниковъ. Въ томѣ второмъ та же жизнь, но въ песчаныхъ пустыняхъ и дикихъ горахъ Средней Азіи. Въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, сохраняя бодрость духа, проходятъ передъ читателемъ мастерски нарисованные типы офицеровъ и солдатъ, заброшенныхъ на эти далекія окраины.

(*„Туркестанскія Вѣдомости“* 1904 г. № 171).

Бухарское Ханство подъ русскимъ протекторатомъ

Д. Н. Логофетъ, Дѣйств. члена Имп. Русскаго Географ. Общества. С.-Петербургъ. 1911 г. въ 2 томахъ. Цѣна за оба тома . . . . **4 р. 50 к.**

. . . Въ послѣднее время Д. Н. Логофетъ, - весьма популярный писатель о Средней Азіи,—началъ описывать Бухару, издавъ новый свой трудъ „Бухарское ханство подъ Русскимъ протекторатомъ,“ въ которомъ даетъ наиболѣе полное не только описаніе, но изслѣдованіе Бухары во всѣхъ отношеніяхъ, ни на минуту не упуская главной идеи—охраненіе русскихъ интересовъ въ Бухарѣ. Взгляды автора глубоко проникаютъ въ жизнь современной Бухары.. Авторъ своимъ новымъ трудомъ заслужилъ не только полученное имъ званіе дѣйствительнаго члена Географическаго общества, но еще болѣе признаніе въ немъ государственнаго дѣятеля съ широкимъ и вѣрнымъ взглядомъ на русскіе интересы на этой окраинѣ. Если добавить литературность изложенія и прямоту мысли, то книгу Д. Н. Логофетъ необходимо включить въ обязательный каталогъ книгъ для каждаго русскаго гражданина—націоналиста. Рѣдко можно видѣть такое богатство правильныхъ идей, колоссально обоснованныхъ грудами фактовъ, цифръ и справокъ въ этой книгѣ, недочеты которой ничтожны.

(***А. Д. Шеманскій.*** *„Туркестанскій Курьеръ“* 1911 г. № 332).

. . . Только что вышелъ изъ печати въ высшей степени интересный трудъ Д. Н. Логофетъ „Бухарское ханство подъ Русскимъ протекторатомъ“. Нельзя не согласиться съ выводами автора, такъ добросовѣстно и полно разработавшаго вопросъ ненормальности существованія независимаго Бухарскаго ханства въ границахъ Россіи.

(*„Закаспійское Обозрѣніе“* 1910 г. № 248).

. . . Вышло изъ печати новое сочиненіе „Бухарское ханство подъ Русскимъ протекторатомъ“ Д. Н. Логофетъ, извѣстнаго изслѣдователя и знатока Бухары. Прежде, чѣмъ высказаться по существу относительно этого новаго научнаго вклада въ русскую литературу, необходимо упомянуть, что авторъ его долго прожилъ въ бухарскихъ владѣніяхъ, собирая богатый матеріалъ о жизни населенія Бухарскаго ханства, а затѣмъ много работалъ въ архивахъ, изучая бухарскій вопросъ по первоисточникамъ. Въ своей первой книгѣ „Страна Безправія“—Бухарское ханство и его современное состояніе, изданной въ 1909 г. г. Логофетъ положилъ начало „разъясненія“ бухарскаго вопроса, а въ новомъ трудѣ „Бухарское ханство подъ Русскимъ протекторатомъ“ онъ безусловно первый открылъ глаза на „многое“ неясное и непонятное для общества, что до настоящаго времени было скрыто въ архивахъ и нескоро бы появилось на свѣтъ Божій. Послѣдній трудъ Д. Н. Логофетъ вышелъ въ удачное время, когда русское общество заинтересовалось Бухарою. Достоинствъ въ этомъ научномъ трудѣ много и они очень велики, равно какъ и велика заслуга автора передъ обществомъ. Трудъ состоитъ изъ 2 томовъ, болѣе 700 стр. убористаго шрифта.

(„*На рубежѣ*“ 1910 г. № 239)

. . . Д. Н. Логофетъ издалъ свою новую работу „Бухарское ханство подъ Русскимъ протекторатомъ“, являющуюся результатомъ свыше десятилѣтняго знакомства съ Бухарою, въ которой даетъ самое полное и всестороннее описаніе Бухарскаго ханства.

(„*Вѣстовой*“ 1910 г. № 171).

. . . Это первая *полная* работа о Бухарѣ. Въ общемъ при большихъ литературныхъ достоинствахъ книги надо отмѣтить широту и вѣрность взглядовъ автора на русскіе интересы на этой окраинѣ нашего государства.

(„*Русскій Инвалидъ*“ 1910 г. № 253).

. . . „Бухарское ханство подъ Русскимъ протекторатомъ“. Этотъ обширный научный трудъ въ 2 томахъ появляется весьма кстати, являясь незамѣнимымъ и покуда единственнымъ источникомъ для уясненія современнаго состоянія ханства. Новый трудъ Д. Н. Логофетъ долженъ служить настольной книгой каждому, имѣющему соприкосновеніе съ дѣлами Средней Азіи, а для всѣхъ интересующихся современнымъ положеніемъ своего отечества эта книга даетъ жизненно-научный матеріалъ, далекій отъ схоластики и цѣнный, благодаря основательному личному знакомству автора съ краемъ.

(***А. Апухтинъ***. „*Развѣдчикъ*“ 1911 г. № 1069).

